

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ Ա Յ Ի Լ Ը Տ Ի Բ
Հ Ն Ի Գ Ի Տ Ի Կ Ի Դ
Հ ՈՒՇԱՐՉԱՆՆԵՐԸ

13

ԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ
ՀՈՒՇԱՐՉԱՆՆԵՐ

Պ Ր Ա Կ

V

Ա. Ա. ԲԱՆԱՆԴԱՐՅԱՆ

ԳԻՐՆԻ ՎԱՆՍԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ
ԿՆՔԱԴՐՈՇՈՂՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1982

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
АРМЕНИИ

13

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК

V

А. А. КАЛАНТАРЯН

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
БУЛЛЫ ДВИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1982

ББК 63.4(22)
К170

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии
АН Армянской ССР

Ответственный редактор
доктор исторических наук **В. Г. ЛУКОНИН**

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
кандидаты исторических наук **С. В. Арутюнян, Г. А. Тирацян**

Калантарян, А. А.

К170 Раннесредневековые буллы Двина/Отв. ред. В. Г. Луконин.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1982—68 с., 7 л. ил.—(Археологические памятники Армении/АН АрмССР, Ин-т археологии и этнографии, 13, средневековые памятники, вып. V).

В работе обсуждаются вопросы, связанные с глянными буллами (оттисками печатей) из Двина, которыми опечатывались различные государственные и хозяйственные документы (светские и церковные), торговые сделки, личные послания и т. д. С этой точки зрения изучен ряд вопросов социально-экономической жизни раннесредневековой Армении. Отдельная глава посвящена символике печатей, которая тесно связана с сасанидской глиптикой.

Книга рассчитана на археологов и востоковедов, а также широкое круги читателей.

К $\frac{0507000000}{703(02)-82}$ 24—81

ББК 63.4(22)
902.6(С43)

© Издательство АН Армянской ССР, 1982.

ВВЕДЕНИЕ

Двин—один из крупнейших торгово-ремесленных, культурных и административных центров средневековой Армении. Вудучи основан в IV—V вв., он стал центром марзпанской Армении и сразу же оказался втянутым в хозяйственную, политическую и культурную сферу эпохи. Ирано-византийское противоборство в этот период за преобладание на Влижнем Востоке тяжело отражалось в судьбах Армении. В этой борьбе много невзгод обрушилось на Двин, который играл важную роль в освободительной борьбе армянского народа.

Начиная с раннего средневековья, в Двине большое развитие получили различные ремесла, торговля, строительное дело. Об этом свидетельствуют многочисленные предметы, найденные во время раскопок города, выявленные архитектурные памятники¹. В 470-х гг. Двин стал духовным центром Армении, что весьма стимулировало развитие культурной жизни города.

Помимо археологического материала, о ремеслах и изделиях Двина сохранились многочисленные письменные свидетельства у армянских и иноязычных историков. Об изготовленных в Двине тканях, стекле и коврах с похвалой отзываются арабские хронисты.

В V—VII вв. Армения поддерживала широкие торговые связи с соседними странами. Достойным упоминания договор, заключенный между Сасанидским Ираном и Византийской империей, который упоминается в кодексе Юстиниана (408/9 г.). По этому договору важную роль в международной

транзитной торговле играл Арташат. Ясно, что после Арташата эта роль перешла к Двину, когда последний стал административным центром марзпанской Армении². Примечательные сведения относительно совершавшейся в Двине транзитной торговли имеются у Прокопия Кесарийского (VI в.). О международной торговле в Двине свидетельствуют также многочисленные сасанидские и византийские монеты, найденные во время раскопок³.

В III—VII вв. Закавказье находилось в тесных экономических, политических и культурных связях с Сасанидским Ираном⁴. Вместе с тем именно на этот период приходится подъем освободительной борьбы армянского народа против персов (восстания в V и VI вв.).

Воздействие сасанидского искусства особенно заметно в использовании официальной сасанидской одежды (см. описание одежды Васака Сюнеци у Египта и марзпана Смбата у Себеоса)⁵, в ряде официальных символов, орнаментике, скульптуре (скульптуры церкви Птгни)⁶ и в искусстве изготовления и украшения оружия⁷.

² См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с. 108—110.

³ См. Х. Мушегян, Денежное обращение Двина по нумизматическим данным, Ереван, 1962.

⁴ См. М. В. Цоцелия, Восточная Грузия (Картли) в III—VII вв. и ее связи с державой Сасанидов, Автореферат канд. дисс., Л., 1975.

⁵ См. Սեբեոսի եպիսկոպոսի պատմություն, Երևան, 1939, դ. ԻԶ, էջ 66; Եղիշեի վասն Վարդանի և Հայոց պատերազմին, Երևան, 1957, էջ 136:

⁶ См. Р. В. Առաքելյան, Հայկական պատկերաբանականները IV—VII դդ., Երևան, 1949, նկ. 67, 68:

⁷ См. Г. А. Тирацян, Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. п. э. Фавста Бузандя. Исследования по истории и культуре народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели, М.—Л., 1960, с. 474—486.

¹ См. Կ. Ղաֆազյան, Դվին քաղաքը և նրա պեղումները, I, Երևան, 1952; Վ. Հաղոսյունյան, Դվինի V—VII դարերի ճարտարապետական հուշարձանները, Երևան, 1950; Բ. Ն. Առաքելյան, Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դդ., հ. I, Երևան, 1958; Ա. Ա. Քալանթարյան, Դվինի նյութական մշակույթը IV—VIII դդ., Երևան, 1970; Հ. Ն. Ջանիբալայան, Դվինի միջնադարյան ապակին IX—XIII դդ., Երևան, 1974 և ուրիշներ:

Несмотря на то, что Армения имела большие традиции по изготовлению печатей и гемм, однако в раннем средневековье наблюдается определенное воздействие сасанидского искусства в этой области. Находки гемм в Армении, в частности в Двине, довольно многочисленны, и их изготовление, вероятно, находилось под надзором государства, поскольку право носить перстни с геммой имело ограниченное число людей, в том числе и официальные лица. Думается, что подобное положение должно было быть и при сасанидском дворе и в странах, подвластных ему. В этой связи весьма интересен тот отрывок из кодекса Юстиниана, который относится к изготовлению перстней с драгоценными камнями только «дворцовыми ремесленниками»⁸. Перстень с печатью, согласно многочисленным источникам, являлся инвестиционным знаком различного рода официальных лиц наряду с кулаком—головным убором особой формы, камаром—почетным поясом, почетной повязкой—пативом, определенной формы тронов или кресел и т. д.

Чрезвычайно интересными материалами, позволяющими судить о различных экономических, политических, общественных и иных вопросах, являются найденные в Двине глиняные «буллы»—лепешки из специальной глины с оттисками различных печатей на них, которые прилагались к различного рода документам или опечатывали различные хранилища, тюки с товарами. В Двине найдена 41 булла, на которых оттиснуты иногда до 45 печатей. На 38 из них встречены, наряду с другими, оттиски иранских, сасанидских печатей, датирующихся VI—VII вв. Особый интерес представляют три буллы, на которых имеются оттиски печатей с арабскими надписями IX в. Такие буллы, насколько известно, найдены впервые.

На печатях, оттиснутых на буллах, вырезаны изображения различных животных, птиц, растительные орнаменты, знаки, кресты, которые, несомненно, связаны с культом. Часть печатей снабжена надписями.

Некоторые из булл Двина связаны с торговыми сделками, они прилагались к юридическим документам официального, личного и прочего характера.

В исследовании мы постараемся рассмотреть различные вопросы, связанные с буллами, изложить возможные версии их применения, рассмотреть символику и надписи печатей.

В «Шахнаме» Фирдоуси следующим об-

⁸ См. Н. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, с. 83.

разом рассказывается о бегстве сасанидского шаха Шапура II из римского плена. Совершив побег, Шапур укрылся у одного садовника. «Наедине так сказал шах садовнику: потребуй у старосты деревни глину для печати» (гил-и мухре). Когда садовник услышал от него эти слова, попросил глину, мускус и вино и поспешил [к шаху]. Повелитель мира приложил перстень (пагани) к глине, дал [глину] садовнику и провозгласил афорин (хвалу), сказал ему—покажи эту глину мобеде и посмотри [что случится] и послушай все, что он скажет. Утром садовник с печатью шаха пошел к мобеде мобедов. Когда мобед увидел эту печать, его сердце затрепетало от радости и он заплакал над именем, оттиснутым на глине»⁹. Так в Иране узнали, что их шах освободился из плена.

В Сасанидском судебнике имеется отрывок, в котором говорится: «Если он заявляет: «я этот документ тебе передал», то [по этому заявлению] ему передается печать [«глина»] и документ [«письменный текст»]»¹⁰. В оригинале написано «глина» («gil»).

Арабский историк X в. Макдиси сообщает о добыче в Хорасане специальной глины, которая использовалась для печати¹¹.

Буллы представляют собой небольшие, запечатанные печатями глиняные полушария или плоские круглые комки, изготовленные из специальной глины, мягкой и быстро затвердевающей. Химический анализ части средневековых булл показал, что в глину примешивался тальк. По своим размерам они разные, в зависимости от числа оттиснутых печатей.

Техника оттиска на глине восходит к древним временам. Вероятно, уже со второй половины I тысячелетия до н. э. глиняные буллы применялись при подтверждении официальных документов, что впоследствии, особенно при Сасанидах, получило широкое распространение.

Одно из ранних собраний булл известно из раскопок древней Нисы (совр. Туркмения); буллы обнаружены в большом строении¹². Они датируются III—II вв. до н. э. и

⁹ Фирдоуси, Шахнамс, Критический текст, т. VII, М., 1968, с. 235. «Правление Шапура Зуль-Актафа», бейты 297—305.

¹⁰ А. Г. Периханян, Сасанидский судебник, Ереван, 1973, АЗ4, 2—3 с. 408.

¹¹ См. М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, 1954, № 4, с. 160.

¹² См. М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Указ. соч., с. 159—169; М. Массон, Новые археологические

по своему назначению представляют довольно большой интерес. Изображения на оттисках печатей многожанровы—божества, сцены охоты, животные, а часть имеет надписи. На одном из оттисков с изображенным сцене охоты имеется надпись с именем «Трдат», что, несомненно, связано с династией персидских Аршакидов¹³.

Богатое собрание булл почти этого же периода выявлено в Кабале (Азербайджанская ССР), в слоях III—I вв. до н. э.¹⁴ Кабала—древний город Капалак, входивший одно время в состав царства Тиграна Великого. Поэтому буллы Кабалы представляют большой интерес с точки зрения изучения социально-экономической истории не только Азербайджана, но и эллинистической Армении.

Буллы Нисы, Кабалы, как и найденные в Селевкин буллы парфянского периода, по своему характеру отличаются от булл сасанидской эпохи и обладают несколько иным назначением.

В Армении самые ранние буллы известны из раскопок урартских намятников. Так, в кладовой № 25 Кармир-блур (Тейшебаини), близ находившегося в центре ее алтаря, прямо на полу была найдена трехгранная оулла, опечатанная парой одинаковых печатей. На одной из печатей видны следы клинописной надписи, которая, однако, не поддается расшифровке из-за плохой сохранности. На булле заметны следы нитей.

У входа в ту же кладовую найден небольшой комочек глины, отходящие от которого две нити опечатаны четырьмя печатями. Надо полагать, что кладовая, в которой хранилось большое количество вина и, возможно, зерна, в свое время опечатывалась. По мнению руководителя раскопок Кармир-блур Б. Б. Пиотровского, вход в кладовую опечатывался теми лицами, которым была доверена охрана здания¹⁵.

Интересная булла была найдена во время раскопок урартской крепости, расположенной на возвышенности в центре города Камо (бывший Нор Баязет). Она также опечатана парой, вероятно одинаковых, печатей.

данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, с. 152.

¹³ См. М. М. Дьяконов, Надписи на парфянских печатях из древней Нисы, ВДИ, 1954, с. 172.

¹⁴ См. С. М. Казиев, И. А. Бабаев, Раскопки Кабалы, АО, 1968, М., 1969, с. 39; Дж. Халилов, И. А. Бабаев, О городах древней Кавказской Албании, СА, 1974, № 4, с. 102, рис. 3.

¹⁵ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, с. 47—48.

тей¹⁶. Указанные образцы интересны с точки зрения выяснения назначения булл, в особенности—применения их для опечатывания входов. В урартский период было весьма распространено наложение печатей на сосуды в их влажном виде, что было связано прежде всего с каким-то институтом собственности и, возможно, с культом. Эти явления, которые тесно связаны друг с другом, имеют свои истоки в материальной и духовной культуре предшествующего периода и проникли в раннеармянскую среду. В этой связи значительный интерес представляют буллы, найденные во время раскопок Армавира. Б. Н. Аракелян датирует буллы VI—V вв. до н. э.¹⁷ Они опечатаны одной круглой печатью, имеющей изображения животных. Эти изображения по своему содержанию находят свои аналоги в переднеазиатских мотивах.

Буллами опечатывались двери, сосуды, утверждались разного рода документы—важные государственные решения, относящиеся к внутренним и внешним делам страны, к торговым сношениям, а также привилегии индивидуального характера, личные письма, послания и т. д. К этим документам буллы прикреплялись нитями. К сожалению, во время раскопок найдены только глиняные буллы—эти красноречивые свидетельства культурной и хозяйственной деятельности.

Находки булл в разных памятниках средневекового Востока свидетельствуют о довольно широком ареале их распространения, а именно—Сасанидский Иран и находившиеся в его подчинении страны.

В разных музеях мира хранятся тысячи сасанидских булл¹⁸, найденных случайно и во время раскопок. Самое большое собрание (около 500 булл) найдено в 1934 г. в Иране в слоях VI—VII вв. в цитадели населенного пункта Каср-и Абу Наср, близ Шираза¹⁹. Каср-и Абу Наср входил в историческую область Хузистан (в армянских источниках

¹⁶ См. Ч. 2. Մրխշխյան, Անթրոպիկ երկրի կենտրոնական կրկնաչափ ամրոցը, ՊՐԷ, 1964, № 1, էջ 125, նկ. 4:

¹⁷ См. Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, с. 168, рис. 10. В 1979 г. во время раскопок в Арташате обнаружено несколько тысяч булл, которые связываются с торговыми сделками города.

¹⁸ В последнее время опубликованы буллы, хранящиеся в Лувре. Буллы очень интересные, многопечатные и, вероятнее всего, иранского происхождения. Однако это случайные приобретения и где-то они теряют свою историческую ценность. См. Ph. Gignoux, Catalogue de Sceaux, Camees et Bulles Sasanides de la Bibliotheque National et du Muse'e du Louvre, II, Les Sceaux et Bulles inscrits, Paris, 1978.

¹⁹ См. Ch. K. Wilkinson, Notes on the Sasanian Se-

Хужастан), игравшей важную роль в политической и экономической жизни Ирана. Как показывают армянские исторические источники, Хужастан был центром несториан, игравших большую роль в торговой жизни страны. К этому факту мы обратимся позднее—в связи с сопоставлением булл Двина и Каср-и Абу Насра.

Около 200 булл найдено в северном Иране, во время раскопок храма Тахт-и Сулейман, в одной из комнат храмового хозяйства²⁰.

Небольшое собрание булл известно из Нехаенда, оно найдено во время предварительных раскопок. Буллы найдены в одной из комнат, относящихся к сасанидскому периоду, вместе с керамикой и позднесасанидскими монетами. Материал не опубликован и хранится в Тегеранском музее²¹.

В Советском Союзе первые буллы известны из среднеазиатских памятников. В 1933 г. И. А. Сухаревым найдены около Самарканда интересные буллы, которые, однако, не опубликованы и хранятся в Самаркандском музее. В конце 40-х годов во время раскопок крепости Тешик-кала Хорезмской экспедицией найдены буллы VIII в.²² На большей части печатей этих булл изображены сцены охоты, божества и т. д.

Примечательная коллекция булл сасанидского периода известна из раскопок замка Ак-Депе (Туркмения)²³. В этом собрании значительный интерес представляют официальные печати, на которых имеются только надписи²⁴.

Небольшое собрание булл найдено близ Ашхабада (материал не опубликован)²⁵.

В Закавказье буллы сасанидского периода вообще мало известны, несмотря на то, что находки печатей довольно часты. Выло бы неверно полагать, что это связано с какими-либо особенностями этих памятников. Вероятно, здесь значительную роль играет

то обстоятельство, что изучение памятников сасанидского периода в Закавказье еще только начинается. Тем не менее некоторые материалы известны с территории Азербайджана и Грузии. В 1949 г. одна булла с 12 печатями найдена в слоях V—VIII вв. в Мингечауре²⁶. Разумеется, один образец не позволяет прийти к существенным обобщениям. Отмечалось лишь, что изображения на печатях найденной в Мингечауре буллы весьма слабы по своему художественному исполнению. Это свидетельствует о принадлежности печатей представителям средних слоев населения²⁷. Нам кажется, что эти печати мстиые и принадлежали членам торговых или ремесленных организаций.

Две буллы найдены в Урбииси (Грузия), одна из которых—сасанидская²⁸.

Коллекция из 10 булл неизвестного происхождения, судя по подписям также, возможно, из Каср-и Абу Наср, хранится в Государственном Эрмитаже²⁹. Каждая из них опечатана несколькими печатями. Коллекция примечательна тем, что почти на всех буллах имеется печать с ишаном, а также пазванне титула *маг*.

* * *

Первая находка булл из Двина опубликована в первом выпуске отчета К. Г. Кафадаряна о раскопках в Двине³⁰. Булла найдена в одной из ям большого строения, сооруженного из кирпича-сырца. По мнению автора раскопок, печати принадлежали государственным чиновникам, которые опечатывали двери государственной казны или какого-либо иного, равного по значению, склада³¹. Датировка указанной буллы, предложенная К. Кафадаряном—IX—X вв., кажется неприемлемой.

Вторично булл из Двина К. Кафадарян касается в 1966 г.³², связывая их применение

als fond at Kasr-i Abu Nasr, BMM, XXXI, 1936, с. 176—182; Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, Cambridge, 1973.

²⁰ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullen vom Takht-i Suleiman und die Probleme der Sasanidischen Sphragistik, Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 19, 1971, 95—112; его же Die Tonbullen vom Takht-e Suleiman, Berlin, 1976.

²¹ Раскопки вели иранские археологи Рад и Хакими. Об этом материале нам сообщил В. Г. Луконин.

²² См. С. П. Толстов, По следам древнехорезмской цивилизации, М.—Л., 1948, с. 200.

²³ См. А. Губаев, Сасанидские буллы из замка Ак-Депе, ЭВ, 1971, XX, с. 46—49.

²⁴ См. В. Г. Луконин, По поводу булл из Ак-Депе, ЭВ, 1971, XX, с. 50—52.

²⁵ См. В. Г. Луконин, указ. соч., с. 51.

²⁶ См. Г. М. Асланов, К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура, КСИИМК, вып. 60, 1960, с. 71; Р. М. Ваидов, Мингечаур в III—VIII вв., Баку, 1961, с. 66, И. А. Бабаев, Глиняная булла, найденная в Мингечауре. Сб. статей, Ваку, 1966, с. 5—10.

²⁷ См. И. А. Бабаев, указ. соч., с. 6.

²⁸ См. Л. А. Чилашвили, Городище Урбииси, Тбилиси, 1964, с. 155, К. А. Джавахишвили, Памятники глиптики городища Урбииси, Тбилиси, 1974, с. 98, табл. IXc.

²⁹ См. В. Луконин, Сасанидские буллы, Сообщения ГЭ, XIX, 1960, с. 32—35.

³⁰ См. Ч. Ղաֆադարյան, Դվին քաղաքի և նրա պեղումները, էջ 235—236, նկ. 221.

³¹ См. там же, с. 236.

³² См. Ч. Ղաֆադարյան, Դվին քաղաքի հիմնադրման

с государственным диваном Двина. По мнению автора, буллы посредством лепточек прикреплялись к пергаментным документам, которые стали жертвой пожара. К. Кафадарян отмечает, что «буллы с крестовидными знаками духовенства и родовыми знаками светских князей в виде животных и птиц все относятся к искусству так называемого сасанидского периода и принадлежат ко времени марзпанства»³³. Исходя из того факта, что часть булл найдена в большом строении из кирпича-сырца, К. Кафадарян выражает мнение, что диван Двина находился на одном из этажей этого строения³⁴.

Вопрос о государственном диване Двина и связанных с ним булл К. Кафадарян подвергает более тщательному рассмотрению в другой своей статье³⁵. Анализируя собранные буллы, найденные в одной из комнат цитадели Двина, он выражает мнение, что там хранился государственный диван и что печатями опечатывались пергаментные документы. Все буллы датируются V—VII вв.³⁶

Буллы, найденные в Тронном зале цитадели Двина, бегло касаемся и мы — в целях выяснения стратиграфической картины зала-приемной, опираясь на найденный на месте

прочий археологический материал. Исходя из предварительного рассмотрения и тщательного анализа археологического материала, мы датируем эту группу булл V—VII вв.³⁷

Изучение булл тесно связано с изучением печатей этой же эпохи. Интересные замечания относительно печатей сасанидского периода высказал Б. Аракелян, рассматривая прикладные ремесла Армении³⁸. Он справедливо отмечает, что в сасанидский период печати имели широкое распространение и право обладать печатью имели высокопоставленные духовные и светские лица. Опираясь на мнения ряда западноевропейских и отечественных исследователей, В. Аракелян выражает точку зрения, что часть так называемых сасанидских печатей, хранящихся во многих музеях мира и частных коллекциях, судя по тематике и по именам, упоминаемым в надписях, была связана с Арменией. Кроме того, несомненно, христианские печати принадлежали или персам-христианам, или христианским подданным Сасанидской державы³⁹.

У средневековых армянских историков сохранились многочисленные свидетельства о роли печатей при утверждении различных документов, связанных с внутренними и внешними отношениями страны, дарственными и прочими сделками.

Печать являлась прежде всего символом власти и права. По печати определялось социальное положение ее владельца в обществе и его занятия. В персидских и арабских источниках имеются многочисленные свидетельства о том, что при сасанидском дворе высокопоставленным гражданским, духовным и военным лицам при иназначениях выдавались одежда, головной убор, пояс и перстни с геммами. Лазарь Парбеци пишет: «զոր ընկալեալ արուեստող ձեռաց՝ զարդարեն զթագաւորս յեծատեսիլ զարդօքն յորինուածովքն, զոր ի խոյրսն և ի թագն և ի հանդերձս յոսկէհոռս պաճուճեալս ընդերուզանեն»⁴⁰ («Которые, взяв в искусные руки, украшали царей пыльным убранством изображений — как на диадемах и короне, так и на золотых одеяниях, красой украшения»).

ժամանակի և միջնաբերդի հեթանոսական մեհյանների մասին, ՊՐԸ, 1966, № 2, էջ 49—50:

³³ Там же, с. 50.

³⁴ Вопрос о датировке большого строения из кирпича-сырца цитадели неясен. В другой своей статье, опубликованной позднее, К. Кафадарян связывает сооружение большого строения из кирпича-сырца со строительными работами, выполненными в Двине арабским воспитанником Абдул-Азизом (705—709 гг.). См. Ч. Ф. Ղաֆարյան, Դվինում պեղված ճարտարապետական երկու հուշարձան, ՊՐԸ, 1973, № 4, էջ 123—125. Нам представляется, что это строение было сооружено во второй половине VII в. и впоследствии, в VIII в., явилось дворцом арабского востикана. В пользу этой датировки строения свидетельствуют также обнаруженные археологические материалы (см. У. У. Քալեբրտյան, Դվին քաղաքի վաղ միջնադարյան շերտագրության հարցի շուրջը, «Լրագր» 1969, № 5, էջ 57—67; *его же*, Материальная культура Двина IV—VIII вв., с. 15). Наше предположение подтвердилось, когда в 1966—1967 гг. были раскопаны нижние слои площади того же строения. Здесь был раскрыт комплекс строений с точно датируемым археологическим материалом, который относится к V—VI вв. (серебряный перстень, ранние образцы черепицы, обломки стеклянных чаш ближневосточного происхождения и т. д.). Этому слою непосредственно предшествует эллинистический, который по керамике датируется III в. до н. э.—I в. н. э.

³⁵ См. Ч. Ф. Ղաֆարյան, Պետական դրվանի մասնագրները Դվինում, ՊՐԸ, 1974, № 2, էջ 101—112:

³⁶ См. там же, с. 103—104.

³⁷ См. А. А. Калантарян, Материальная культура Двина IV—VIII вв., с. 10.

³⁸ См. Р. Առա՛ւելյան, Հայկական պատկերաբանողակները IV—VII դդ., էջ 15—16:

³⁹ См. там же, с. 16; А. Я. Борисова, Эпиграфические заметки, III, Об одной группе сасанидских резных камней, ТОВЭ. т. I, Л., 1939.

⁴⁰ Ղաղարայ Փարպեցու Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1907, է, էջ 21:

Это явление было замечено в Армении еще с середины первого тысячелетия. Степанос Орбелян, упоминая о царском происхождении князей Сюника, отмечает, как их возвеличили: «Ան շինքան անուանիք հզնն, մինչև նոցա գահոյս ունել, և վարսակալ ատել մարգարտեայ և ինանի ունել վարագադիր»⁴¹. («И они стали такими именитыми, что им было разрешено иметь седалища, носить головной убор из жемчуга и перстень с изображением вепря»).

Должности высшего духовенства также отмечались определенным атрибутом. Тот же Орбелян сообщает, что когда в 1289 г. католикос Акоп был лишен своего поста, он снял и сдал схиму, посох и «րզմանրագին» («драгоценный») перстень, который являлся символом власти⁴².

В армянских источниках сохранились упоминания о том, кто принимал участие в утверждении официальных документов. Все исторички отмечают, что право обладать печатью имсли преимущественно высокопоставленные лица—царь, пахарары и верхушка духовенства.

Интересные свидетельства относительно конфликтов середины V в. сохранились у Лазаря Парбеци. Армянское дворянство и вонство, собравшееся в Арташате по поводу составления ответа на письмо сасанидского двора, утвердил клятвенную грамоту, наложив свои печати, а те, которые не имели печати, дали клятву на евангелии. («Երգուեալ ամենայն րզմութիւն զօրացն ազատաց և անազատաց, հանգերձ իշխանան Սիւնեաց Վասակաւ և ամենայն անուանեալմբն և սեպհօք՝ հաստատէին զերգումն և որոց մատանեալ չև ևս էր կնքեալ զանտարանս՝ կնքէին»)⁴³.

Под адресованным Иезидгерду II ответом поставили свои печати «прежде перстнем сюникского князя Васака, а затем перстнями всех армянских танутеров и старших сепухов» («...նախ մատանեալ իշխանին Սիւնեաց Վասակալ և ապա մատանեօք ամենայն տանուտերացն հալոց և աւագ սեպհացն...»)⁴⁴.

В Агванке принятое при царе Вачагане церковное положение подтвердили отнискани своих перстней полководец царя Муцик, блюститель дворца Михрорнк, 13 патриархов, все дворяне Агванка. Последним поло-

жение утвердил своей печатью царь⁴⁵. Другой документ, относящийся к внешним сношениям, был утвержден печатями католикоса Агваика, епископов монастыря, тапутеров, князей и азатов⁴⁶. Как видим, правом владеть печатями пользовались и азаты, которые составляли довольно большой слой населения. Здесь уже это тесно связано с наличием частной собственности, что, вероятно, было первым условием владения печатью.

В предшествующие периоды геммы преимущественно выступали в качестве амулетов, которые охраняли человека от различных «губительных» воздействий, и в частности от «дурного глаза». Это явление в какой-то мере продолжалось и впоследствии. И после принятия христианства в Армении продолжался обычай носить геммы в качестве амулета. Об этом, в частности, можно судить по тотемистическим и астральным изображениям на средневековых геммах, найденных в армянских памятниках. Однако после принятия христианства большая часть гемм использовалась для печатей, независимо от того, принадлежала ли эта гемма представителю правящего пахарарского рода или азату.

Рассматривая геммы Грузии античного периода, М. Максимова правильно полагает: «Печати служили не только для скрепления письменных документов, но и заменяли собой мало распространенные замки и запоры. В быту печать поэтому была необходимой принадлежностью каждого человека, обладавшего известным достатком, так как она служила своего рода гарантией неприкосновенности права собственности на личное имущество.

Распространение гемм в древнем мире тесно связано с развитием института частной собственности и с распространением письменности»⁴⁷.

Эту мысль разделяет также М. Лордкипанидзе, которая рассматривает геммы в качестве печатей, украшений и амулетов⁴⁸.

В средневековых армянских и иноязычных рукописях сохранились примечательные свидетельства относительно изображений на печатях-перстнях. У историчков особо отмечаются царские печати. Все они выступают

⁴¹ Պատմութիւն նահանգին Սիսական արարեալ Ստեփանոսի Օրբելեան Արքեպիսկոպոսի Սիւնեաց, Թիֆլիս, 1910, Գ, էջ 15:

⁴² Там же, с. 438.

⁴³ Վազար Փաթեպցի, էջ 129:

⁴⁴ Там же, с. 132.

⁴⁵ См. Մովսեսի Կալան Կատուացոյ, Պատմութիւն Արուանից աշխարհի. Թիֆլիս, 1913, գիրք 1, ԻՂ, էջ 103.

⁴⁶ См. там же, книга III, 8.

⁴⁷ См. М. Н. Максимова, Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (раскопки 1938—1939 гг.), Вестник музея Грузии, т. XVI—В, с. 238—239.

⁴⁸ См. М. Н. Лордкипанидзе, Геммы Государственного музея Грузии, т. 2, Тбилиси, 1958, с. 101.

прежде всего в форме перстня с изображением вепря⁴⁹. Вероятно, перстни с изображением вепря принадлежали к числу официальных печатей сасанидских и армянских царей. Степанос Орбелян указывает: «*Կ թագաւորութեան ցաւանի լէճի կնքիւ (Շապուհ) լարագոր ձաւանիւ*» («...и Шапук перстнем с изображением вепря определил решение царской чести»). Вепрь, который в персидской мифологии символизирует Веретрагну (Ваагна)⁵⁰, неоднократно встречается в тематике парфянской и сасанидских печатей, в особенности VI—VII вв. И не случайно, что армянские источники подчеркивают именно этот сюжет на печатях.

В. Бивар ставит под сомнение вопрос принадлежности гемм с изображением вепря лишь к официальному царскому геммам, считая, что по сюжету трудно определить функциональное назначение печатей, и они могли принадлежать к числу царских канцелярских печатей⁵¹. Печати с изображением вепря, которые встречаются довольно часто, могли иметь и другие лица. Однако то обстоятельство, что подобные печати неоднократно упоминаются как царские, показывает, что одна из царских печатей обязательно имела изображение вепря. Эта точка зрения в какой-то мере подтверждается также свидетельством Масуди относительно печатей Хосрова II Парвеза⁵².

В армянских источниках упоминаются также «*արքունիկան*» («дворцовые»), «*սովորական*» («обычные») перстни⁵³, которые, вероятно, были личными печатями. Армяне нахарары и высшее духовенство обладали правом иметь различные перстни. Нахарарские дома во время утверждения документов государственного значения употребляли официальные печати. Эти перстни назывались «*Տէրունիկան*» («господские»)⁵⁴.

⁴⁹ См. Փափասա, 4-րդ դարութիւն, գլ. ԻԳ: Կաղանկաւազի, դիրք II, Ա, էջ 123; Օրբելյան, Գ, էջ 15, Ժ, էջ 38, ԽԲ, էջ 229 և որոշմեր:

⁵⁰ См. Ph. Ackerman, Sasanian seals, SPA, I, London 1938, с. 792.

⁵¹ См. A. D. H. Rivar, Stamp Seals, II: The Sasanian Dynasty, Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum, London, 1969, с. 29.

⁵² См. там же, с. 31—32.

⁵³ Կաղանկաւազի, դիրք I, ԻԳ, Օրբելյան, ԽԸ, էջ 249, ՄԱ, էջ 268 և այլն:

⁵⁴ Քաղվա Արծունի, Պատմութիւն տանն Արծունիաց, 1852, էջ 157: Ричард Фрай, говоря об официальных сасанидских печатях, высказывает интересную мысль о том, что официальным лицам принадлежали печати, имевшие только надписи. Это явление замечено им еще в греско-римском мире. См. Р. Фрай, Наследие Ирана, М., 1972, с. 202—203, 296—297.

Личные, «обыкновенные» перстни употреблялись во время утверждения документов, имевших внутреннее значение, в пределах нахарарства. У Степаноса Орбеляна очень четко отмечается, что «обыкновенными» перстнями утверждались документы дарственного характера.

И, наконец, те нахарары, которые принимали участие в управлении страпой и имели должности, также имели печати, символизирующие их власть. В их числе могли быть марзап, назарапет, спарапет, еще ранее—мардпет, аспет, у которого была прерогатива возлагать корону на царей («*թագադիր*») и т. д.

Это же явление замсто и в церковной иерархии. Здесь также имелись «*սովորական*» («обыкновенные»), «*արքունիկան*» («господские»), «*Տէրունիկան*» («патриаршеские»), «*վավերական*» («подтвердительные») перстни, которые классифицируются по своему назначению⁵⁵.

Весьма интересные свидетельства о печатях, и в частности о буллах, имеются в персидских и арабских письменных памятниках, рассмотрение которых крайне необходимо для освещения вопросов утверждения различных документов в раннем средневековье. С этой точки зрения весьма ценны толкования отдельных статей «Сасанидского судебника», которые современны рассматриваемым явлениям. Так, в одной из статей «Судебника» говорится, что «Деловая (= официальная) печать магупатов и финансовых чиновников (была введена) впервые по приказу (царя) Кавата, сына Пероза, а (деловая) печать судей—впервые по приказу (царя) Хосрова сына Кавата»⁵⁶.

Эта статья Судебника является неоценимым источником в том смысле, что на рассматриваемых буллах неоднократно встречаются печати упомянутых лиц, которые в обязательном порядке участвовали в утверждении документов различного характера. Приведенный источник интересен и в хронологическом отношении.

С правовой точки зрения достойна внимания другая статья, в которой говорится: «Магупат и судья, которые смещены с должности, до того момента, пока скрепят печатью [документа о] передаче [=сдаче, возвращении] ими печати, вправе печать не отдавать»⁵⁷. В одной из статей прямо отмечается, что «...магупат [направляя письмо, судебные документы] в иной шахр, а судьи—

⁵⁵ См. Օրբելյան, ԽԸ, էջ 255, ՄԱ, էջ 268, 273: Գիրք թղթոց, Թիֆլիս, 1901, էջ 72—75:

⁵⁶ Сасанидский судебник, с. 270, ст. 93, 4—9.

⁵⁷ Там же, с. 346, ст. А12, 13, 17.

в иной тасук, в прежние время скрепляли их официальной печатью⁵⁸. Большую роль в судебных делах для защиты частных и общественных прав лиц, а также в вопросах наследования играли заключенные между двумя лицами или утвержденные судьей и мубедом документы. Статьи, относящиеся к сделкам подобного рода, занимают в Судебнике значительное место⁵⁹.

Арабские историки довольно образно рассказывают о том, как при дворе Сасанидов рассматривались дела государственного значения и какую роль в этих делах играла государственная печать. Ал-Баладзори отмечает, что цари имели специальные печати для почты, дарения земель, тайной канцелярии и т. д.⁶⁰ Историк X в. ал-Джахшари представляет четыре печати основателя Сасанидской династии Арташира I, которые использовались для военных приказов—с надписью «стойкость»; для документов, относящихся к налогам, финансам и строительству—с надписью «утверждение»; для почты—с надписью «спешно» и для судебных

дел—с надписью «справедливость»⁶¹. В этой связи весьма характерно свидетельство ал-Масуди относительно одной печати Бахрама V, четырех печатей Хосрова Ануширвана и 9 печатей Хосрова Парвеза⁶². Обилие печатей у Хосрова Парвеза объясняется их различным назначением. Так, печать с изображением всадника сопровождалась надписью «спешио», печатями с изображениями орла опечатывались письма, адресованные в провинции, печатью с изображением вепря утверждались смертные приговоры и т. д.

На сасанидских печатях и буллах часто встречается надпись «справедливость». Большая часть исследователей склонна считать их судебными печатями, которыми обладали судьи. Однако Бивар считает, что подобные подписи не были обязательны лишь для судебных печатей и могли быть на печатях иного функционального назначения⁶³.

О роли печати в жизни человека и общества очень интересные замечания сделаны выдающимся поэтом средневековья Омаром Хайямом и приписываемом ему произведению «Новруз-наме»⁶⁴.

⁵⁸ Там же, с. 277—278, ст. 100, 5—7.

⁵⁹ См. там же, с. 284, 306, 365 и др. Ст. 99, 1—3, 106, 11—12, 118, 15—19 и др.

⁶⁰ Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, с. 215—216; А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, с. 10 (далее см. Сасанидские геммы).

⁶¹ См. там же.

⁶² См. А. Д. Н. Bivar, указ. соч., с. 29—32.

⁶³ См. там же, с. 29.

⁶⁴ См. Сасанидские геммы, с. 9—10.

ГЛАВА I ДАТИРОВКА БУЛЛ

Вольшая часть сасанидских печатей, хранящихся в различных музеях мира и частных коллекциях (их насчитывается не менее 10 тысяч), найдена случайно и приобретена частными лицами и любителями¹. Это обстоятельство весьма сказывается на точной датировке печатей. В этой связи верю замечание В. Луконина о том, что датировка «была бы разрешена сравнительно просто, если бы в нашем распоряжении имелось достаточное количество камней, найденных в определенных археологических слоях»². Правда, за последние десятилетия, особенно в отечественной археологии, во время раскопок памятников найдено большое количество сасанидских печатей. Однако специфика печатей, в особенности выгравированных на драгоценных камнях, заключается в том, что они сохраняются на протяжении десятков и сотен лет; это в определенной мере затрудняет их точную датировку. Датировка сасанидских печатей должна производиться комплексным методом — в сопоставлении с другими памятниками материальной культуры, с палеографическим анализом надписей на печатях, с рассмотрением изображенных на них сюжетов и особенностей их исполнения.

Сравнительно легче решается вопрос датировки булл. Большая часть этих материалов найдена в памятниках сасанидского периода или в соответствующих слоях и точно датируется V—VII вв. В вопросе дати-

ровки булл точки зрения исследователей почти совпадают.

В городище Каср-и Абу Наср буллы найдены в двух смежных компатах, которые уничтожены пожаром. Вместе с буллами обнаружены обломки стеклянных сосудов, металлические предметы, в том числе плоские и трехгранные стрелы, которые точно датируются позднесасанидским периодом³.

В Тахт-и Суленмаие также заметны следы огня: пожар произошел во время византийских походов, при императоре Ираклии⁴. Подобная стратиграфическая картина наблюдается и в других археологических памятниках.

Вольшая часть найденных в Двине булл относится к слою VI—VII вв. цитадели. Подавляющая часть булл, около 28 штук, найдена в 1961 г. в троином зале (табл. XIII, 1—2), расположенном в высшей точке цитадели. Этот зал по праву считается одним из древнейших сооружений Двина и датируется IV—V вв.⁵ Можно предположить, что строение это, подвергаясь перестройке, использовалось и в VI—VII вв., до нашествия арабов. Буллы в основном найдены в небольшой комнате с кирпичными стенами, несколько выше пола IV—V вв. План комнаты не восстанавливается из-за ее плохой сохранности. Однако заметны участки пола, изготовленного из кирпича-сырца. Находки булл в этой части цитадели заметны на площади около 100 кв. м (табл. XIV). В разные годы они найдены в квадратах 1-с, 2-а, 2-с, 3-а, где сохранились остатки стен. Надо предположить, что в VI в. здесь имелось какое-то помещение, в котором хранились имеющие

¹ Довольно богатая коллекция сасанидских печатей имеется в Государственном историческом музее Армении, большая часть которой также представляет собой дары частных лиц или является случайными находками. Отметим, что в 1928 г. правительство Армении подарило Государственному Эрмитажу большое собрание печатей, среди которых были и сасанидские. См. Сасанидские геммы, с. 6.

² Там же, с. 12.

³ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 18.

⁴ См. R. Göbl. Sasanidischen Tonbullen..., с. 105

⁵ См. Ч. Ղաֆարյան, Դվին քաղաքի հիմնադրման ժամանակի և միջնաբերդի հեթանոսական մեհյանների մասին, էջ 47—48;

важное для страны значимые государственные, политические, хозяйственные, торговые и прочего характера документы. Это строгие VII в. было уничтожено сильным пожаром, что подтверждается толстым слоем золы. В слое золы четко различаются части сгоревшей плетеной соломенной корзины, остатки хлопчатобумажных тканей, следы кож⁶. В этой части раскопана мастерская ювелира с готовыми печатями, драгоценными камнями для перстней и полуфабрикатами.

В этом же слое на глубине 3 м найдено большое количество точно датированного материала, который является важным доводом при определении хронологических границ булл. Среди сопутствующего материала выделяются ампула с изображением св. Андреаса (V—VI вв.), которая происходит из малоазийских центров и привезена в Двин⁷; железные трехгранные стрелы, которые весьма характерны для раннесредневековой культуры и не встречаются в последующие века; одна гемма с изображением вепря, датированная V—VI вв., и прочие материалы. Найдены керамические сосуды с характерными для V—VII вв. мотивами украшений и обработкой деталей, небольшие сосуды с сливом, параллели которых встречаются в близких по времени памятниках Закавказья. Эти материалы датируются также одной медной монетой, которая сильно стерта, однако относится к доарабскому периоду⁸.

Таким образом, стратиграфические наблюдения слоев позволяют утверждать, что буллы найдены в слоях VI—VII вв. и относятся к документам, утвержденным в этот период.

Следующая небольшая группа булл, на которых оттиснуты от одной до четырех печатей, найдена также в цитадели, на месте раскопок под названием «Двор». Этот участок, как показывают найденные археологические материалы, датируется не позднее VIII в. Здесь открыт комплекс строений, сооруженных из больших сырцовых кирпичей, среди которых важен большой зал. Вероятно, эти строения сооружены в начале VIII в., когда арабские восточники развернули в Двине некоторые строительные работы. Буллы, которые по своим стилистическим

⁶ См. Ч. 9. Ղափաղաբայն, Դվին քաղաքը և նրա պեղումները, II, Երևան, 1982: См. также дневники Э. Ханзадян за 1955 г. и Э. Геворкян за 1961 г., хранящиеся в фонде Двина Государственного исторического музея Армении.

⁷ См. А. А. Калантарян, Ампула с изображением св. Андрея из Двина, СА, 1968, № 1, с. 274—276.

⁸ Монета датирована Х. Мушегьяном.

особенностям хорошо сопоставимы с подобным позднесасанидским материалом и датируются V—VII вв., найдены на глубине 4 м под полом сооружения. Здесь также заметен довольно толстый слой золы, являющийся следствием пожара. В этом слое найдены следы хлопка, довольно большие кучки чеснока, конопля, зерна и овса⁹. Этот слой золы просматривается в ячейках № 31 и 27, на площади около 50 кв. м. В этом же слое найдены раннесредневековые стрелы, стеклянные сосуды, которые датируются V—VII вв.

Таким образом, буллы, найденные в цитадели Двина, точно датируются VI—VII вв. Этот слой определенно ограничен и входит в точную хронологическую схему. С одной стороны, мы имеем сооруженный в IV—V вв. тронный зал периода Аршакидов, на полу которого эти предметы отсутствуют. Другая хронологическая граница—крупное сооружение, построенное в VIII в. арабами из сырого кирпича, в слое которого буллы также отсутствуют. Интересен тот факт, что находки булл совершены почти в одинаковых условиях: пожар и массив довольно толстого слоя золы. По-видимому, надо предположить, что этот большой пожар, который наблюдается на рубеже слоя VII—VIII вв., имел место в 640 г. во время первого похода арабов на Двину, когда городу был причинен значительный ущерб. По этому поводу Себеос пишет: «Եւ եղև յաւուրն հինգերորդի դիմեցին ի վերայ քաղաքին. մասնեցաւ քաղաքն ի ձեռն նոցա քանզի արկին մուխ շորչանակի, մերժեցին ծխովն և նետաձողութեամբն զպահապանս պարսպին, և կանգնեալ սանդուխս՝ ելին ի պարիսպն և անկեալ ի ներքս բացին զդուռն քաղաքին: Եւ դիմեալ ի ներքս զաւրթ թշնամեացն՝ սատակեցին սրով զբազմութիւն քաղաքին, և առեալ զաւար և զկապուտ քաղաքին՝ կլին և ընկեցան ի նմին բանակատեղն, որ աւր ի էր տրէ ամսոյն, յաւուր սարթի»¹⁰: («На 4-й день они повели наступление на город [Двин]. Город был ими взят, ибо они развели костры вокруг города, стражу, находившуюся на стенах, они отогнали дымом и метанием стрел, установили лестницу, взойшли на стены и, бросившись внутрь города, открыли городские ворота. Тогда вражеские войска хлынули внутрь, перебили множество жителей, взяли награбленную добычу, вышли

⁹ См. дневник М. Ваганян за 1954 г., хранится в фонде Двина Государственного исторического музея Армении.

¹⁰ Սեբէոսի եպիսկոպոսի Պատմութիւն, Երևան, 1939, գ. և, էջ 110:

вой и расположилась в том же своем лагере. Это произошло 20-го месяца трэ, в пятницу». *Себеос*, с. 93).

Третья группа булл, на которых отпечатались 10 и более печатей (три штуки), найдена в 1972 г. в центральном квартале Двина, во время очистки дворца католкосата V в., в квадрате d—18, в одной из ям, обнаруженных в верхнем слое. Слой этот по найденному археологическому материалу датируется IX веком. Сооружение IX в. сильно разрушено, сохранились отдельные следы кирпичных стен. Эти разрушения произошли во время землетрясения 893 г., после которого на этом участке следов строений последующих веков не наблюдается. Буллы ните-

ресны тем, что они имеют только арабские надписи, местами—наряду с изображениями. Если до настоящего времени научному миру известны только буллы сасанидского и более раннего периода, которые были широко распространены в Сасанидском Иране и находившихся в сфере его влияния странах, то существование подобного института в арабский период до сегодняшнего дня находилось под большим сомнением и найденные в Двине буллы являются первыми образцами булл арабского периода. Это явление еще раз показывает, что арабы, повергнув Сасанидский Иран, очень многое переняли от него в области культуры и общественных отношений.

ГЛАВА II

ОПИСАНИЕ БУЛЛ

Для изучения различных вопросов, связанных с прикладным назначением булл, важную роль может играть подробная характеристика их внешних данных. Эти вопросы многочисленны: датировка, формы печати, определение внешних признаков отпечатываемого предмета, местный и неместный характер печатей и т. д.

Глиняные буллы Двина преимущественно круглой формы, диаметром 1,5—9,0 см; встречаются также квадратные, прямоугольные и бесформенные буллы, которые имеют по одному оттиску, и их форма преимущественно обусловлена характером и внешними данными предмета, на который ставились печати. Все буллы имеют сжатые отверстия для закрепления нитями. При этом небольшие буллы прикреплялись к предмету иногда одной, а иногда—двумя нитями (табл. XIX, 3—4). Встречаются образцы, на которых сохранились нити.

Обратная сторона рассматриваемых булл имеет гладкую поверхность, на которой отпечатаны внешние признаки оттиснутого предмета. Надо отметить, что на некоторых из наших образцов четко просматриваются следы ткани или кожи. На обратной стороне буллы 1981/78 оттиснут узор, напоминающий следы листа, который мог возникнуть только при прижатии глины к кожаному предмету (табл. XIX, 1).

Следы ремней шириной до 0,7 см заметны на ряде булл (1907/161, 1980/169, 2197/323—324 и т. д.). По-видимому, эти пояски были плоскими и изготовлялись из кожи. На некоторых образцах (2197/313, 315, 316, 325 и т. д.) оставила след нетолстая веревка, проходящая по отпечатываемому предмету. Другая группа имеет следы ткани, иногда весьма тонкого полотна (2197/314, 318 и т. д.). Довольно большую группу составляют буллы с вогнутой поверхностью (2197/326, 328—331 и т. д.).

Такая же картина наблюдается и на арабских буллах. Одна из них широкими ремнями крест-накрест привязывалась к какому-то предмету (табл. XIX, 6), а остальные две с четырех сторон пришивались нитками. На оборотной стороне образца 2588/186 ясно видны следы полотна.

Сквозь другие буллы проходят только нитки, их оборотная сторона гладкая, а часть сильно повреждена, и невозможно восстановить их первоначальный вид.

Это краткое рассмотрение внешних признаков булл приводит к ряду интересных выводов, которые примечательны с точки зрения выяснения прикладного значения булл. Надо отметить с самого начала, что количество и величина оттисков не раскрывают определенных закономерностей. С указанными выше признаками имеются образцы с одним и более оттисками. Однако, с другой стороны, буллы с многочисленными оттисками имеют на себе только следы ремней, веревок и тканей. В данном случае это можно объяснить тем, что эти буллы прикреплялись не к документам, а к более крупным по объему предметам, которые дополнительно закреплялись поясками и веревками. Следы ткани на буллах показывают, что ими отпечатывались мешки или тюки. Такая практика была весьма распространена при Сасанидах и не только при них—она встречается и во время торговых сделок позднего периода.

Буллы с вогнутой поверхностью имеют только одну или две печати (табл. XIX, 2). Можно предположить, что они были прикреплены к предметам с вогнутой поверхностью, в данном случае это мог быть свернутый пергамент. Другие буллы, которые имеют гладкую поверхность без следов, по-видимому, прикреплялись нитками к соответствующему документу.

П. Харпер, рассматривая буллы из Каср-и Абу Насра, исходя из внешней ха-

рактеристики булл¹, приходит к интересным выводам. Так, она различает два вида булл: 1) буллы, которые не имеют следов нитей или веревок (это довольно большая группа); 2) буллы, на которых хорошо видны следы веревок.

Это разделение весьма общее, и некоторые буллы остаются вне этих групп; между тем при наличии обильного материала можно было бы осуществить более тщательную классификацию.

С другой стороны, П. Харпер и Р. Фрай правильно замечают, что буллы со следами веревок не прикреплялись к документам, а образцы с одним оттиском, которые имеют гладкую поверхность и прямые края, принадлежали кожаным документам². Считается, что не исключено и то, что часть булл, поверхность которых негладкая, запечатывалась, а затем привешивалась к предмету. В этом случае, конечно, трудно с определенностью говорить о характере документа. П. Харпер считает, что большими буллами печатались мешки и тюки³.

В одной из своих работ Р. Гёбль оспаривает точку зрения Р. Фрая относительно применения булл. Он считает, что большие буллы с многочисленными печатями связаны не с креплением товаров, а свидетельствуют о важности документа, т. е. это связано с тем, был ли скреплен данный документ одним человеком или несколькими, в числе которых могли быть и свидетели⁴.

Одновременно он свидетельствует, что часть булл Тахт-и Сулеймана имеет следы полотна, кожи и пергамента, и эти буллы относятся к документам, а другая группа имеет вогнутость, и можно предположить, что ими были скреплены какие-то свернутые предметы⁵.

Исходя из представленных материалов возможностей и анализа внешних признаков булл Двина, мы считаем возможным разбить их на следующие три группы.

¹ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr., с. 42.

² См. там же, с. 43, См. также R. N. Fray, Inscribed Sasanian seals from the Nayeri Collection, Forschungen zur Kunst Asiens, In Memorial Kurt Erdmann, Istanbul, 1970, с. 18—24.

³ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr с. 43.

⁴ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullehen..., с. 104.

⁵ См. там же, с. 106—107. Приводимые Гёблем доводы лишь подтверждают ту точку зрения, что большими буллами со следами ткани и кожи печатались мешки и тюки, которые могли использоваться в торговых целях.

1. Буллы, на которых имеются следы ремней, веревок и тканей. Они прикреплялись к мешкам и большим тюкам и имеют торговое значение. В эту группу входят все буллы с многочисленными оттисками и отдельные буллы с одним-двумя оттисками.

2. Буллы, которые имеют вогнутую поверхность. В эту группу входят буллы лишь с одним и двумя оттисками. Они были прикреплены к свернутым документам.

3. Буллы бесформенные или с гладкой поверхностью, которые печатались и нитками прикреплялись к документам. Эта группа представлена буллами, которые имеют от одной до четырех оттисков, и довольно многочисленна.

Предварительное рассмотрение внешних признаков булл Двина позволяет выявить определенные различия, относящиеся к качеству глины. Большая часть булл—бурого цвета, некоторые—черного, один образец—красноватого. По-видимому, различие в цвете связано с документами и товарами, которые присылались из разных мест.

Не исключается, что часть булл, в особенности печатанных одной печатью, могла закрепляться на месте и храниться в соответствующих местах. Особого внимания достойны две буллы со знаками (ишаи) и официальной печатью. Эти буллы плоские, более темного цвета и покрыты блестящей массой, в результате осыпания которой изображения печатей местами плохо сохранились. В двинской коллекции таких булл две, и они, несомненно, связаны с документами, присланными извне.

Буллы красноватого оттенка могут быть связаны также с буллами Каср-и Абу Насра, поскольку, помимо сходства в цвете, заметны также некоторые общности в изображениях. Надо отметить, что скудость материала не позволяет совершить более широкие обобщения.

По оттискам на буллах можно определить форму гемм, что очень важно с точки зрения датировки и изучения отдельных форм печатей и перстней, используемых в рассматриваемый период. В Двине обнаружена всего 41 булла, которые печатаны 178 печатями. 138 из этих печатей относятся к позднеасанидскому периоду, а 40—к раннеарабскому. Последние оттиснуты на трех арабских буллах.

Тщательное статистическое рассмотрение печатей с точки зрения их формы дает следующую картину:

Сасанидские. Яйцевидные—выпуклые—39 шт., прямоугольные—38 шт., круглые—34 шт., яйцевидные—плоские—11 шт., квадратные—4 шт., косоугольные—2 шт.

Арабские. Яйцевидные — выпуклые — 19 шт., яйцевидные — плоские — 8 шт., овальные — 6 шт., прямоугольные — 5 шт., квадратные — 2 шт.

Как видим, среди сасанидских и раннеарабских печатей преобладают яйцевидные, прямоугольные и овальные печати. Яйцевидные печати в арабский период преобладают по сравнению с остальными формами, что свидетельствует о более развитой стадии использования выпуклых гемм на перстнях. Сасанидские оттиски, которые имеют плоскую поверхность — овальные, прямоугольные и, некоторые, выпуклой формы, сделаны полукруглыми каменными печатями, которые, были широко распространены в этот период, а в последующие эпохи полностью вышли из употребления и были заменены более сложными формами. Квадратные, косоугольные оттиски в сасанидский период встречаются редко, как это отмечают также П. Харпер и Р. Гёбль. Конечно, на материале Двина невозможно проследить за изменением формы, однако определенные закономерности заметны: в арабский период, по сравнению с сасанидским, увеличиваются яйцевидные — плоские печати и уменьшаются прямоугольные и круглые.

На разных буллах, найденных во время раскопок в Двине, встречаются повторы одних и тех же печатей. Это относится к буллам 2197/313 (с 20 печатями), 314 (с 45 печатями), 315 (с 12 печатями) и 333₅ (с 4 печатями), на каждой из которых оттиснуты печати с изображениями амура и аиста (табл. I, 1, 6, IV, 37). Такой же повтор заметен на буллах 2197/316 и 333₄ (оттиснута печать с изображением фазана, в верхней части — скорпион, табл. V, 46, VII, 62). На двух буллах IX в., найденных в 1972 г. в центральной части Двина, повторен оттиск одной и той же печати с надписью (табл. X, 93, XII, 116). На булле 2197/314 шесть печатей повторяются дважды, три печати — трижды и по одной печати — четыре и пять раз. Всего в печатании этой буллы принимали участие 20 лиц.

Это интересное явление свойственно не только буллам Двина. В. Лукоини отмечает, что на сасанидских буллах, обнаруженных в разных местах, часто встречаются оттиски одинаковых печатей, с именами тех же лиц; имеются случаи, когда на одной булле один и тот же оттиск повторяется 2—3 раза⁶. Повторения оттисков на буллах известны и в более ранних материалах. Эта же картина наблюдается и на некоторых

⁶ См. V. G. Lukonin, Iran, II, Des Séleucides aux Sassanides, Genève, 1967, с. 107.

образцах булл из Каср-п Абу Насра и Тахт-и Сулеймана⁷.

На буллах античного периода из древней Нисы, на которых оттиснуты 4—7 печатей, также встречаются повторения оттисков одинаковых печатей на одной и той же булле⁸.

Все исследователи верно замечают, что это явление имеет важное значение для определения времени булл. Однако следует отметить, что разные исследователи по-разному объясняют повторы оттисков. Так, П. Харпер повторение одинаковых оттисков на одной и той же булле объясняет неудачным воспроизведением изображения при первых оттисках. Совершенно иной подход к этому явлению проявляет В. Лукоини. Он считает, что те буллы, на которых повторяются одинаковые печати, связаны с торговыми сделками. Наличие на буллах двух и более одинаковых оттисков печатей показывает, что часть участвовавших в сделке лиц, в данном случае ремесленники или торговцы, обладали в данном мешке или тюке несколькими долями — в материальном и количественном отношении. Подобное решение вопроса ближе к реальности. Если мы рассмотрим оборотную сторону буллы этого типа с сохранившимися на них следами, то заметим, что это следы полотна и ремней, которые не могут иметь никакого отношения к документам. Интересно отметить, что на самой крупной булле из Двина, на которой имеется много повторений оттисков, одна группа оттисков взята в окружность, сделанную иглоочинными отверстиями, на которой в малой окружности выделяется печать с изображением креста. По-видимому, эта булла также связана с торговой или какой-либо сделкой подобного рода. Это можно объяс-

⁷ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 44; R. Göbl, указ. соч., с. 108; ego же, Die Tonbullen vom Tacht-i Suleiman, Так, в Тахт-и Сулейман, на булле 1963/96 (четыре оттиска печатей) оттиснута официальная печать магната области Вех-Арташир (Селевкия). См. R. Göbl, Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman, № 704. Надпись в центре: Wud, 'rthštly, по краю: dlgwš'ny u'tkgwby w d'twbly = „главный судья и защитник интересов („адвокат“) обездоленных [округа] Вех-Арташир“ (о титуле см. „Сасанидский судебник“ 93, 4—9). На булле 63/63 имеется оттиск 690 (повторен на булле дважды) с аббревиатурой hw (монограмма округа Хосров-Шад Хормизд, Урук в Месопотамии). Другой оттиск на этой же булле (66) оттиснут также на булле 63/113. Таким образом, и в Тахт-и Сулейман имеются оттиски официальных печатей из разных мест Ирана.

⁸ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, указ. соч., с. 161.

нить лишь тем, что владельцы данных печатей или выходят из сделки, или же имеют какое-либо преимущество, в противном случае факт их участия в утверждении не был бы подчеркнут (табл. XVIII).

На обнаруженных в Двине вышеупомянутых буллах встречаются две печати, которые повторяются в отдельности на четырех буллах (три—большие, одна—маленькая). Следовательно, эти буллы сделаны во время утверждения однотипных документов и относятся к одному периоду. Повторы печатей

одних и тех же лиц на разных буллах позволяют сделать некоторые предположения. Что можно сказать об этом явлении? Во всех случаях в утверждении документов принимали участие два лица, занимаемое ими положение диктовало их обязательное участие в выполнении этих актов. Кем были эти лица—сказать трудно. Это—или высокопоставленные чиновники, принимавшие участие в управлении городом или страной, или, быть может, руководители торговых и ремесленных компаний.

ГЛАВА III

ПРИМЕНЕНИЕ БУЛЛ И НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Академик И. А. Орбели в одном из своих трудов весьма метко охарактеризовал роль сасанидских гемм. Он писал: «Реальные камни в сасанидском быту должны были быть очень распространены: печати имели там самое широкое применение и в быту государственном, на официальных грамотах, скреплявшихся царской печатью с изображением кабана, и на письмах и посланиях частных лиц, и в домашнем быту, как гарантия неприкосновенности помещения»¹.

Сотни булл, обнаруженных во время раскопок последних десятилетий на территории сасанидского Ирана и соседних с ним стран, являются ярким свидетельством той роли, которую играли печати в тот период. Армянские и иноязычные историки и письменные источники иного типа содержат многочисленные свидетельства об утверждении разного рода документов и сделок, которые были связаны как с государственной перепиской, так и с судебными, дарственными, личными, торговыми и прочими делами. В этой связи надо особо отметить Сасанидский судебник и сирийский законник VI в.—кюрдический сборник Ишобохта². Одинаковая форма утверждения документов равным образом применялась в светской и духовной жизни страны.

¹ И. А. Орбели, Сасанидское искусство, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 290.

² См. Сасанидский судебник; Н. Пигулевская, Сирийский законник, Ученые зап. ЛГУ, История и философия стран Востока, Л., 1952. Данные Сасанидского судебника о печатях и их применении в судебной и административной практике ныне сопоставляются с иранскими печатями, употреблявшимися в VI—VII вв., которые найдены в Каср-и Абу Насре—местности, которая входила в округ Арташир-Хварре, где был создан Судебник. См. В. Г. Луконин, Новые работы по сасанидской глиптике, ВДИ, 1976, № 1, с. 165.

В литературе о сасанидских буллах относительно их применения имеются разные, иногда противоположные мнения. Однако обилие материала, в особенности из Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана, позволяет рассмотреть точки зрения исследователей в их совокупности и показать различные методы применения булл, исходя из внешних признаков конкретного материала, содержания и изображений печатей.

Рассмотрим эти мнения, увязывая их как с отдельными печатями и буллами, так и с различными социально-экономическими явлениями и отношениями.

Р. Гебль, рассматривая в одной из своих статей буллы, найденные в Тахт-и Сулеймане, высказывает мысль, что они свисали с документов, т. е. буллами скреплялись документы разного значения, большая часть которых—не местного происхождения. То, что часть булл не местного происхождения, доказывается и Науманом на основе различия качества глины. Гебль отмечает, что важность документов обуславливается количеством лиц, принимавших участие в их утверждении. Для подтверждения этой своей точки зрения он считает важным обстоятельством обнаружения булл на ограниченной площади—в небольшой комнате³.

Р. Фрай, признавая, что буллы применялись при утверждении документов, одновременно является сторонником той точки зрения, согласно которой буллы в основном применялись во время торговых сделок⁴, т. е. ими опечатывались те товары, которые участвовали в международной транзитной

³ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullen..., с. 104—106.

⁴ См. R. N. Fray, The use of Clay Sealings in Sasanian Iran, Proceedings of 1st International Congress of Iranists, Teheran, 1968; *ego же*, Inscribed Sasanian Seals..

торговле. В тот период транзитная торговля совершалась посредством «торговых компаний», находившихся под покровительством государства. Этот тезис в основном разделяет и П. Харпер⁵. Свою точку зрения Р. Фрай весьма обоснованно доказывает как письменными свидетельствами, которые сохранились относительно торговых отношений сасанидского и послесасанидского периодов, так и внешней физической характеристикой самих булл.

В. Луконин, правильно подходу к сути вопроса, в своих многочисленных работах, посвященных сасанидской глиптике и социально-экономическим вопросам Ирана⁶, считает документы, к которым были прикреплены буллы, юридическими. Свой тезис В. Луконин подтверждает преимущественно данными правовых источников, в первую очередь—Сасанидского судебного и сирийского законодательства, и широко использует встречающиеся на печатях надписи и изображения. Здесь мы наблюдаем комплексную систему постановки вопроса, которая включает в себя различные явления в пределах данного материала. Точка зрения В. Луконина не исключает применения булл в торговых сделках. Напротив, он считает, что большими буллами скреплялись торговые тюки, после реализации которых буллы хранились в архивах, в качестве своеобразных отчетных документов в целях обеспечения неприкосновенности прав пайщиков-компаньонов. Это очень интересный довод, который позволяет глубже проникнуть в торговые сношения страны.

В. Г. Луконин («Парфянская и Сасанидская административная система», Cambridge Ancient History of Iran, vol. III, в печати) и Р. Н. Фрай („Inscribed Sasanian seals from the Nayeri Collection“; „Sasanian Clay sealings in the Collection of Mohsen Foroughi“, Opera Minora, Shiraz, 1976, с. 213—235) отмечают, что среди большого количества булл (Р. Фрай предпочитает называть их не буллами, а «глиняными лепешками для опечатывания») нужно различать: 1) небольшие, часто—очень маленькие по размеру глиняные лепешки из особо тонко отмученной, светло-голубой глины с *одним оттиском* печати, которые, как это доказывается, например, остатками документов из кожи в коллекции Наирн, прикреплялись к документам тонкими полосками кожи или нитью.

⁵ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 42—44.

⁶ См. В. Г. Луконин, Сасанидские буллы; его же, По поводу булл из Ак-депе; его же, Iran, II, п др.

2) Большие комки глины, снабженные многими оттисками (иногда—более 40) из более грубой глины, часть—обожженные, которые служили различным целям (опечатывание кладовых, тюков с товарами, различных крупных сосудов и т. д.). Интересно отметить, что при раскопках Ак-Деде (Туркмения), где было найдено свыше 100 булл, представлены оба типа (в том числе—одна из булл первого типа опечатывала стеклянную пробирку—контейнер, в которой некогда хранился документ).

При настоящем уровне изученности этого материала, по-видимому, следует считать эти выводы об использовании различных булл наиболее вероятными.

Весьма интересно выяснить, где именно изготовлялись такие буллы: там, где они были найдены (Каср-и Абу Наср, Тахт-и Сулейман, Ак-Деде и т. д.) или же, по крайней мере, часть из них привозилась из других мест.

Этот вопрос в особенности важен для булл второго типа, ибо здесь необходимо считаться с тем, что вещи, которыми они опечатывались, должны были представлять громоздкие предметы (например, тюки с товарами или иные контейнеры большого размера), поскольку крупные толстые глиняные лепешки (в Тахт-и Сулейман, например, диаметром более 7 см при толщине более 3 см) могли удержаться только на подобных контейнерах.

Судя по опубликованным материалам, большая часть таких булл изготовлялась на месте. Об этом можно судить по так называемым официальным печатям (только с надписью), где указывался район и город, в котором служил тот или иной чиновник. Так, например, в Тахт-и Сулейман печатью с надписью в центре 'twly ZY gwšnspy, по кругу: PW BYT'y ZY' twly ZY gwšnspy mgwpt= «Огонь Гушнасп, магупат дома (=храма) огня Гушнасп», снабжены 25 булл; из более чем сотни булл Ак-Деде на 18 имеется официальная печать с названием района, куда входил этот замок—Серхас, Апаварт. Однако, как уже говорилось, и в Тахт-и Сулейман, и в Ак-Деде, да и в Каср-и Абу Наср (одна из официальных печатей указывает район Кермана) имелись буллы, привезенные из других мест.

Трудно предположить, что в маленьких помещениях Каср-и Абу Наср, Ак-Деде и Тахт-и Сулейман, где были найдены сотни больших и тяжелых булл, могли храниться и сотни громоздких контейнеров, которым они принадлежали. Скорее следует полагать, что эти буллы хранились здесь уже отделеп-

ными от тех предметов, которые они когда-то печатавали.

Что касается оттисков так пазываемых частных печатей на буллах, то здесь картина еще сложнее. В дальнейшем будет показано, что в Двине на некоторых буллах оттиснуты те же самые печати, того же владельца, что и на буллах Каср-и Абу Наср (район современного Шираза) и Тахт-и Сулейман.

В этом случае скорее можно предполагать путешествие на далские расстояния именно булл, а не владельцев печатей, на них оттиснутых. Нужно заметить, что повторяющиеся печати оттиснуты как раз на таких буллах, которые могли печатывать тюки с товарами.

Все приведенные данные не исключают возможности считать, что часть булл хранилась уже отделенными от тюков именно в тех пунктах, где начинался путь этих тюков, т. е. в торговых городах или селениях—резиденциях членов «торговых товариществ». Буллы сохранились там потому, что служили отчетными документами этих торговых операций.

Таковы те основные точки зрения, которые имеются относительно применения булл, исходя из возможностей совокупного материала булл. Найденная в Миигечауре единственная булла и часть собрания из Ак-Депе также относятся к торговым сделкам, как это правильно замечают исследователи (И. Бабаев, А. Губаев).

Поскольку основным материалом нашего исследования являются буллы, найденные в Двине, мы не можем игнорировать мнение руководителя двинской экспедиции К. Кафадаряна об этом материале. К. Кафадарян в ряде своих статей, как уже было отмечено, коснулся вопроса применения булл и высказал различные мнения. Однако основное положение, которое он изложил в одной из своих последних статей, связано с документами государственного дивана Двина и содержащимися в «Книге посланий», которые были скреплены печатями крупных светских и духовных деятелей страны⁷. К. Кафадарян правильно предположил, что многочисленные находки булл в Двине свидетельствуют о том, что здесь находилось, по-видимому, помещение, центр или архив, в котором была сосредоточена переписка.

В этой связи достойно упоминания свидетельство Себеоса относительно переброски дивана Сюника из Двина в Пайтакаран: «Յայնժամ յառաջ քան զայս (խորը 570—571 թթ.

⁷ См. Ч. Ч. Ղաֆադարյան, Պետական զիվանի մատերիները Դվինում, ՊՐԷ, 1974, № 2.

ապսամբության մասին է) ի րաց եկեաց ի Հայոց անուանեալ Վահան իշխան աշխարհին Սիւնեաց, ե խնդրեաց ի հոսորովայ յարթայէն Պարսից, զի տարցէն զդիւան աշխարհին Սիւնեաց ի Դրնայ ի Փայտակարան քաղաք, և կարդեսցէ զքաղաքն շահոմար Ասորպատականի...»⁸ («Перед этим [восстанием 570—571 гг.] Ваган, владелец Сюникской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюникской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и город внес в границы [շահոմար] Атрпатакана». Себеос, с. 28). К сожалению, разработанный К. Кафадаряном тезис относительно булл односторонен.

Ст. Малхасянц очень метко заметил в связи с свидетельством Себеоса, что здесь речь идет о налоговом диване Сюника, поскольку город Пайтакаран входит в провинцию Атрпатакан. Ст. Малхасянц отмечает, что правильное толкование слова «շահոմար» дано также Марквартом, Адонцем, Маиандяном и другими⁹. Свидетельство Себеоса позволяет предположить, что в центральном диване Двина хранились документы разного рода, среди которых были также обязательства, векселя, привилегии на сбор и уплату налогов.

Интересные свидетельства относительно налоговой политики Сасанидского Ирана сохранились в источниках. В Иране существовала практика, согласно которой право сбора налогов давалось лицу, которое соответствующим опечатанным и подписанным письмом брало ответственность за собираемую сумму и обязывалось уплатить ее в казну. Ярким подтверждением этой политики Ирана является позиция Шапура II в отношении христиан-персидских подданных. Источники отмечают, что Шапур требовал от христиан уплаты налога в двойном размере и вся ответственность за это возлагалась на тизбоиского епископа Симеона. Этот приказ царя был обжалован Симеоном, после чего Шапур отдал распоряжение: «...схватите Симеона, главу иазореев, и не отпускайте его, пока он не поставит печать на собственноручное письмо долговое и не примет на себя двойную подушную подать вдвойне со всего народа иазореев, которые в нашей божественной земле имеются и живут в нашем государстве, и не отдаст ее»¹⁰.

⁸ Սեբեոս, գլ. 2, էջ 27.

⁹ См. там же, с. 177—178, прим. 25; Հակոբ Մանգրյան, Քննական տեսութիւն հայ ժողովրդի պատմութեան, հատոր Բ մասի նյութեր, Երևան, 1960, էջ 91.

¹⁰ Н. Пугачевская, Города Ирана в раннем средневековье, с. 243—246.

Подобная налоговая политика осуществлялась не только в отношении христиан в самом Иране, но и в Армении. Сразу же после падения Аршакидов, во второй четверти V в., персы провели в стране новую перепись с целью определения размеров налогов и упорядочения их сбора¹¹. Египше сообщает, что одним из следствий этой переписи явилось повышение налогов. Он считает, что целью этого мероприятия было разорение шиитов. Налоги были очень тяжелыми — там где надо было взимать сто даhekанов, брали вдвое больше. Налогами были обложены даже представители духовенства: «Բայց սակայն թէպէտ և ամենայն զործքս այս դժնեաց էին, չէ էր ուրուք ձեռն արկեալ յայտնի յեկեղեցին. վասն այնորիկ և ոչ որ ընդդիմացանմա, թէպէտ և էր ծանրութիւն հարկացն: Քանզի ուստի արժան էր առնուլ հարիր դահեկանաւ շափ, կրկին առնուին»¹²; («Но, однако, хотя все эти дела были тягостны, никто открыто не посягал на [право] церкви; вследствие этого никто и не воспротивился ему, хотя и произошло утяжеление податей. Ибо с чего следовало брать в размере ста даhekанов, взимали вдвое»). *Египше*, с. 39).

Не меньший интерес представляет также свидетельство Себеоса о почестях, оказанных Хосровом Ануширваном Смбату Багратунни: «Յայնժամ տայ նմա արքայ զտանուտէրութիւն՝ որ անուանեալ հոսորով Շում, զարգարէ ի քաղաքս, ի գտակ և ի պատմուճան բեհեզեայս յուկույ ածեալ, մեծացուցանէ ահագին պատուաւք ի ճամբար ականակապ և ի զումարաակ, և ի գահու արծաթիս. արձակու ի նա զվաճառն իրորր, զգրեան աշխարհին»¹³; («Тогда царь пожаловал ему нахарарское звание, которое называлось Хосров-Шум, чудно его нарядил в васонную, златотканную шапку и накидку, возвеличил чрезвычайными почестями, головной повязкой, унизанной камнями, ожерельем и серебряным седалником, представил ему малый торг и подати страны». *Себеос*, с. 58).

Здесь речь идет об исключительной привилегии, т. е. Смбату предоставлялось право распоряжаться частью дворцовых податей в пределах марзпанства. Диван являлся канцелярией дворцовых доходов, а «малый торг» — «զվաճառն իրորր» — видимо, особый вид этих доходов (возможно, от торговли или пошлии).

Ст. Малхасянц по этому поводу дает

¹¹ См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971, с. 481.

¹² *Եղիշե*, էջ 23.

¹³ *Սեբեոս*, գլ. ԻԶ, էջ 66.

следующее разъяснение: «В армянском тексте «...արձակու ի նա զվաճառն իրորր, զգրեան աշխարհին» буквально «опускает ему малый торг, архив страны». Неясно, что подразумевает Себеос под «малым торгом» и под «архивом страны». Имея в виду ..., что архивы содержали, между прочим, делопроизводство по взиманию податей, мы по догадке перевели так. По нашему мнению, Хосров представил Смбату право, в пределах его марзпанства, собирать подати (=«архивы страны») и взимать некоторые сборы с привозимых товаров (=«малый торг»)»¹⁴.

Внутренние реформы Хосрова, которые относились и к налоговой политике, включали также Армению, особенно во второй половине VI в., когда после восстания Вардана Мамиконяна (Кармир Вардан) страна на некоторое время оказалась под властью Сасанидов. Себеос прямо упоминает чиновников, занимавшихся налоговыми делами, которые были назначены Хосровом. Они назывались «хамаракарамн»¹⁵ — пехлевийский термин, обозначающий «счетчик», т. е. главный чиновник по доходам и расходам государства¹⁶. Историк отмечает, что армянское войско «առին և զգանձն արքունի որ ի տանն համարակարին, որ ի հարկաց ժողովեալ աշխարհին այսորիկ և ճանապարհ կալեալ զնացին յամուրն ի յերկրնն Գեղմայ»¹⁷: («...захватило также царскую казну, собранную из податей той страны, хранившуюся в доме казначея (hamaraka) и пустилось в путь по направлению к укрепленной стране гелумов». *Себеос*, с. 54).

Свидетельство Себеоса о «хамаракарах» становится достоверным, когда обращаемся к соответствующим статьям Сасанидского судейника¹⁸. В одной из них прямо сказано, что «хамаракары» компетентны также и в числении и в сборе («получении») подати («налогов»)»¹⁹.

Двин, по всей вероятности, являлся одним из тех центров Армении, в котором сосредотачивалась собранная подать. Возможно, именно к этому надо отнести то упоминание, которое опять-таки относится к восстанию Вардана в 571—572 гг., когда «զեկեղեցի արքայն Գրիգորի, որ շինեալ էր մերձ ի քաղաքսն, էին առաքեալ համարաւոնցս Պարսիկքն, հարին հուր և այրեցին. վասն որոյ եղև նոցա խռովութիւն մեծ»²⁰; («...персы, которые

¹⁴ *Себеос*, рус. пер. Ст. Малхасянца, с. 162.

¹⁵ *Սեբեոս*, գլ. ԺԴ, ԻԱ.

¹⁶ См. Հր. Անախան, Հայերեն արձատական բառարան, Գ. Հատոր, Երևան, 1977, էջ 23.

¹⁷ *Սեբեոս*, գլ. ԻԱ, էջ 60.

¹⁸ См. Сасанидский судейник, 93, 4—9.

¹⁹ См. там же, А—28, 3—5.

²⁰ *Սեբեոս*, գլ. Զ, էջ 27.

церковь св. Григора, построенную близ города, превратили в складочное место, теперь подожгли и сожгли ее, от чего произошла большая скорбь». Себеос, с. 29). И не случайно, что Вардан и его единомышленники «սիրի գաւար բազում և գիւղին ի ծախալովիսն Յնկար»²¹: («...захватили много добычи и пошли на службу грекам». Себеос, с. 28).

Все эти события и источники относятся к одному историческому периоду, который в хронологическом отношении связан с находками булл. Можно предположить, что часть найденных в Двине булл связана непосредственно с налоговым делом. Трудно по оттискам печатей определить их принадлежность, однако та статья Судебника²², в которой говорится о выдаче «намаракарам» официальных печатей, в какой-то степени может быть сопоставлена с некоторой частью булл.

Это же явление можно наблюдать и в Тахт-и Сулеймане, который, будучи одним из крупных культурных центров Сасанидского Ирана, мог сосредоточить и хранить также всю переписку, относящуюся к налогам. По-видимому, Тахт-и Сулейман, выступавший в роли крупного хозяйства, восполнял свои доходы в форме налогов. Только таким образом можно объяснить происхождение части булл с обширной географической территорией (об этом можно судить по надписям).

Сравнение сасанидских булл Двина с буллами Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана выявляет ряд особенностей. Во-первых, на буллах Двина очень редко встречаются надписи (на 20 из общего числа 138). Подавляющая часть надписей является изречениями духовного или светского характера, может быть и имениями, которые иногда ограничиваются одним словом или фрагментом. Эти надписи трудно читаются, так как плохо сохранились, и их расшифровка требует длительного кропотливого труда²³. На буллах Двина не встречается ни одной печати, которая принадлежала бы высокопоставленным персидским светским и духовным лицам. Иначе говоря, для этих булл не характерна принадлежность к государственным или храмовым ведомствам, которые осуществляли надзор над различными областями внутренней жизни.

Тщательное изучение булл Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана позволяет выявить весьма ценные сведения о географиче-

ской номенклатуре, административном делении и должностях Сасанидского Ирана. Большая часть их имеет официальные печати и принадлежала знатым лицам, игравшим важную роль во внутренней жизни страны.

Многие исследователи четко указывают те различия, которые имеются между официальными и личными печатями. На греческих геммах, которые принадлежали частным лицам, изображены головы людей, животные и различные сцены. Печати без изображений, только с надписями, в греческом мире не имелось. Селевкиды следовали этой традиции, однако здесь уже на официальных печатях ставилась только подпись или монограмма.

Впоследствии, под воздействием восточной глиптики, на греческих геммах селевкидского периода встречаются религиозные изречения с изображениями. Даже в этом случае официальные печати отличались от личных стилистическими особенностями, размером или характером изображения²⁴.

Эти явления и традиции продолжались и при Сасанидах. На официальных сасанидских печатях имеются лишь подписи или инициалы. Изображения божеств, людей или животных высекаются только на личных печатях. На печатях более позднего периода (VI—VII вв.) появляются изображения магов и прочих представителей зороастрийского духовенства, а также изображения светских лиц²⁵. Р. Гебль отмечает, что подобно тому как величина буллы обусловлена важностью опечатываемого документа, так и размер геммы свидетельствует о статусе ее владельца²⁶.

Преобладающее большинство печатей, оттиснутых на буллах Двина, должно принадлежать к категории личных печатей. Это в первую очередь определяется наличием на них изображений растений и животных, отсутствием подписей, а также размерами печатей. Однако из общей группы выделяются пять булл, на которых имеются официальные печати. Три из них имеют только над-

²⁴ См. М. I. Rostovtzeff., Seleucid Babelonia bulla and seals. „Iale Classical Studies“, New-Haven, III, 1932, с. 19 и сл.

²⁵ См. Р. Фрай, Наследие Ирана, М., 1972, с. 295—297; его же, Sasanian Remains from Qasr-i Aba Nasr, с. 47—50. В этой своей работе Р. Фрай относит к числу личных также печати с монограммами и аббревиатурами.

²⁶ См. R. Göbl, Die Sasanidische Tonbullen..., с. 102. Последнее замечание вряд ли соответствует действительности. Скорее здесь имела значение ценность камня, на котором вырезалось изображение.

²¹ Там же.

²² См. Сасанидский судебник, 93, 4—9.

²³ Надписи на оттисках двинских булл были расшифрованы В. Г. Лукониным.

писи и являются печатями канцелярии. Подобные официальные печати известны также из Каср-и Абу Насра.

Оба оттиска дефектны, и надписи не сохранились полностью, но тем не менее они чрезвычайно интересны. В Лукоини предложил предварительное чтение надписи на одной из этих булл (табл. VI, 52, XV, 13):

Центр: 'lmpy. Край: [l]mny gwndy ZY ktk ZY... [или ZY ktkhw [t'yh?], т. е. Центр: *Армения*. Край: *дом²⁷ армянского войска...* (вряд ли титул kadag xwaday),

Дефектность надписи не дает возможность ее окончательной расшифровки. Совершенно ясно, однако, что данная печать принадлежит к распросгранениому типу сасанидских официальных печатей, в центре которых вырезалось название провинции (в сасанидское время: stry—шахр, или более мелкая единица kwst—район, или, наконец, название крупного административного центра, например byšhrwhr—город Бишапур), а по краю давался титул крупного чиновника (имя никогда не указывалось).

В данном случае указан шахр *Армения*, понимаемый именно как один из шахров (центров), входящих в сасанидское государство. Что касается надписи по краю, то бесспорно можно сказать, что имеется в виду какая-то *военно-административная* единица (gwnd=полк, отряд, ср. арм. գնդ).

Учитывая точную датировку этой буллы (на булле еще три печати, на одной из них также только надпись—в силу плохой сохранности прочесть ее не удастся), вероятно, будут полезны исторические разыскания в армянских источниках. Пока можно лишь сказать, что это—печать центральной сасанидской канцелярии в Армении, связанной с военным ведомством (канцелярия сасанидского военного гарнизона?). Две другие печати имеют ищаны с надписями и, несомненно, принадлежали магам, т. е. ими опечатывались документы религиозного и судебного характера.

Сасанидский судебник не отрицает того факта, что печати магов и судей (судебное дело было возложено преимущественно на духовенство) были официальными²⁸. Интересно, что на печати мага Фарса была выгравирована надпись о том, что он выступает в защиту обездоленных.

А. Перихаян очень метко замечила, что Фаустос Бузанд, характеризуя католикоса

Нерсеса, представляет его как «апологега всех обездоленных»²⁹. Факт интересен тем, что та роль, которую играли маги в духовной и судебной жизни Ирана, в Армении выполнялась христианским духовенством. На основании этого можно смело сказать, что встречающиеся на буллах оттиски с изображением креста принадлежали духовным лицам и, по всей вероятности, были официальными печатями. Примечательно, что на буллах, найденных в нехристианской среде, как это видно по среднеазиатским и персидским собраниям, почти отсутствуют печати со знаком креста, в то время как печати с ищанами, принадлежавшие магам, оттиснуты в обязательном порядке на больших буллах. Это явление позволяет полагать, что в Двине в качестве официальных лиц при утверждении различных актов выступали местные церковные деятели, или же те буллы, которые имеют бесспорно иностранное происхождение, привезены из христианских районов Сирии или Ирана. Выяснить, какое участие в утверждении документов в Двине принимали светские официальные лица—невозможно, хотя на некоторых буллах, как было отмечено, встречаются повторения обыкновенных печатей.

Буллами Двина несомненно скреплялись документы самого различного содержания, восстановить которые невозможно. Однако эти буллы, их внешние признаки и следы на обороте позволяют выделить некоторые группы, основываясь на вопросах применения булл. Как уже говорилось, среди булл, найденных как в Двине, так и в других местах, можно выделить те образцы, которые связаны с торговыми сделками, т. е. они являются товарными буллами. Мы отмечали выше, что в том слое, в той комнате, где были обнаружены буллы Двина, найдены остатки кожи, корзины, полотна и зерна, что говорит о том, что частью булл были опечатаны тюки, мешки, какие-то объемистые предметы, в которых были продукты, товары и т. д. С другой стороны, на буллах заметны следы этих предметов.

Весьма интересные свидетельства относительно опечатывания товарных тюков сохранились в источниках.

Историк XII в. Ибн ал-Балхи, описывая способ изготовления в городе Казерун специального полотна, в частности, отмечает: «Инспектор от казначейства осуществляет надзор, а посредники устанавливают настоящую цену ткани, опечатывая кипы, прежде чем их вручат чужеземным купцам. Последние полагались на маклеров и покупали эти

²⁷ См. D. N. Mackenzie, A Concise Pahlavi Dictionary, London, 1971, с. 49, „Kadag [ktk] hause“.

²⁸ См. Сасанидский судебник, 93, 4—9.

²⁹ Там же, с. 466.

необщитые кипы в том виде, как они перед ними лежали, а в каждом городе, куда эти кипы доставляли, интересовались исключительно лишь сертификатом казерунского маклера и продавали кипы, не вскрывая. Таким образом, нередко случалось, что партия казерунских кип свыше десятка раз переходила из рук в руки, причем кипы так и не распечатывались. Но теперь в эти последние дни появился обман, люди стали печестными и пропало всякое доверие, ибо товары с печатью казны зачастую оказывались низкосортными, и поэтому чужестранные купцы стали избегать казерунских изделий»³⁰.

Традиция употребления булл при торговых сделках была столь сильной, что некоторые сведения об этом сохранились и в пародном творчестве. В одной из сказок прямо отмечается: «Ала ад-Дину показали груз всех сорока верблюдов: тюки на них были запечатаны и на каждом из них указана стоимость»³¹.

Свидетельства о подобных торговых сделках и товарных буллах весьма немногочисленны. Источники в первую очередь говорят о ткачестве, которое почти во всех персидских центрах было сосредоточено в руках дворцового казначейства. Производство тканей в Сасанидском Иране было одной из важных отраслей производства, надзиралось со стороны двора и являлось одной из важных статей экспорта. Для выяснения значения некоторых групп булл очень важно рассмотреть различные вопросы городской торговли, ремесел Ирана, обратив особое внимание на роль ремесленных и торговых товариществ.

В раннее средневековье в странах Ближнего Востока велась весьма оживленная торговля. В широкую сферу обмена были вовлечены многие города и провинции. Шла сильная конкуренция между Ираном и Византией, в особенности из-за дорогостоящих предметов и вещей, из которых большой известностью пользовался ввозимый из Китая и Средней Азии шелк.

Крупным центром ткачества считалась в Иране провинция Хузистан. Производство дорогих шелковых тканей пережило в Иране бурный рост после походов Шапура II, когда из разных стран, в частности из Сирии, были пленены и перевезены в Иран

мастера этого дела. Среди них можно упомянуть пекоего Пусика (Поси), о котором в источниках имеются многочисленные упоминания. В производстве шелковых тканей большую роль играли дворцовые мастерские. Сасанидские цари всегда держали в своих руках производство драгоценных тканей, усматривая в нем большой источник дохода.

Для раннефеодального периода Ирана характерна роль, которую играл царь в создании новых городов, открытии мастерских, часть продукции которых удовлетворяла потребности двора, а другая часть, несомненно, вовлекалась в торговую сферу³².

При Сасанидах городское ремесло носило товарный характер³³. Товар реализовывался непосредственно ремесленником или же вывозился и продавался торговцем—посредником. По-видимому, городское ремесло в какой-то мере было обособлено от сельского хозяйства. А в селах и общинах хозяйство носило натуральный характер, и ремесла не были отделены от сельского хозяйства. Сельскохозяйственная продукция также в некоторой степени имела товарный характер, продавалась в городах царства, а часть вывозилась. Известны знаменитый рынок столицы—Тизбоиа, большой рынок сельскохозяйственных продуктов в Хамиде³⁴.

Несмотря на то, что часть городского населения была связана с процессом товарного производства, тем не менее основа хозяйства сасанидского Ирана была натуральной³⁵. Это были процессы, связанные с развитием производительных сил и производственных отношений, расцветом городской жизни³⁶. Историческое развитие показывает, что и в Иране, и в Армении имелись все данные для перехода от натурального хозяйства к широкому товарному производству уже в раннем средневековье, когда ремесла должны были отделиться от сельского хозяйства. Этот глубокий процесс был, по-видимому, отодвинут на два столетия вследствие походов арабов.

Весьма интересные свидетельства относительно внутренних организационных вопросов торговли и ремесел Ирана содержат юридический сборник Ишобохта и другие сирийские источники, подробно проанализи-

³⁰ Адам Мец, Мусульманский ренессанс, М., 1973, с. 367.

³¹ «Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, остроослове Абу Нувасе и хитрымном Джухе», М., 1976, с. 39.

³² См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 242.

³³ См. там же, с. 252.

³⁴ См. Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V и VI вв., М.—Л., 1940, с. 80, 122.

³⁵ См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 253.

³⁶ См. Р. Ե. Առաքելյան, Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դդ., Կ. 1, Երևան, 1958.

ровавшие Н. Пигулевской³⁷. Для нас представляют интерес те проблемы, которые связаны с ремесленными и торговыми товариществами.

Тот факт, что в Сасанидском Иране ремесленники были объединены в отдельные организации, так называемые цеха, зафиксирован в источниках. Отдельные отрасли ремесла возглавлялись старшинами, главными ремесленниками. Поэтому не случайно, что часто встречаются такие выражения, как «старшина серебряников», «глава ювелиров» и т. д.³⁸—в стране, где ремесла, связанные с металлом, достигли столь высокого уровня развития.

Имются свидетельства, что в цеха были организованы представители и других ремесел, как, например, пекари. Все ремесленные цеха и корпорации имели свою внутреннюю структуру, а члены—определенные обязанности. Они селились в определенных кварталах города, согласно ремеслам, их работа находилась под строгим надзором государства, в городах этот надзор осуществлялся управленческим органом. Пусик (Поси) был «начальником ремесленников» — «каругбедом» (специальная должность, созданная при дворе). «Каругбед» Вардаб упоминается в числе подписавшихся под деяниями несторианского собора 544 года³⁹.

Торговля также производилась посредством товариществ. У Ишбохта подробно излагается устав такого товарищества. В статьях Сасанидского судебного кодекса имеются многочисленные упоминания о торговых организациях и об их внутренних порядках. Товарищество («*hambayih*») по своему характеру отличалось от общины, но своим отношением к собственности где-то приближалось к ней. В него входили пайщики, которые делили доход в соответствии с размером своего вклада. Это явление, как было отмечено, заметно на товарных буллах, когда встречаются несколько оттисков одной печати. Это связано с простой сделкой, когда данный пайщик, член товарищества, числом оттисков своей печати удостоверяет, сколько долей принадлежит ему, согласно чему и должен производиться дележ дохода после реализации товара. В этом смысле буллы весьма рельефно отражают права

членов товарищества и некоторые вопросы внутренней структуры этих товариществ.

Формирование феодального общества в Армении происходит в период Аршакидов и фактически завершается в V веке. С утверждением христианства (IV в.) господствующий класс приобрел соответствующее идейное оружие. Церковь, в особенности после падения Аршакидов (первая половина V в.), стала мощной феодальной организацией, приобрела крупные поместья, законодательные и судебные функции, стала играть крупную роль в хозяйственной и общественной жизни страны.

С другой стороны, феодализация страны происходила в условиях сильной персидско-византийской конкуренции и борьбы с внешними врагами. Сасанидскому Ирану не удалось сломить сопротивление армян, и страна фактически была самостоятельна, а нахарары сосредоточили в своих руках административные, военные и финансовые дела. В этот период страна переживала большой культурный подъем, широкое развитие получили письменность и литература, архитектура, скульптура, различные прикладные искусства.

Экономическое и политическое развитие Ирана и Армении в раннем средневековье, обладая общими чертами, шло по различным направлениям. Здесь можно лишь отметить, что Сасанидский Иран представлял собой мощное централизованное государство, с сильной сетью государственной администрации. Одну из основ государства составляли крупные города с оживленной торговлей и развитыми ремеслами.

Большой ущерб экономике Армении нанесли походы Шапура II, когда были уничтожены эллинистические города, а городское население угнано в Иран. Это был удар и по ремесленному производству и торговле страны, восстановление которых потребовало большого времени.

В Армении независимость страны сменилась признанием юридической власти пахараров⁴⁰. Ремесла и торговля ослабли, что ускорило переход к натуральному хозяйству.

Продолжительная идеологическая борьба между Ираном и Арменией в некоторой степени способствовала сохранению самостоятельности Армении в различных областях культуры. Тем не менее воздействие Ирана имеет место, оно заметно особенно в искусстве и в быту знати. Влияние сасанидской административной и хозяйственной деятельности также весьма заметно в Армении, по-

³⁷ Н. Пигулевская, Города Ирана, с. 222—225, 253—261.

³⁸ К. В. Тревер, К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране, «Эллинистический Ближний Восток. Византия и Ирак», М., 1967, с. 157. Н. Пигулевская, Византия и Иран..., с. 228—229; *её же*, Города Ирана..., с. 222.

³⁹ См. К. В. Тревер, указ. соч., с. 160.

⁴⁰ См. С. Т. Ереми, Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, ВП, 1951, № 7, с. 55.

сколькo послeдняя находилась в зависимом положении.

Армения являлась одним из центров транзитной торговли между Западом и Востоком. Арташат не утерял своей роли в этой торговле. Об этом весьма четко говорится в кодексе Юстиниана 408/9 г. Согласно договору, заключенному между Византийской империей и Сасанидским Ираном, международная торговля велась в заранее определенных пунктах—Мцбине (Нисибии, Иран), Каллиникуме (на территории империи) и Арташате (Армения)⁴¹. Впоследствии роль Арташата в транзитной торговле перешла к Двину.

После 428 г., когда политический центр страны переместился в Двин, у греческих и римских географов традиционно вместо Двина упоминается Арташат. При арабах Арташат упоминался как предместье Двина. Баладзори называет его «городом красильщиков»⁴² (al-Qirmiz). Относительно торговли в Армении и Закавказье при Сасанидах сохранились значительные данные⁴³. Торговые пути довольно четко обозначены на «Певтингерской карте».

Историк VI в. Прокопий Кесарийский пишет, что в Двине имелось много соседних многолюдных сел, в которых селились прибывшие с торговыми целями многочисленные люди. Торговцы, привозившие товары из Индии, соседней Иверии, всех подвластных Персии стран, а также из Римской страны, именно здесь торговали друг с другом⁴⁴.

Весьма интересная задача относительно торговых путей и опорных пунктов выдвинута Аналия Шпракаци: «Այր մի յիմոց մերձաւորաց գումարա լեալ ի Բա՛հլ, եզիս մարգարիտ շահուայր, և դարձեալ ի ատն և հասեալ ի Գանձակ՝ վաճառեաց զհասարակ մարգարտին զհատն յիտն գրամ, և եկեալ և նախճաւան վաճառեաց զլորորդ մասն մարգարտին ետիտանատն գրամ զհատն և հասեալ ի Դուին՝ վաճառեաց զերկոտասաներորդ մասն մարգարտին նախնու Մանդակունոյ»⁴⁵; («Некий муж из моих близких, отправившись в Бахл, приобрел цар-

ственный жемчуг. Возвращаясь домой и достигнув Гандзака, он продал половину жемчуга, зерно за пятьдесят драмов, прибыв в Нахчаван, он продал четвертую часть жемчуга, зерно за семьдесят драмса, и, достигнув Двина, он продал двенадцатую часть жемчуга, зерно за пятьдесят драмов...»).

По-видимому, Шпракаци здесь имел в виду важный торговый путь, который шел от Бактрии по южным берегам Каспийского моря к Закавказью. Весьма интересно, что на этом пути упоминаются Гандзак (Тахт-и Сулейман)⁴⁶ и Двин—центры, в которых пайдеи товарные буллы.

Вольшую ценность для нас представляет свидетельство, приведенное в «Книге посланий», о том, что, несториане, переселяясь из Хузистана (Хужастана), поселялись в Армении и занимались торговлей: «...եկեալ ընակեցան յաշխարհիս մերում պատճառաւ վաճառաշահութեան», «... որոց ոմանք (նեստորականները—Ս. Ք.) հասեալ յառաջագոյն յաշխարհ մեր, վաճառաշահութեամբ կեցին ընդ հարսն մեր և ընդ մեզ...»⁴⁷; («Прибыв сюда из-за выгоды, поселились в стране нашей..., кои из которых, прибыв в страну нашу в прежние времена, с выгодой остались жить с нашими отцами и с нами...»).

Это имело место в 40-е годы VI века, в период правления персидского царя Хосрова I.

Многочисленные материалы относительно внешней торговли Армении, и в частности Двина, выявлены во время археологических раскопок. К их числу можно отнести стеклянные сосуды, ввезенные из Месопотамии и Сирии, глиняный флакон с изображением св. Андрея малоазийского происхождения, клад серебряных чаш из Нор-Баязета, сасанидские и византийские монеты и т. д.

Сведений относительно внутренней торговли в раннесредневековой Армении несравненно меньше. Они в основном содержатся в церковных каионах. Так: «Եթէ որ ի քահանայից ի գնել կամ ի վաճառել կրթիցին կամ իշխանաց շրջիցին հարկապահանջս ինելով կամ ստիկան կարգել աշխարհական գործոց, սաէ առնա. չլավ էր նոցա, թէ ընաւ չէր ծանուցեալ զարգարութեան ճանապարհն». «սյնպիսիքն մի լիցին քահանայք, այլ աստուածախարք» Կանոնք Յովնանու Մանդակունոյ⁴⁸; («Если кто из свя-

⁴¹ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, с. 108.

⁴² См. Баладзори, Кипга завоевания стран, Баку, 1927, с. 10.

⁴³ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении; С. Т. Еремян, Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, ВДИ, 1939, № 1, с. 79—97.

⁴⁴ См. Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, кн. 2, СПб., 1880, с. 182.

⁴⁵ И. А. Ороели, Вопросы и решения вардапета Анания Шпракаци, армянского математика VII века, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 514.

⁴⁶ Н. Адолц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 2.

⁴⁷ «Գիրք թղթոց», էջ 70, 72; Տե՛ս նաև՝ Սր. Տեր-Մինասյուն, Նեստորականությունը Հայաստանում 5—6-րդ դարերում, Գրական-բանասիրական հետախուզումներ, գիրք 1, Երևան, 1946, էջ 214—215.

⁴⁸ Կանոնագիրք Հայոց, Բ; Երևան, 1971, էջ 264—265.

щеннослужителей упражняется в торге, либо ходит к князьям по причине сбора податей, либо ставят надсмотрщиков по мирским делам, то говорит тому «Лучше бы такие вовсе не позивали дорогу праведную». Такие да не станут священнослужителями, а являются они богообманщиками». *Каноны Иоанна Мандакуня*).

Как видим, торговля признавалась лишь светским занятием, и низшему духовному сословию запрещалось заключать сделки. В другом каноне говорилось: «Այլ ոմանք ձրարոյք եւ վաճառականք եւ վաշխառոյք փոխանակ կրանաւորութեան՝ շահաժողովք». Կսեննիք ներսէսի և ներշապիսի⁴⁹: («Некоторые же являются коинозаводческими, торговцами и ростовщиками, вместо священнослужения занимаются сбором выгоды». *Каноны Нерсеса и Нершануха*).

В другом каноне имеется прямое свидетельство о том, что убой и продажа скота были централизованы, для этой цели имелись специальные боины (*Կանոնագիրք Հայոց, Բ, էջ 150*).

О роли торговцев в общественной и государственной жизни, о критериях их богатства говорит свидетельство Себеоса. Во время походов императора Константина II армянские нахарары «...укрепились на открытом месте и силой завладели казной, ибо там находилась вся казна страны как церковная, так и кинжеская и купеческая». *Себеос*, гл. XLVI, с. 118. («...ամրացան ի րացւոյն, և ընենցան ի վերայ գանձուցն. զի անդ էին ամենայն գանձքն աշխարհին, եկեղեցւոյ և իշխանաց եւ վաճառականաց»)⁵⁰: В имущественном отношении на верхней ступени имущего класса находились также крупные торговцы.

Свидетельства о внешней и внутренней торговле раннесредневековой Армении содержат весьма ценные материалы об организации торгового дела. Рассмотрим некоторые из них. Из источников явствует, что в армянских центрах, в частности в Двине, торговцами иностранного происхождения были созданы общины, которые находились под государственным надзором и одновременно представляли свои торговые учреждения («товарищества»). Это ясно видно из сообщения Прокопия. Следует считать не случайным проинокновение несториан в Армению с торговыми целями. Несториане играли большую роль в торговле Ирана. Под решениями собраний несториан, помимо духовейства, ставили свои печати и светские

лица, которые выступали в роли «старшин» ремесленников и торговцев⁵¹. Учитывая роль несториан в хозяйстве страны, двор покровительствовал им.

Первые группы несториан проникли в Армению в конце V века. В середине VI в. община несториан настолько возросла, что построила для себя специальную церковь по имени Григора Магачихра Ражика. Армянская церковь вела постоянную идеологическую борьбу с несторианами, но этот вопрос выходит за рамки настоящей работы. Для нас важно то обстоятельство, что несториане переселились в Армению из Хузистапа, который, как было отмечено, являлся одним из крупных торговых и ремесленных центров Сасанидского Ирана. В этом деле им покровительствовал персидский двор, имея, видимо, определенные политические и экономические намерения. Нам представляется, что существует прямая связь между проинокновением несториан и свидетельством ал-Хамадани о строительной деятельности Хосрова I Ануширвана, обороне Двина и развитии в нем торговли, когда он заселил и укрепил этот город⁵².

О широкой торговле, которую вели несториане, свидетельствуют буллы, найденные в Двине и Каср-и Абу Насре, который был расположен недалеко от Хузистана. Эти непосредственные связи выражены наличием одинаковых печатей на буллах, найденных в обоих пунктах⁵³. Повторяющихся печатей четыре. Одна из них—официальная печать, она принадлежала какой-то каппелярни, быть может—торговому «товариществу», имеет фрагмент надписи. Остальные три—личные печати. Эти печати Двина встречаются лишь на товарных буллах, на которых ясно видны следы широких поясков и мешков.

В Двине они встречаются в единичных образцах; почти такая же картина повторяется и в Каср-и Абу Насре, за исключением одной (Д—363), которая оттиснута на пяти разных буллах. Сравнение печатей позволяет определить, какие буллы из Каср-и Абу Насра были торговыми. Тщательный анализ двинских булл и материалов из Тахт-и Сулеймана показывает некоторые сходства между отдельными оттисками. Примечательно,

⁵¹ См. Н. Пигулевская, Византия и Иран, с. 228.

⁵² См. СМОМПК, вып. XXIX, с. 15.

⁵³ Из булл Двина в Каср-и Абу Насре повторяются: 2197/313(17), 315(9), 319/2. См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Д—190, 343, 363. Помимо повторяющихся печатей, имеются многочисленные сходства в изображениях.

⁴⁹ *Կանոնագիրք Հայոց. Ա; Երևան, 1964, էջ 490.*

⁵⁰ *Սերբուս, գլ. ԽԶ, էջ 142.*

что часть из них повторяются на буллах Двина и Каср-и Абу Насра⁵⁴.

Повторы печатей в разных памятниках, однако, не позволяют высчитать вопросы их происхождения и локализации. Можно предположить, что большие буллы, опечатанные большим количеством печатей, найденные в Двине, происходят из Каср-и Абу Насра и наоборот, а буллами с одной печатью скреплялись письма личного характера или доверенности, адресованные торговым посредникам двух пунктов.

Свои торговые общины в Двине имели, вероятно, сирийцы, которые считались торговым народом Средиземноморья и Ближнего Востока⁵⁵. Связь сирийцев с Арменией имеет весьма глубокие корни, начиная со времен Тиграпа Великого. В последующий период сирийцы обосновались в торговых и ремесленных центрах страны, среди которых главная роль принадлежала Двину.

Факт наличия в Двине сирийских торговцев доказывается и буллами. На одной из товарных булл (2197/313) оттиснуты две печати, сирийское происхождение которых не вызывает никаких сомнений. Одна из них — печать со знаком креста (табл. III, 22, 28), с отдельными буквами, которые не относятся к пехлеви, а напоминают сирийские письмена. Другая печать (№ 9) также не сасанидская, на ней изображена пальма со стреловидным знаком рядом. По своей форме и изображению печать принадлежит к группе сирийских.

Несомненно, что во внутренней и внешней торговле Армении крупную роль играли армянские купцы, хотя прямые свидетельства об этом отсутствуют. Однако те факты, которыми мы располагаем о торговцах, указывают на их привилегированное положение и роль в хозяйстве страны. Во всех случаях, в торговле имелась конкуренция, и для того, чтобы выдержать ее, они должны были объединяться в группы, товарищества, которые в Двине находились под надзором городского административного органа.

Вопрос организации производственных групп в раннесредневековой Армении ставился целым рядом исследователей. Правильно отмечено, что подобные группы были широко распространены в стронтельном деле⁵⁶. Яр-

⁵⁴ См. R. Göbl, Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman, № 85, 269, 271, 690, и т. д.

⁵⁵ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, с. 5.

⁵⁶ См. Բարկեն Առաքելյան, Հայկական պատմության գիտություն IV—VII դարերում էջ 99; Ստ. Խ. Մեացականյան, Միջնադարյան Հայաստանի շինարարական գործի կազմակերպման մի քանի հարցերը և քարագործ վարպետների նշանագրերը, ՊՂԶ, 1958, № 3, էջ 84—104:

ким свидетельством этого являются сотни знаков разных мастеров, сохранившиеся на памятниках. Эти группы имели своих руководителей, которые назывались по-разному: горцакал, востикаш⁵⁷.

О наличии ремесленных групп свидетельствуют два примечательных толкования католикоса Иоанна Мандакуни и историка Лазаря Парбеци: «Կորուսանէ ե զարուստաւորսն սատանայ, եթէ... նախանձու և շարակնութեամբ զտաղանդն արուստսին արգելեցուն յայնցանէ՝ որ ուսանելն խնդրեն, որ իրրե զտաղանդաւարաս պարատրեցին»⁵⁸; («Сатапа погубит ремесленников, если те из-за ревнивой зависти будут скрывать мастерство ремесла от тех, кто ищет его дабы научиться, хотя как обладатели мастерства, они обязаны этому»).

Этого вопроса коснулся акад. В. Н. Аракелян, заметивший, что здесь речь идет о ремесленных группах. Он пишет: «На первый взгляд в этом свидетельстве обращает на себя внимание одна сторона его смысла — что желающим обучиться ремеслу надо идти навстречу, и это является обязанностью людей, которые сами обязаны другим своим мастерством (талантом). Но в этом свидетельстве таится и другая сторона вопроса, которая может быть случайной для отдельных ремесленников, но свойственна группам ремесленников. Она заключается в том, что вне этой группы «из-за ревнивой зависти скрывают мастерство ремесла». («նախանձու և շարակնութեամբ զտաղանդն արուստաւորսն արգելեցուն»): Если бы это не было распространено, то вряд ли была бы нужда упомянуть об этом в речи мировоззрения повинных⁵⁹.

Свидетельство Лазаря Парбеци о том, что «всякий ремесленник, знаящий свое ремесло и получивший пользу от него, старается и детей своих научить, дабы они здравствовали» («Ամենայն արուստաւոր, որ զիր արուստան ինքն դիտէ և օգտեալ է արուստէն՝ զնոյն ե որդոց իւրոց կամի ուսուցանել, զի կեցցեն») ⁶⁰, непосредственно связывается с теми частями сборника Ипобохта, которые относятся с правовой точки зрения к взаимоотношениям отца и сына в ремесленных товариществах⁶¹.

Факт наличия отдельных торговых сос-

⁵⁷ См. Ст. Мнацаканян, указ. соч., с. 89.

⁵⁸ Յովհաննու Մանգակունույ հայոց հայրապետի ճառը, Վենետիկ, 1838, էջ 26:

⁵⁹ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 100.

⁶⁰ Ղազար Փարպեցի, էջ 369:

⁶¹ См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 256—257.

ловий и групп в Армении подтверждают найденные в Двине буллы. Товарами, которые были опечатаны буллами с большим числом печатей, могли торговать только товарищества, а не отдельные купцы. Это становится ясно, когда внимательно следим за оттисками одинаковых печатей на разных буллах, или же за несколькими оттисками одной и той же печати на одной булле.

В Двине найдены три буллы арабского периода, которые пока являются единственными и не известны ни из одного памятника Востока. Правда, в Каср-и Абу Насре имеется булла с одной печатью с арабской надписью, которая, по выражению Р. Фрая, выполлепа «страйным алфавитом, вероятно модслированным из курсивного пехлеви»⁶². Двиинские буллы почти все имеют надписи, которые являются либо именами, либо изречениями. Плохая сохранность надписей не позволяет сделать более глубокие выводы⁶³.

Хотя буллы найдены в слое IX в., в Двине, тем не менее изображения и надписи печатей позволяют утверждать, что они датируются VII—VIII вв., а одна из булл (2588/187) имеет оттиски сасанидских печатей. Это явление весьма интересно с точки зрения выяснения персидско-арабских торговых взаимоотношений. Видимо, арабы в начальный период представили армянским и персидским торговцам определенные привилегии. В этом аспекте достойно упоминания договор Хабиба ибн Масламы с жителями Двина, который упоминается Баладзори: «Да и сия грамота Хабибом Ибн Масламой христианам города Дабил, его магам и иудеям как присутствующим, так и отсутствующим, в том, что я гарантирую вам ваши личности и имущества, ваши церкви и храмы и стену вашего города. Вы находитесь в безопасности, и мы обязуемся выполнять договор с вами до тех пор, пока и вы сами

⁶² См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr с. 58, D 195.

⁶³ Надписи на арабских буллах расшифрованы О. Большаковым и Л. Гюзальном.

выполняете его и вносите подупиную и поземельную подати...»⁶⁴.

Р. Фрай отмечает, что арабы (особенно при Омайидах и Аббасидах) сохранили некоторые институты сасанидского административного аппарата, действовала та же налоговая система, в обращении были сасанидские монеты⁶⁵. По-видимому, и в торговых отношениях многое сохранилось от сасанидского и впоследствии получило широкое развитие.

Двин в арабский и послееарабский период не утрачивает своего торгового значения. Об этом сохранились многочисленные свидетельства в трудах арабских географов ал-Истахри, ал-Якуби, ал-Мукадаси, Ибн Хаукала и др.⁶⁶ Эти вопросы подробно исследованы⁶⁷ и мы не считаем нужным вновь обращаться к ним.

Арабские буллы Двина—товарные и связанные с торговыми сделками. По своей внешней форме они не отличаются от сасанидских. Разница лишь в том, что здесь подавляющее большинство печатей имеет надписи (25 из 40), изображения имеют лишь пять печатей. Определить, какие из них являются официальными печатями, трудно, кроме одной печати со знаком креста.

Таким образом, найденные в Двине буллы представляют большую ценность для изучения ряда важных социально-экономических вопросов раннесредневековой Армении. Этими материалами могут быть освещены различные проблемы внешней и внутренней торговли страны, ремесел, налоговой политики. Настоящее рассмотрение булл является предварительным и предполагает дальнейшее их изучение.

⁶⁴ Перевод А. Тер-Гевондяна, См. А. Н. Тер-Гевондян, Армения и Арабский халифат, Ереван, 1977, с. 42.

⁶⁵ См. Р. Фрай, Наследие Ирана, с. 329—331.

⁶⁶ См. СМОМПК, вып. XXIX, XXXVIII.

⁶⁷ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении; А. Н. Тер-Гевондян, указ. соч., с. 62—67, 202—210.

ГЛАВА IV СИМВОЛИКА И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Можно было предположить, что изображения, встречающиеся на сасанидских печатях, созданы по мотивам «Авесты» и богатой персидской эпической литературы. На эту сторону вопроса обратили внимание еще Ф. Аккерман¹, В. Луконин² и др. В действительности же все изображения, встречающиеся на произведениях различных областей сасанидской культуры—скульптуры, ювелирики, фрески, ювелирного искусства, ткачества, а также глиптики, весьма однородны, питаются одним источником и часть их нашла свое отражение и в монументальных письменных памятниках. Исследователи правильно заметили, что встречающиеся на печатях композиции довольно ограничены и, с другой стороны, отдельные детали этих композиций весьма каноничны.

Р. Гебль в одной из своих статей, приводя некоторые статистические данные относительно сасанидских печатей, приходит к заключению, что композиция изображений на печатях была весьма ограниченной. Он отмечает каноничность изображений, которая играла определенную роль на печатях личного характера³.

Совпадение сюжетов в разных памятниках искусства сасанидского периода говорит о роли канона и символики в этом искусстве⁴.

Изображения, встречающиеся на печатях булл, найденных в Двине, независимо от места нахождения, тесно связаны с подобными сасанидскими памятниками. Конечно, большая часть печатей, которыми сделаны оттиски, плоды сасанидского искусства. Следует считать неслучайным тот факт, что

часть печатей, по-видимому, принадлежала местным высокопоставленным лицам и по своей композиции весьма близка к композиции печатей, созданных в сасанидской среде. Весьма вероятно, что символика этих печатей совпадает с символикой сасанидских печатей. Это явление обусловлено ареалом распространения персидского влияния.

По этому поводу академик И. А. Орбели писал: «Этот своеобразный подбор сюжетов, во многих случаях несомненно стоящий в связи отчасти с религиозными, отчасти с магматическими представлениями, являясь отражением наиболее интимной стороны жизни древних персов и культуры с ними связанных народов, полон особого интереса, и широкий диапазон степеней технического совершенства этих изделий... еще более подчеркивает близость этих вещей к повседневной жизни»⁵.

Для того, чтобы эти явления стали более понятными, рассмотрим изображения и композиции, которые встречаются на буллах Двина.

Все животные и птицы, встречающиеся на буллах, в той или иной мере связываются с тотемическим культом, мифологией и космогоническими воззрениями. Часть их является символами созвездий или звезд, имеющих в Зодиаке⁶. Ф. Аккерман, подробно изучив эти связанные с печатями вопросы, классифицировал отдельные божества и символы⁷. Надо отметить, что исследователями в основном признана классификация сасанидских печатей, предложенная Аккерманом. В. Лукоиним сделан ряд интересных замечаний относительно символики, которая имеет связь с древнеперсидскими текстами.

¹ См. Ph. Ackerman, Sasanian Seals, SPA, I, с. 784—815.

² См. Сасанидские геммы, с. 31.

³ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullen..., с. 97.

⁴ См. Сасанидские геммы, с. 32—33.

⁵ И. А. Орбели, Сасанидское искусство, с. 291.

⁶ См. Անանի Երանյանի, Տիեզերագիտութիւն և աստուծաբանութիւն, 1940, с. 20—21.

⁷ См. Ph. Ackerman, указ. соч., с. 802.

Так, изображение быка на печатях могло быть символом бога победы Веретрагны, который связывается с Сириусом (символ Сириуса—златорогий бык)⁸.

А. Бивар в каталоге сасанидских печатей Британского музея дает классификацию печатей по изображениям, сохраняя внутри групп хронологические рамки⁹.

Р. Гсбль в одной из своих работ предлагает классификацию печатей по изображениям¹⁰. Он прямо указывает, что при классификации печатей надо исходить из изображений, временами учитывая легенды¹¹.

В классификации сасанидских печатей большую роль играют буллы. В этом аспекте весьма интересно исследование П. Харпер относительно изображений на оттисках и стилизованных форм резьбы, встречающейся на печатях. Изображения печатей на буллах Каср-и Абу Насра П. Харпер делит на следующие группы: 1) изображения людей; 2) изображения животных; 3) птицы; 4) растения; 5) фантастические существа; 6) символы, ишаны, монограммы. Эта классификация и рассмотрение изображений печатей выполнено с широким охватом сравнительного материала¹².

Анализ изображений и классификация сюжетов печатей булл Двина выполнены нами на основе указанной работы П. Харпер.

Изображения людей. В отличие от булл Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана, на которых довольно много оттисков с изображением людей, в собрании Двина подобные печати встречаются очень редко. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что буллы Двина опечатывались местными нахарарами, торговцами и др. и, вероятно, в составлении данных документов не принимали участие высокопоставленные сановники сасанидского двора или губернаторы, на печатях которых имелись изображения людей с надписями о личности, должности и прочие атрибуты.

Печати с изображением людей в Двине встречаются семь раз; одна из них (2197/314) оттиснута на булле трижды. Последняя сохранилась весьма плохо, но тем не менее заметно, что стоящий в центре человек держит справа какое-то животное, продолговатое туловище и конечности которого хорошо подчеркнуты. В левой части слабо выраже-

ны какие-то черточки, возможно это—изображение меча. Верхняя часть печати не сохранилась. Четко обрисованы ноги человека и широкие панталоны.

Очень интересно изображение всадника на булле с одной печатью (табл. VI, 56). Вся композиция весьма динамична. Всадник держит в правой руке меч (или копье), на голове у него треугольная шапка. В нижней части печати, непосредственно под конем, изображена стилизованная серна. Подобная композиция почти не встречается на сасанидских печатях, и она более характерна для греко-римского мира. Однако сцены охоты занимают довольно большое место на сасанидских серебряных чапках, часть которых создавалась в Иране и подвластных ему странах.

Остальные три—обычные печати, и на них изображены люди во весь рост и в разных позах. К сожалению, плохая сохранность изображений не позволяет рассмотреть детали, однако предполагается, что двое из них держат в руках оружие.

Изображение животных. На буллах Двина встречаются многочисленные печати с изображениями животных—в отдельности и в разных вариациях. Встречаются изображения льва, волка, серны, барана, кабана, медведя, оленя, мыши.

Оттиски с изображением льва встречаются в нашем собрании три раза, два из них—в материалах VI—VII вв., один—на булле IX в. Один из оттисков—отдельный, возможно, что с функциональной точки зрения он принадлежит другой группе булл. Здесь изображен сидящий лев с густой гривой, голова его покоится на передних лапах. Детали туловища выполнены со всей точностью. Лев расположился в тени дерева, которое имеет три ветви. В верхней части печати имеется надпись (табл. VI, 58). Подобный мотив часто встречается на сасанидских печатях. Много печатей с изображением льва в подобной позе, но без дерева, имеется на буллах Каср-и Абу Насра¹³. Две геммы с весьма близким изображением хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа¹⁴, они датируются IV—V вв. На другом оттиске с изображением льва, который сделан на булле с четырьмя печатями, лев изображен стоя и сильно стилизован. Здесь также он стоит в тени дерева (табл. VI, 54). Оба оттиска имеют надписи. Подобные изображения часто встречаются как на сасанидских, так и на раннесредневековых армянских горельефах. Следует отметить особенно рельеф с изображением льва на южном

⁸ См. Сасанидские геммы, с. 34.

⁹ См. A. D. H. Bivar, указ. соч.

¹⁰ См. R. Göbl, Der Sasanidischen Siegelkanon, Braunschweig, 1973.

¹¹ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Toubullen..., с. 97.

¹² См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 66—87.

¹³ См. там же, с. 72, 73, Д10, 37, 50, 54 и далее.

¹⁴ См. Сасанидские геммы, № 311, 312.

фасаде церкви Птхни, который весьма близок к упомянутой тематике по своему содержанию и исполнению¹⁵.

Лев, как воплощение силы, ловкости и мощи, известен у всех народов и как защитник выступает и на Ближнем Востоке, где его изображения были широко распространены¹⁶.

У армян также культ льва восходит к древности, он отождествлялся с солнцем, в нем усматривали воплощение силы, плодородия, мощи: «Ձառիճէն անն՝ թէ որ ի նմայն ծնանի քաջաիրա և հպարտ լինի»¹⁷: («Относительно льва говорят, что кто рождается в общении с ним—бывает храбр и горд»).

В тотемистическом культе свое отдельное место занимали волк, собака. Собака выступала как воплощение верности, преданности, она издавна служила человеку. Следует считать не случайным, что этот восходящий к древности культ проник и в христианскую действительность и отразился в декоративном и прикладном искусстве. На буллах Двина изображения волков и собак встречаются четыре раза (чаще, чем изображения других животных). Две из них повторяют почти одинаковую композицию, разница заключается только в формах печати: одна—круглая, другая—прямоугольная. Под туловищем четко изображен детеныш, который сосет молоко матери (табл. IX, 85, XV, 19). В одном случае—несколько вытянутость туловища, в другом—повреждение оттиска не позволяют полностью воспринять изображение. На другом оттиске волк изображен бегущим, что заметно по его позе и расположению конечностей. На четвертой печати несомненно изображена собака с согнутым длинным хвостом и вытянутыми вперед лапами (табл. I, 9). Первые три изображения имеют свои параллели в материалах Каср-и Абу Насра¹⁸, в коллекциях Британского музея¹⁹ и Государственного Эрмитажа²⁰. Культ волка и собаки имелся почти у всех народов—с разными оттенками. Он нашел свое определенное место и на сасанидских печатях, на которых воплотились официальная религия и народные верования.

На буллах Двина часто встречаются

оттиски с изображениями баранов, сери и оленей. По общему стилю изображения они походят на идентичные образцы из Каср-п Абу Насра²¹. Все они—печати личного характера и не имеют надписей. Бараны имеют ленты, они являются символами бога удачи и царского величия Хварены. В Лукоини отмечает, что в раннесасанидский период (III в.) подобные сюжеты не встречаются ни на горельефах, ни на печатях²².

На памятниках раннесредневековой Армении часто встречаются изображения оленей (Касах, Ахц). Олень отождествляется с козерогом и, согласно Ширакаци, «որ ի նմայն ծնանի խոհեմ, գոռոզ և դաւաճան լինի»²³, («Кто рождается в общении с ним—бывает благородным, самодовольным и лукавым»). Олень считался воплощением одного из пяти космических элементов—воды и в персидской мифологии связывался с культом Анахиты²⁴. В Аракелян связывает найденные в христианской среде скульптуры оленей с христианской символикой, согласно которой он представлял тоску по небесному царствию²⁵. Баран считался священным животным и приносился в жертву. «Երկն ունի գրչխանականն, գգեգեցկականն»²⁶, («Они обладает [чем-то] княжеским, прекрасным»). Слово «խոյր» (тиара, митра), обозначавшее отличительный княжеский знак, происходит от слова «խոյ» (баран), возможно, ветви тиары первоначально считались похожими на бараньи рога.

На буллах Двина редко встречаются печати с изображениями кабана, медведя и мыши. На одной из печатей изображена голова медведя en face, с астральным знаком, что редко встречается на сасанидских печатях (табл. IV, 34). На буллах Каср-и Абу Насра изображение мыши встречается редко²⁷. В Двине это изображение известно на одном образце (табл. VI, 51). Отметим, что весьма интересный фрагмент сохранился в канонах Кирилла Александрийского: «Քաշանա որ աւրհնէ գմթերս րմպիեաց յորս անկանի մուկն կամ այլ ինչ զարշելի սոգուն, կամ հնձան՝ անիծեալ լիցի քահանայն և անսուրբ իրրեւ րզմունկ, ի կարգէն լուծցի...», Чանոնք Կիրղի Աղեհ-

¹⁵ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 85.

¹⁶ См. Ф. С. Бабаян, Средневековая художественная керамика и семантика ее орнаментации, Автореф. канд. дис., Ереван, 1974, с. 14—15.

¹⁷ Անանիա Շիրակացի, указ. соч. с. 20.

¹⁸ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 75, D67, 308, 313, 448.

¹⁹ См. R. Göbl, Der Sasanidischen Siegelkanon, 40 ф. с. d; A. D. H. Bivar, указ. соч., ЕАЭ.

²⁰ См. Сасанидские геммы, с. 749.

²¹ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 250 и сл.

²² См. В. Г. Лукоини, Искусство древнего Ирана, М., 1977, с. 209.

²³ Անանիա Շիրակացի, указ. соч., с. 21.

²⁴ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 90.

²⁵ См. там же, с. 90.

²⁶ См. Там же.

²⁷ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 75, D 435.

սիւնիւնը²⁸: («Священник, благословляющий жидкие продукты потребления, оскверненные мышью или другим мерзким пресмыкающимся, либо погреб, да будет проклят сей священник и порочен, как мышь, он должен быть лишен сана»).

Оттисков с изображением скорпиона — четыре, из них на двух скорпион изображен с птицей, на одном — с луной, а на одном — отдельно (табл. VI, 53, IX, 86). Согласно классификации Ф. Аккермана, скорпион выступает как символ созвездия²⁹. Все созвездия считаются «добрыми» божествам, однако едва ли скорпион выступал только под этим атрибутом. Нам представляется, что скорпион являлся прежде всего символом божества зла и мрака. Еще в древнеармянской мифологии мы видим скорпиона в этой роли. «Айк соперничал с Анаит, которая направила скорпиона ужалить Айка — Ориона, и от этого укуса Айк умер»³⁰. Вождество скорпиона имеется в урартском пантеоне. Скорпион часто встречается также на позднеавилонских и ассирийских печатях³¹. В сасанидской мифологии скорпион иногда выступает как предвестник зла³². Однако на печатях он выступает как символ созвездия, как залог успеха.

Как было отмечено, на буллах арабского периода изображения животных резко уменьшаются. Вопрос запрета изображения животных в средневековой мусульманской среде давно интересует исследователей. Однако отмечено, что в Коране на этот счет нет четких данных, и запреты, вероятно, относятся к религиозным предписаниям XI—XIV вв.³³ Важно отметить, что в раннеарабском искусстве, особенно в геральдике, изображения различных животных встречаются довольно часто³⁴.

Птицы. Большая часть изображений на оттисках булл Двина — птицы, главным образом изображения голубя, аиста, фазана, орла-грифа, павлина, лебедя, утки и т. д. Они выступают как в отдельности, так и с другими животными (со змеями, скорпионами и олеями). На десяти оттисках птицы изображены вместе с небесными светилами, в частности с полумесяцем. Эта группа птиц широко распространена в позднесасанидской

глиптике. С точки зрения техники изображения определенное сходство имеется между буллами Двина, Каср-и Абу-Насра и Тахт-и Сулеймана, что свидетельствует о создании их в одной и той же среде.

Эти сюжеты на буллах тесно связаны с культом и, в частности, они ясно выступают в религиозных текстах зороастризма. Эта группа птиц связывается преимущественно с небесным культом, символизируя идею бессмертия души. С идеей плодородия связаны изображения аиста, райской птицы — павлина.

В армянской действительности культу птиц также отводилось большое место — издавна и до наших дней. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические и этнографические материалы. В своем исследовании, посвященном раннесредневековой армянской скульптуре, В. Аракелян подверг тщательному рассмотрению мифические и символические изображения птиц³⁵. Поэтому мы, не останавливаясь на этом вопросе, сделаем лишь некоторые замечания в пределах возможностей, представленных нашим материалом.

Изображения орлов, аистов, голубей, петухов встречаются также на средневековых керамических сосудах, которые, несомненно, в какой-то форме связаны с культом, восходящим к предшествующим периодам³⁶.

На буллах часто встречаются птицы, в клюве которых зажата змея. Вероятно, это изображение символизирует борьбу, победу над злыми силами. Иногда птицы выступают вместе с извивающимися змеями, что символизирует идею бессмертия. Культ змеи занимал у армян большое место и сохранился в армянских народных верованиях в качестве образа предков, хранителя души и т. д.³⁷

В средние века был широко распространен культ петуха-фазана. В персидской религиозной литературе петух выступает как хранитель дома, который борется против сна, лени и прочих нечистых сил. Культ петуха был распространен не только в Иране, но и в Средней Азии и на Кавказе. У армян до последнего времени весьма популярны были петушиный бой. Во многих церквях содержали украшенных петухов, которые предсказывали хорошую погоду. Изображения петухов имеются на армянских церквях (Ахтамар) и в миниатюре (Евангелие из Мугни).

Орел — символ солнечного божества. Во-

²⁸ Վիննիսի գրքը Հայոց, Բ, էջ 60—61.

²⁹ См. Ph. Akkerman, указ. соч., с. 801.

³⁰ В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 79.

³¹ См. Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 231.

³² См. Сасанидские геммы, с. 35.

³³ См. Г. П. Михалевиц, Сообщение Насир Да-Дина Тус о резном изумруде Хорезмшаха Текеша, «Средняя Азия и Иран», сб. статей, Л., 1972, с. 109.

³⁴ См. L. A. Mayer, Saracenic Heraldry, Oxford, 1933.

³⁵ См. В. Аракелян, указ. соч., с. 78—94.

³⁶ См. об этом подробно Ф. С. Бабалян, указ. соч.

³⁷ См. Մ. Արեղյան, Հայ ժողովրդական հավատքը, Երևան, հ. է, Երևան, 1975, с. 63—65.

площадная в нем идея силы и охраны наблюдалась и в средневековой Армении. Изображения орла неоднократно выступают на церквах и светских строениях, в геральдике и т. д. На одной из печатей орел является символом силы, мощи и, быть может, власти; он изображен в грозной позе, с полураскрытыми крыльями, с головой, повернутой несколько вправо (табл. III, 27). Это изображение имеет некоторое сходство с изображением орла на капителях Звартноца.

На одном из оттисков изображена пара птиц на стилизованном дереве, они как будто клюют плод (табл. VI, 57). Дерево представлено в форме креста. Мотив двух птиц на кресте часто повторяется в армянских монументальных памятниках раннего средневековья. В весьма архаичной форме этот мотив встречается в южной нише мавзолея Аршакидов в Ахце (60-ые гг. IV века)³⁸. Подобную композицию мы видим в Еревуке, на одной из древних, отдельно лежащих капителей (V в.)³⁹, а также на орнаменте, сохранившемся на северной стене Эчмиадзинского кафедрального собора⁴⁰. Мотив пары птиц впоследствии получил широкое распространение в миниатюре⁴¹, а также в резьбе по дереву (севанские капители, IX в.)⁴².

Идея плодородия, рождения, долговечности жизни, которая символизирована в указанной группе и выступает в разных памятниках искусства, восходит еще к дохристианскому периоду. Эта идея отразилась в духовной и материальной культуре многих народов. Однако указанный мотив чаще встречается в армянской действительности. Важно отметить, что в сасанидской глиптике подобные параллели отсутствуют. Следовательно, можно утверждать, что указанная печать была создана в армянской среде и принадлежала армянскому светскому лицу.

Говоря об изображениях птиц, встречающихся на буллах Двина, нельзя игнорировать группу изображений птиц на перкви Птхни. На вейчике одного из северных окон перкви в медальонах высечены изображения птиц, которые весьма близки к изображениям птиц на оттисках булл Двина, а также Каср-и Абу Насра и вообще сасанидских печатей. Это сходство в изображении

³⁸ См. В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 84, рис. 62.

³⁹ См. Francesco Gandolfo, *Chiese e cappelle armenie a pavata semplice dal IV al VII secolo*, Roma, 1973, с. 43.

⁴⁰ См. Լ. Արաքելյան, *Վաղ միջնադարյան հայկական քանդակը*, с. 40, рис. 10.

⁴¹ См. Ա. Մանգալանյան, *Հայկական զարդարչեստեղծություններ*, 1955, с. 371—374.

⁴² См. В. Н. Аракелян, указ. соч., с. 81—82.

говорит о взаимном воздействии, которое заметно в прикладном искусстве и монументальной скульптуре VI века.

Растительные изображения. В отличие от булл из Каср-и Абу Насра, в Двине очень мало печатей с изображением растений. Среди них можно упомянуть печать сирпийского происхождения с изображением пальмы, печати с изображением листьев, походящих на виноградные, и стилизованных деревьев—всего 7 штук. На раннесасанидских печатях изображения растительности встречаются очень редко. В Лукоини считает, что эти изображения (различные цветы, плод граната и т. д.) являются символами культа Анахиты, распространяемого в Иране в IV в.⁴³ В армянском раннесредневековом искусстве в первоначальный период растительные мотивы весьма сдержанны, больше стилизованы, как это можно судить по мавзолею Ахца и базилике Касаха и ряду памятников. В VI—VII вв. растительный мотив получил широкое распространение и стал изображаться более реально. Это особенно заметно по храму Звартноц, который, как известно, составил целую эпоху в истории армянской архитектуры и орнаментики.

Фантастические существа. Хотя печатей этой группы немного, но мы их делим на две части. Печати первого типа, на которых изображены гопатшах и крылатый конь, несомненно, имеют сасанидское происхождение. Оба этих мотива много раз встречаются на сасанидских печатях и буллах. Гопатшах часто встречается в персидских письменных памятниках и на горельефах. Этот образ человека-быка, являющийся результатом исторических тотемистических представлений народов Передней Азии, проник в древнеперсидское искусство еще в ахеменидский период. Гопатшах, по-видимому, связывался с охраной воды и орошением. Этот вопрос подробно исследовала К. В. Тревер⁴⁴.

Печать с изображением гопатшаха встречается и на одной из двинских булл IX века (табл. XI, 112). Однако печать, несомненно, была изготовлена в более ранний период. Печати такого же типа хранятся в Государственном Эрмитаже и опубликованы В. Лукоиним. По своим изображениям они весьма близки к образцу из Двина⁴⁵.

Печати второго типа созданы в христианской среде. На одной из них изображен амур с веткой в руках, на другой—пара амуров (табл. XV, 18). На сасанидских печа-

⁴³ См. В. Г. Лукоини, *Искусство древнего Ирана*, с. 209.

⁴⁴ См. К. В. Тревер, *Гопатшах — пастух-царь*, ТОВЭ, II, Л., 1940, с. 71—86.

⁴⁵ См. Сасанидские геммы, № 262, 263.

тях эти изображения весьма редки. В Каср-и Абу Насре имеется один образец печати с двумя амурами⁴⁶. По своей тематике они весьма близки к позднеримским печатям.

Символы, ишаны, монограммы. Среди булл Двина своеобразное место занимают печати с христианскими и зороастрийскими символами. Встречающийся на печатях крест не может рассматриваться лишь как простое украшение. Известна политика Сасанидского государства в отношении христианства и христианских народов в IV—VI вв., особенно в условиях непрерывной борьбы против Византийской империи. В этом аспекте весьма показательна борьба армян в IV и особенно в V веке против сасанидского владычества, когда Иран усматривал залог успешной ассимиляции армянского народа в принятии им зороастрийской веры. Навязывание зороастризма христианским народам было лишь ширмой, за которой скрывалась захватническая политика Сасанидского государства. В таких условиях одним из основных вопросов политики персидских кругов и духовной знати было отношение к христианству.

Основной символ чужой веры (в данном случае—крест) не мог использоваться на печати в качестве бессодержательного украшения⁴⁷. Мы склонны видеть здесь определенный знак, который подтверждает принадлежность владельца печати к христианству.

Иногда встречаются печати, созданные в зороастрийской среде и затем перешедшие в руки христиан, которые дополнительно выгравировали на них знак креста. А. Борисов справедливо считает эти знаки креста магическими знаками, которые должны были уничтожить воздействие зороастрийского содержания печати⁴⁸.

Печати с изображением креста на буллах Двина встречаются 7 раз. Печати с разными знаками креста на одной булле встречаются лишь однажды. Одна из этих печатей со знаками креста датируется IX веком (табл. XVI, 6).

У Лазаря Парбеци имеется упоминание о том, что перстень Григора Лусаворича (Просветителя) имел изображение креста: «...և դիր զմատանին, զզծած խաչի ք...»⁴⁹ («...и надень перстень с изображением твое-

го креста»). Неоднократно упоминаемые в средневековых армянских рукописях перстни «католикосов», «патриархов», «епископов» и прочих церковников имели украшение в форме креста. Печати с крестом, встречающиеся на данных буллах, принадлежали только духовным лицам.

Встречающиеся на печатях кресты не одинаковы по своей форме. Как правило, нижние концы креста длиннее, большая часть концов завершается шариками. В армянских памятниках подобные кресты встречаются в слоях VI—VII вв. и в монументальной орнаментике. В качестве примера можно указать крест из туфа, а также обломки таких же крестов, найденные в Двине близ резиденции католикоса⁵⁰, которые своей формой повторяют образцы, встречающиеся на буллах. С этой точки зрения весьма характерен также золотой крест из Двина, в центре которого помещена гемма с изображением орла.

Древнейшие кресты, встречающиеся на территориях Армении и датируемые IV—V вв., равноконечны. Такие кресты нам известны из Зовуни, Ошакана, Касаха, Ахца и других раннехристианских памятников. С VI в. кресты меняют свою форму. Как верно отметил Н. М. Токарский⁵¹, концы крестов VI в. имеют соотношение 4:5, в силу чего крест приобретает более гармоничные черты. Формы креста важны и для датировки других памятников материальной культуры. Так, одна из печатей, обнаруженная в карасных захоронениях в Азербайджанской ССР, имеет равноконечный крест и датируется IV—V, а не IV—VIII веками⁵².

Одна из печатей с изображением креста имеет краткую, вероятно сирийскую надпись (табл. XV, 1). Эта печать иностранного происхождения и принадлежала она христианину-неармянину или представителю местной сирийской общины. Не располагая более достоверными доводами, можно тем не менее полагать, что часть печатей с изображением креста, которыми скреплялись буллы, изготовлена в мастерских Двина.

Сасанидские печати с крестами известны мало. В Закавказье они встречаются редко⁵³, в коллекции Государственного Эрмн-

⁵⁰ См. Ч. Ղաֆարյան, *Դիրն քաղաքը և նրա պեղումները*, рис. 133—136.

⁵¹ См. Н. М. Токарский, По страницам истории армянской архитектуры, Ереван, 1973, с. 65.

⁵² См. А. Б. Нуриев, О кувшинных погребениях Шергаха, МКА, VII, Баку, 1973, с. 231—232 (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).

⁵³ См. М. Н. Лордкипанидзе, Геммы Государственного музея, I. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—1941 и 1946—1948 гг. Тбилиси, 1954, с. 92, № 61.

⁴⁶ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 148.

⁴⁷ См. А. Я. Борисов, Эпиграфические заметки, III, Об одной группе сасанидских резных камней, ТОВЭ, т. I, Л., 1939, с. 235.

⁴⁸ См. там же, с. 240. В 1978 г. в Двине найдена печать с изображением ишана, рядом с которым имеется небольшой крест.

⁴⁹ Ղաֆար Քաղաքի, *ԻԲ*, с. 131.

тажа нам известен пока лишь один такой образец, который датируется IV—V вв.⁵⁴

В Каср-и Абу Насре, где не исключено участие несториан в утверждении товарных булл, также известны печати, которые можно считать печатями со знаками креста, хотя и заметны некоторые стилиевые различия⁵⁵.

Исследователями высказано множество мнений относительно ишанов, встречающихся на печатях. Стремление разгадать тайну их совершенно понятно, поскольку эти знаки в большом количестве изображались на печатях, монетах, керамических сосудах и на серебряных сосудах. Однако, как ни много высказанных мнений, но до сих пор нет окончательного решения. Э. Герцфельд считает, что некоторые из ишанов—монограммы, составленные из букв имени владельца. Ф. Аккерман считает эти знаки «символами атмосферы» или «астральными символами». А. Христинсел усматривает в них знаки различия офицеров различных воинских подразделений. По одной из точек зрения, ишаны являются «неероглифическими символами сасанидского космического трона»⁵⁶.

Р. Гёбль считает, что ишаны абстрактны и происходят скорее из фигуральных форм. Они имеют кочевое происхождение и выступают в качестве знака рода⁵⁷.

Интересные наблюдения сделаны Г. А. Пугаченковой. Она считает их родовыми знаками крупных дворянских родов (отсюда и варианты). Указывая на крупную роль зороастризма, она полагает, что ишаны отображают купол одного из капищ Тахт-и Сулеймана (Гандзака)⁵⁸.

Этот вопрос подробно рассмотрен В. Лукониным. Сопоставив ишаны, встречающиеся на барельефах, монетах и печатях во всех их разновидностях, он делит их на три группы, наиболее часто встречающиеся. В первую группу входят ишаны, встречающиеся на митрах лиц, приближенных царя царей, которые изображены в основном на барельефах. Во вторую группу входят ишаны, которые встречаются на митрах жрецов, лучше всего сохранившиеся на печатях. Ишаны, входящие в третью группу, преимуществен-

⁵⁴ См. А. Я. Борисов, указ. соч., с. 240; Сасанидские геммы, № 197.

⁵⁵ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, D 200, 226, 230.

⁵⁶ Сасанидские геммы, с. 38.

⁵⁷ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullien, с. 110.

⁵⁸ См. Г. А. Пугаченкова, Материалы по восточной глиптике, Труды САГУ, вып. СХІ, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1957, с. 148. Важно отметить, что это капище несколько раз упоминается у Себеоса: «Կապիւն չրապիւն ճիւղի՝ որով Վշիպիւն կոչէին» («Капище великого ирея, под названием Вшасп», Себеос, с. 27, 29, 80).

но самостоятельны и встречаются как на печатях, так и на керамических и серебряных сосудах⁵⁹. Сравнивая разные группы, В. Луконии выражает мнение, что ишаны, встречающиеся на печатях, принадлежат в первую очередь магам (вторая группа). Ишаны, входящие в третью группу, являются знаками разных храмов-капищ Сасанидского Ирана⁶⁰. В. Луконии не отрицает, что они могут быть также родовыми ишанами и ишанамп, которые соответствуют определенным титулам и степеням⁶¹.

На буллах Двина ишаны встречаются трижды. Две из них отдельные печати, (табл. XV; 16, 17), а один оттиснут на булле с четырьмя печатями. Как правило, все печати с ишанамп имеют надписи. На буллах с множеством печатей оттиски с ишанамп не встречаются.

Отдельные, личные печати могли принадлежать магам, которые, как известно, ведали судебными и прочими делами, и, вероятно, скрепляли печатями соответствующие документы.

В собрании Двина известны также три монограммы, одна из которых—на булле с 45 печатями. Очень вероятно, что это сильно стилизованные буквы имен владельцев печатей.

Исключительный интерес среди найденных в Армении археологических предметов представляет обломок керамического сосуда, найденный во время раскопок холма близ села Айгеван Араратского района в 1973 г. (руководитель—акад. В. В. Пиотровский), на котором оттиснут ишан, очень близкий по своей форме ишанамп, встречающимся на печатях. Этот обломок найден в верхнем слое, который точно датируется V—VI вв. Обломок керамического сосуда с оттиском ишана позволяет предположить наличие в этой части какого-то института, связанного с сасанидским культом; уточнение этого может быть сделано только в ходе дальнейших раскопок. В 1975 г. в этом же месте была найдена голова барана из белого песчаника. Исходя из особенностей обработки, мы склонны считать это капище. Двуголовые капищели при Ахеменидах были довольно распространены и встречаются как в Иране, так и в Закавказье. В последующие периоды, в частности в сасанидский, наличие таких капищелей нам неизвестно. Голова барана из Айгевана подтверждает, что здесь мы имеем дело с каким-то культовым сооружением, от которого не сохранилось даже следов; видимо, это сооружение было уничтожено в первые годы принятия христианства.

⁵⁹ См. Сасанидские геммы, с. 39—41.

⁶⁰ См. там же, с. 42.

⁶¹ См. там же, с. 45.

КАТАЛОГ

Коллекция булл, обнаруженных в Двине, хранится в Государственном историческом музее Армении под разными номерами: 1907/161, 1949 г.—одна булла, 1980/169—172, 1954 г.—четыре буллы, 1981/78—79, 1955 г.—две буллы, 2047/86—87, 1957 г.—две буллы, 2197/313—332, 333_{1-в}, 1961 г.—двадцать восемь булл, одна без номера и 2588/185—187, 1972 г.—три буллы.

В каталоге буллы представлены в зависимости от количества оттисков. Арабские буллы даны отдельно. Под римской нумерацией представлены буллы, их описания, размеры и год. Цифрами пронумерованы оттиски. В содержание входят описание, надписи, сохранность, вид резьбы, форма оттиснутой печати, размеры, номер таблички. В конце приведены ближайшие параллели из научных изданий и каталог разных музеев.

Сокращение литературы в каталоге:

СГ—А. Я. Борисов, В. Г. Лукоинин, Сасанидские геммы, Л., 1963.

В—А. Д. Н. Bivar, Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals, II, The Sassanian Dynasty, London, 1969.

Г—R. Gobl, Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman, Berlin, 1976.

GS—R. Gobl, Der Sasanidischen Siegelkanon, Braunschweig, 1973.

Л—Ph. Gignoux, Catalogue de Sceaux, Camées et Bulles Sasanides de la Bibliothèque National et du Musée du Louvre, II, Les Sceaux et Bulles inscrits, Paris, 1978.

Q—Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, Cambridge, 1973.

БУЛЛЫ С НЕСКОЛЬКИМИ ОТТИСКАМИ

1. Глиняная плоская булла, черная, лощеная с 45 оттисками, сделанными 20 печатями. В коллекции двинских булл—единственный образец, на котором тождественные печати повторяются несколько раз (иногда до 5). В центре буллы наблюдается кольцо из сквозных дырок. На оборотной стороне следы широкой ленточки, по-видимому, кожаного ремня. Размеры 8,5×9,0 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/314—1961 Табл. XVIII, XIX, 5.

1. Летающий амур вправо, в руке ветвь. Очисть выразительны руки и перекрещенные ноги. На голове шлем (?). Хрупкое тело в движении. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,7×0,4. См. 2197/313—8 и 315. Табл. I, 1, GS, 12в, 13а.

2. Утка вправо. Выразительны голова и

клюв. Над спиной торчат два длинных пера. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать чуть овальная, выпуклая. 0,8×0,7 см. Табл. 1, 2, GS, 31, Q, D 22, 43, 71, 73. 362, I, 43, 73, 362.

3. То же, сохранность плохая.

4. Птица (фазаи ?) вправо. Часть хвоста отбита. Оперение туловища показано в виду косых линий. Очень выразительны голова и ноги. Сохранность удовлетворительная, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Табл. 1, 3, GS, 28.

5. Птица вправо. Голова с клювом нагнута, ноги широко расставлены, хвост короткий. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,4×0,3 см. Табл. 1, 4.

6—9. То же.

10. Птица вправо. Голова круглая с острым клювом. Туловище массивное, хвост короткий. Перья переданы в виде вертикальных волнистых линий. В клюве—какой-то листовидный предмет. Над птицей стилизованное изображение рыбы, чешуя которой передана в виде «ёлочки». Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,2×0,7 см. Табл. 1, 5.

11. То же.

12. Журавль вправо с длинными ногами, длинной тонкой шеей, полукруглым хвостом, голова отбита. Над туловищем астральный знак. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 0,8×0,5 см. См. 2197/315—2, 2197/333₅—1. Табл. 1, 6. GS, 34, Q, 40, 382, B, HD1.

13. Птица (фазан ?) вправо. Оперение длинного прямого хвоста показано двумя параллельными толстыми линиями, оперение на груди—горизонтальными чертами. Голова маленькая с острым клювом. От клюва вниз тянется короткая, слегка искривленная линия (схематическое изображение змеи). Над хвостом—полумесяц рогами вверх. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. Размеры 0,7×0,5 см. Табл. 1, 7, GS, 2в, Q, 45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA 1—10.

14—15. То же.

16. Баран вправо с изогнутыми рогами, коротким хвостом. Шерсть показана кривыми линиями. На шее короткая лента. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,4×0,4 см. Табл. 1, 8, GS, 55в, Q, D 250, B, EP5, G, табл. 1, 63/19.

17—19. То же.

20. Собака или волк вправо. Туловище и шея заполнены в виде «ёлочки». Хвост приподнят и вверх, чуть изогнутый. Одна из передних лап поднята. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,8×0,8 см. Табл. 1, 9.

21. Лебедь влево, с тонкой изогнутой шеей и маленькой головой. Хвост длинный, чуть приподнят. Туловище передано горизонтальными и вертикальными чертами, крыло приподнято. Сохранность хорошая, резь-

ба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,4 см. Табл. 1, 10.

22. То же.

23. Павлин влево, с длинной шеей и маленькой головкой. Оперение пышного изогнутого хвоста показано в виде «ёлочки». Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,4×0,4 см. Табл. I, 11, B, HBI.

24. То же.

25. Трилистник с двумя нижними маленькими листьями на тонком изгибающемся стебле. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать чуть овальная, выпуклая. 0,6×0,5 см. Табл. II, 2, GS, 95в.

26—27. То же.

28. Птенец влево. Голова большая, выразительны глаза и острый короткий клюв. Оперение большого туловища показано в виде горизонтальных черточек. Ноги короткие и вогнутые. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать чуть овальная, выпуклая. 0,7×0,6 см. См. 2197/313—14. Табл. II, 13.

29. То же.

30. Фазан вправо. Оперение большого туловища передано в виде горизонтальных и вертикальных черточек. Хвост пышный и разветвленный. Голова маленькая, с большим глазом и острым клювом. Над рисунком—однострочная пехлевийская надпись: SM (аш), сокращенная формула $\text{SMSPYR} =$ «Доброе имя». Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,0×0,7 см. Табл. II, 14, GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I 45, 363, B, HAI—10, CG, 556—559, 556, 567.

31. То же.

32. Бык (?) вправо. Изображение схематичное. Над рисунком—пехлевийская однострочная надпись: $\text{gw}\text{\&#p}(s)[\text{py}] =$ Гушнасп (пмя). Сохранность плохая, резьба неглубокая, плоская. 0,9×0,5 см. Табл. II, 15.

33. Крест. Концы ограничиваются кружками. Верхняя часть отбита. По краям бордюра в виде черточек—имитация надписи. Со-

храпность хорошая, резьба глубокая. Печать прямоугольная, плоская. 1,0×0,55 см. Табл. II, 16, GS, 102, Q, D200, 226, 230, СГ, 197.

34. Гусь вправо. Перья на туловище отмечены несколькими вертикальными чертами. Хвост короткий и широкий, шея длинная, голова маленькая с острым клювом. На шее длинная лента. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,4 см. Табл. II, 17, GS, 32, В, НД5.

35. Монограмма, вокруг пехлевийская надпись: mh'n (имя?) 'rzwn, в центре—астральный знак звезды. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,7×0,7 см. Табл. II, 20, Q, D92.

36. Олень влево, с разветвленными рогами. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,2×0,6 см. Табл. II, 18.

37. Фигура человека. Верхняя часть отбита. Очень хорошо переданы складки длинной одежды в виде коротких косых черточек. Слева держит какое-то животное, справа—остатки какого-то предмета. Напоминает сцену *Даниила во рву львином*. Рисунок сохранился очень плохо, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская, 0,8×0,6 см. Табл. II, 19.

38—39. То же, сохранность плохая.

40—45. Рисунки не сохранились, оттиски в плохом состоянии.

II. Черная полусферическая булла с 20 оттисками. С двух сторон булла нитками была прикреплена к какому-то предмету. Заметны следы веревки. Размеры 5,5×5,5 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/313—1961. Табл. XVII, 1, XIX, 4.

1. Маленький крест, нижний конец—длинный. Остальные три конца равносторонние. Концы креста завершаются черточками. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,4×0,25 см. Табл. III, 21, GS, 102, Q, D200, 226, 230, СГ, 197.

2. Крест. Боковые концы короткие. На верхнем конце изображен маленький крест. Вокруг креста надпись из шести букв. Веро-

ятно, сирийского происхождения. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,8×0,6 см. Табл. III, 22, XV, 1. GS, 102, Q, D200, 226, 230, СГ, 197, L 7.4, 7.5.

3. Птица (павлин ?) вправо. Изображение на левой стороне печати. Тело представлено косыми линиями, лапы схематичны, голова маленькая, стилизованная. Печать обрамлена волнистым орнаментом. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать квадратная, плоская. 0,7×0,7 см. Табл. III, 23, XV, 2.

4. Фазан влево. Тело изображено вертикальными линиями, хвост—толстыми горизонтальными линиями. Очень выразительны голова и клюв. На шее широкая лента. Лапы кривые. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 1,1×0,8 см. Табл. III, 24, XV, 3, GS, 26, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363.

5. Волк вправо в состоянии движения. Изображение неряшливо. Подчеркнуты открытый рот, уши и спина. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,4 см. Табл. III, 25, XV, 4, Q, D67, 448, 9, табл. 34, жж-жж, L, 9, 41.

6. Горная коза вправо. Поза воинственная, готовая к бою. Голова откинута назад, острые рога кривые. Тело и ножки изображены очень выразительно. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,7×0,5 см. Табл. III, 26, GS, 52a, B, FG 9, 6, 8.

7. Орел с распушенными крыльями, голова влево. Крылья полуоткрыты, готовы к полету. Очень выразительны лапы и когти. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая 0,8×0,7 см. Табл. III, 27, GS, 35, Q, D60, I, 60.

8. Летящий амур вправо, в руке ветвь. 0,7×0,4 см. См. 2197/314—1 и 2197/315—1. Табл. IV, 37, XV, 14.

9. Стилизованное дерево—пальма. Подчеркнуты ствол и ветки в виде вертикальных линий и дуга. Внизу—растительный орнамент. Левее ствола—стреловидный знак. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать ромбовидная, выпуклая. 1,0×0,8 см. Табл. III, 28, XV, 5, GS, 93a, B, LA3.

10. Анст вправо с длинной тонкой шеей, маленькой головой, на длинных тонких погах. Хвост в виде полумесяца. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,9×0,5 см. Табл. III, 29, XV, 6. GS, 34, Q, D40, 382, B, HD1.

11. Грифон вправо, с короткой шеей и маленькой головой. Подчеркнуты короткие ноги и пышный хвост. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать чуть овальная, выпуклая. 0,85×0,7 см. Табл. III, 30, XV, 7. GS, 35.

12. Птица вправо с маленьким туловищем, перья которого обозначены рядом коротких черточек. Перья хвоста подняты вверх. Над маленькой головой изображен полумесяц концами вверх. В загнутом клюве змея в виде стрелы. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,4×0,4 см. Табл. III, 31. GS, 28, Q, D38, 51, I, 51, B, HF6.

13. Фазан вправо. Оперение длинного чуть кривого хвоста показано несколькими параллельными черточками, оперение на груди—короткими чертами в виде «ёлочки». Выразительна голова с загнутым клювом и глазом. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 1,0×7,0 см. Табл. IV, 32, XV, 8. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA 1—10, CG, 556—559, 566, 567.

14. Птенец влево. Голова большая, выразительны клюв и глаз. На туловище косыми черточками слабо переданы крылья. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать чуть овальная, выпуклая. 0,8×0,7 см. Рисунок стилистически сходится с изображением на печатях 2197/314 27 и 28. Табл. IV, 33, XV, 9.

15. Голова животного (медведь?), анфас. Выразительны глаза и уши. Морда чуть длинноватая, по обеим сторонам горизонтальные черточки. На голове орнамент, напоминающий головной убор, над ним—символ солнца. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, плоская. 1,0×9,7 см. Табл. IV, 34.

16. Пара извивающихся змей, в центре—птица вправо. Рисунок птицы передан схематично. Свободное пространство заполнено точками и растительными узорами. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,0×0,7 см. Табл. IV, 35, XV, 10. Q, D26, B, HC I.

17. То же. Изображение птицы более четкое и напоминает голубя. Сохранность хорошая. 0,9×0,8 см. Табл. IV, 36, XV, 11. Q, D26, B, HC I.

18—20. Рисунки не сохранились. Оттиски в плохом состоянии.

III. Вулла из темной глины с 12 печатями. Сохранилась 1/4 часть. На оборотной стороне буллы заметны глубокие борозды, следы лент шириной 1,5 см. Размеры 7,0×5,0 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/315—1961.

1. Лстящий амур, в руке ветвь. См. 2197/313—80, 2197/314—1.

2. Журавль вправо. См. 2197/313—10.

3. Птица влево с большим туловищем и маленькой головкой. Хвост короткий и пышный. Оперение крыла передано в виде горизонтальных толстых линий. Над спиной торчат два пера крыла. Под клювом искривленная линия (змея). Над туловищем, по краю—пехлевийская надпись: mtry=Михр (ня). Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 1,0×0,6 см. Табл. V, 38.

4. Крест, нижний конец не сохранился. Внизу, слева, маленький крестик, с трех сторон растительный орнамент в виде листьев. По краю бордюр из мелких черточек. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 1,0×0,8 см. Табл. V, 39. GS, 102, Q, D200, 226, 230, B, HA1, CG 197.

5. Фазан вправо. Оперение длинного хвоста передано в виде нескольких параллельных линий, оперение туловища—горизонтальных и вертикальных черт. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,1×0,8 см. Табл. V, 40. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA1—10.

6. Голубь (?) вправо. Верхнее оперение туловища показано схематично. От клюва вниз тянется длинная прерывистая линия (змея). Над щеей изображены луны. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,6×0,6 см. Табл. V, 41. GS 31, B, HF10.

7. Утка вправо, в движении. Оперение туловища передано в виде мелких черточек.

Одно крыло приподнято. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать квадратная, чуть выпуклая. 0,5×0,5 см. Табл. V, 42. GS, 31, Q, D370.

8. Животное (волк ?) вправо. Правая сторона печати отбита. Сохранилась часть тела, задние ноги и короткий хвост. Шерсть показана в виде волнистых линий. Под брюхом (животом) видны две головки детенышей. Сохранность удовлетворительная, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, чуть выпуклая. 0,8×0,5 см. Табл. V, 43. GS, 40, в, с, d, Q, D308, 313, I, 308, 313, B, EA1—3.

9. Антилопа (?) вправо. Черты рисунка показаны схематично. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,6×0,5 см. Табл. V, 44. GS, 52a, Q, D343, B, EP5,6.

10. Гусь вправо. Левая сторона оттиска отбита, выразительно переданы длинная шея и лапы. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,7×0,7 см. Табл. V, 45. GS, 32, B, HD5.

11—12. Рисунки не сохранились. Оттиски в плохом состоянии.

IV. Круглая булла из темной глины с 5 оттисками. С двух сторон была обшита нитками. На оборотной стороне две неглубокие борозды. Размеры 3,5×3,5 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/316—1961.

1. Птица вправо с длинной шеей и маленькой головой. Хвост короткий. Оперение туловища показано парными косыми линиями. С правой стороны монограмма. Над туловищем изображение скорпиона с загнутым хвостом и двумя лапками. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,7×0,7 см. См. 2197/333₄. Табл. V, 46.

2. Крест. Боковые концы короткие, равные. Над крестом—арка. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,9×0,6 см. Табл. V, 47, XV, 12. GS, 102, Q, D200, 226, 230, CG 197.

3. Листик винограда на коротком толстом стебле. Рисунок окаймлен кругами. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,6×0,6 см. Табл. V, 48. GS, 32, 95в, B, LA14.

4. Фазан вправо. Длинный хвост показан в виде горизонтальных линий. Верхняя часть отбита. Сохранность посредственная, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,2×0,9 см. Табл. VIII, 71. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA 1—10, CG 556—559, 566, 567.

5. Круглый оттиск. Сохранность плохая.

V. Глиняная булла, черная, лощеная, плоская. Поверхность покрыта топким черным слоем, который частично отбит. По своей внешней обработке она отличается от остальных двинских булл. На оборотной стороне буллы наблюдаются четыре отверстия, через которые проходили ленточки шириной 0,5 см. Размеры 4,0×4,0 см. Цитадель, 31 ячейка, 2,0 м. 1980/169—1954, табл. XV, 13.

1. Официальная печать с надписью. Центр 'lmpu = „Армения“, край [l]mpu gwndy ZY ktk ZY... [или ZY ktk hw [t]'yh?]= „дом армянского войска...“. Резьба глубокая. Печать круглая, плоская. 1,2×1,2 см. Табл. VI, 52.

2. Скорпион вправо. Хвост загнут справа к пинзу. Хорошо видны две передние лапы. Сохранность хорошая, резьба неглубокая.

3. Лев вправо. Изображение стилизованное. Туловище длинное, голова маленькая. За спиной изображение дерева с тремя расходящимися ветвями. Слева надпись 'p(сокращение для 'pzwt=увеличить). Сохранность хорошая, резьба неглубокая, выпуклая. 0,5×0,4 см. Табл. VI, 54. GS, 44a, B, DV3.

4. Монограмма с надписью 'pzwt. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Табл. VI, 55.

VI. Булла из темной глины с 4 оттисками. Обратная сторона в плохой сохранности. Размеры 2,8×2,5 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333₅—1961.

1. Апст вправо. См. 2197/314—12 и 2197/315—2. Табл. VII, 63.

2. Летящий амур. См. 2197/313—8, 2197/314—1, 2197/315—1. Табл. VII, 68.

3. Гопатшах (?) вправо. Рисунок стилизованный. Тело показано в виде косых черточек.

чек, голова схематичная. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, выпуклая. 0,5×0,3 см. Табл. VII, 64.

4. Оттиск. Сохранность плохая.

VII. То же. Размеры: 3,2×2,4 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333_в—1961.

1—4. Оттиски. Сохранность плохая.

VIII. Глиняная булла с тремя оттисками, кирпичного цвета. На оборотной стороне следы широкой ленты (ширина 0,6 см). Размеры: 3,3×3,0 см. Цитадель, № 19 комната, яма. 1907/161—1949.

1. Птица вправо. Над спиной торчит одно изогнутое перо, по-видимому, крыла. От клюва вниз тянется линия (змея). Над рисунком изображенне полумесяца рогами вверх. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,7×0,6 см. Табл. VI, 49, В, HF10.

2. Крест. Нижний копец длинный, остальные—равные. По краю бордюр из косых мелких черточек. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Табл. VI, 50. GS, 102, Q, D200, 226, 230, В, NAI, CG 197.

3. Мышь (?) вправо, с длинной мордочкой, большим телом и коротким хвостом. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,6×0,4 см. Табл. VI, 51. GS, 39, Q, D435, I, 435.

IX. Булла из темной глины с тремя оттисками. С двух сторон была прикреплепа нитками. На оборотной стороне имеет вогнутость. Размеры: 3,0×3,0. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/317—1961.

1. Стоящий баран вправо. Четко выражены морда с изогнутыми рогами. На шее—короткая лента. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,8×0,7 см. Табл. VIII, 72. GS, 55в, Q, D250, В, EP5, 6.

2. Птица вправо с короткой шеей и маленькой головой. Изображение схематичное. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,8×0,8 см. Табл. VIII, 73.

3. Оттиск. Сохранность плохая.

X. Булла из темной глины с тремя оттисками. Обратная сторона в плохой сохранности. Размеры: 2,3×1,8 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333_з—1961.

1. Сидящая женщина вправо. Голова—анфас, ноги стилизованные. Справа надпись. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,5 см. Табл. IX, 88. GS, 12в.

2. Пелликан вправо, с длинным клювом. Оперение туловища показано в виде черточек. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,7×0,4 см. Табл. IX, 98.

3. Птица. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,5×0,3 см. Табл. IX, 90.

XI. Булла черная с двумя оттисками. С двух сторон прикреплепа нитками, следы отсутствуют. Размеры: 3,0×2,5 см. Цитадель, кв. 3-а, г. 2,5 м. 2197/319—1961.

1. Стоящий человек, голова влево. В руках держит какие-то предметы, может быть, щит и меч (?). На голове шлем (?). Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 1,3×0,7 см. Табл. VIII, 74. GS, 12а, В, CB2.

2. Надпись; одна строка HW=аббревиатура названия города Хосров-шад Хормизд (Урук, Месопотамия). Сохранность плохая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,5 см. Табл. VIII, 75.

XII. Булла, темноватая, с двумя оттисками. Выта пришта нитками. На оборотной стороне наблюдаются ямочки. Размеры: 2,5×2,0 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/320—1961.

1. Фазан вправо. Оперение хвоста и туловища показано в виде мелких черточек. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. Размеры 0,5×0,3 см. Табл. VIII, 76. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, В, HA4.

2. Стилизованный цветок с коротким толстым стеблем. От стебля отходят четыре листа. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,5×0,3 см. Табл. VIII, 77.

XIII. Булла с двумя оттисками. Следы отсутствуют. Размеры: 3,0×3,0 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333₃—1961.

1. Птица (павлин ?) вправо с пышным хвостом. Оперение туловища и хвоста показано в виде косых параллельных черточек. Изображение схематичное, сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,9×0,7 см. Табл. VII, 61.

2. Оттиск. Сохранность плохая.

XIV. То же, на оборотной стороне наблюдается вогнутость. Размеры: 3,5×3,0 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333_с—1961.

1. Пехлевийская надпись, три строки. Верхняя сторона отбита. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,4×1,1 см. Табл. VII, 65.

2. Орел, терзающий барапа. Очень пространственный мотив в сасанидском искусстве. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать ромбовидная, плоская. 1,1×0,8 см. Табл. VII, 66. GS, 79.

XV. То же, чуть испорченная. Цитадель, двор, гл. 2,0 м. 2047/86—1957.

1. Кабан вправо. Голова опущена чуть вниз. Рыло полуоткрыто. Изображение динамичное, сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,5×0,3 см. Табл. VII, 70.

2. Оттиск. Сохранность плохая.

XVI. То же. Размеры: 3,15×2,5 см. Цитадель, двор, гл. 2,0 м. 2047/87—1957.

1—2. Оттиск. Сохранность плохая.

XVII. То же, очень слабо наблюдаются следы ткани. Размеры: 3,0×3,0. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/318—1961.

1—2. Оттиски. Сохранность плохая.

XVIII. Булла из темной глины с двумя оттисками. На оборотной стороне чуть вогнутая. Размеры: 3,5×2,5 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/329—1961.

1—2. Оттиски. Сохранность плохая.

БУЛЛЫ С ОДНИМ ОТТИСКОМ

XIX. Всадник вправо, голова в анфас, в поднятой руке—копье. Четко видны борода и остроконечный головной убор. Под копьем лежит горная коза (?). По-видимому, сцена охоты. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать круглая, плоская. 1,6×1,6 см. Цитадель, 31 ячейка, гл. 2,5 м. 1980/170—1954. Табл. VI, 56, GS, 6с.

XX. Две птицы на стилизованном, крестообразном дереве. Нижний конец тонкого стебля стреловидный, с двумя отходящими дугами. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,7×0,6 см. Цитадель, 31 ячейка, гл. 2,3 м. 1980/171—1954. Табл. VI, 57. Q, D328.

XXI. Лев вправо. Голова льва в анфас покоится на вытянутых передних лапах. Задние лапы и хвост поджаты. Пряди гривы и шерсть показаны волнистыми линиями. За спиной ствол дерева с тремя расходящимися ветвями. Над изображением пехлевийская надпись: 'pwly (имя владельца) l'styhy («справедливость»). Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 1,3×1,3 см. Цитадель, 31 ячейка, гл. 2,3 м.

1980/172—1954. Табл. VI, 58, XV, 15. GS, 43а, G, табл. 35₂₁₆, L 4.59.

XXII. Ншан. С левой стороны надпись gwšnsru (Гушнасп), с правой—надпись отбита. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, плоская. 1,9×1,9 см. Цитадель, 36 ячейка, 2-й слой, гл. 30 см. 1981/78—1955. Табл. VI, 60, XV, 16, XIX, 1. GS, 109, Q, D4, 6, 8, 16, 259, 268, I, 4, 6, 8.

XXIII. Ншан с надписью 'twr[...]ZYmgw =«огонь (храм огня)... маг. Сохранность хорошая, резьба глубокая. 1,2×1,2 см. Цитадель, кв. 1-с, гл. 1,0 м. 1981/79—1955. Табл. VI, 59, XV, 17. GS, 109, Q, D4, 6, 8, 16, 259, 268, I, 4, 6, 8, B, NSI, NI8, NJ4, 5.

XXIV. Фазан вправо. Двумя толстыми горизонтальными линиями показан длинный хвост, оперение туловища—мелкими черточками. Голова маленькая с острым клювом. Под клювом изображение полумесяца коидами вверх. Над изображением—пехлевийская надпись: 'rzwpu=религиозная формула «увеличение» («да увеличится богатство или счастье владельца»). Сохранность хорошая,

резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,1×0,9 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/321—1961. Табл. VIII, 78, XVI, 3. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HAI—10, CG 556—559, 566, 567.

XXV. Птица вправо. Круглое туловище показано в виде мелких горизонтальных и вертикальных черточек. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/222—1961. Табл. VIII, 79, XVI, 1.

XXVI. Птица вправо с коротким хвостом и маленькой головой. На спине торчат два пера. От клюва вниз тянется линия с концом в виде стрелы. Над спиной надпись. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,7×0,7 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/323—1961. Табл. VIII, 80.

XXVII. Оттиск. Сохранность плохая. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/324—1964.

XXVIII. Монограмма. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,9×0,8 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/325—1961. Табл. IX, 81.

XXIX. То же. 2197/316—1961. Табл. IX, 82.

XXX. Человек в анфас, в правой руке какой-то предмет. Изображение схематичное. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,4×0,3 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/327—1961. Табл. IX, 83.

XXXI. Два амура, обращенных друг к другу, с протянутыми руками. Сохранность плохая, резьба глубокая. Печать овальная, плоская. 1,3×1,1 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/328—1961. Табл. IX, 84, XVI, 18. Q, D 148, I, 148.

XXXII. Волк (?) вправо, с длинным телом, который показан вертикальными черточками. Под телом—детеныш. Над изображе-

нием полумесяц концами вверх. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/330—1961. Табл. IX, 85, XV, 19. GS, 40в, с, d, Q, D308, 313, I, 308, 313, L 6. 54.

XXXIII. Оттиск. Сохранность плохая. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/331—1961.

XXXIV. Скорпион, с четырьмя лапками и маленькой головой. Тело показано вертикальными и горизонтальными черточками. Длинный хвост кончается «елочкой». Под хвостом изображение полумесяца, концами вниз. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,0×0,7 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/332—1961. Табл. IX, 86. GS, 20, B, KA1—9.

XXXV. Птица вправо. Оперение большого туловища показано в виде «елочки». Голова опущена вниз. Сохранность плохая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,8×0,6 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333₁—1961. Табл. IX, 87.

XXXVI. Птица вправо. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333₄. Табл. VII, 62. См. 2197/316—1.

XXXVII. Крылатый конь вправо с высоко поднятой головой. Оперение крыла показано в виде «елочки». На голове—лента. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,6×0,5 см. Цитадель, кв. 3-а, гл. 2,5 м. 2197/333₇—1961. Табл. VII, 67. GS, 48а, Q, D227—229, 231, I, 227—229, 231, B, EDI.

XXXVIII. Человеческая фигура в анфас, стилизованная. Тело обозначено ровной толстой линией. Голова выразительна, четко выделяются глаза. На голове—трезубый головной убор. Руки вытянуты вверх. Справа под рукой заметен какой-то предмет. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская, 0,8×0,6 см. Без номера. По-видимому, была отбита от большой буллы. Табл. VII, 69.

АРАБСКИЕ ВУЛЛЫ

XXXIX. Глиняная полусферическая булла черная, лощеная, с 21 оттисками. Была прикреплена ленточкой (ширина 0,7 см) к какому-то предмету. Следы наблюдаются на оборотной стороне. IX в. Размеры: 4,5×4,5 см.

Центральный квартал, кв. d—18, яма. 2588/185—1972. Табл. XV, 4, XVII, 2, XIX, 6.

1. Арабская надпись («Зло, да не руководит тобой»), одна строка. Сохранность

хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 1,1×0,6 см. Табл. X, 91.

2. Арабская надпись («...Наджия»—имя редкое, встречается у Табари), две строки. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,9×0,6 см. Табл. X, 92, XVI, 2.

3. Арабская надпись («Наим»—«счастливей»), одна строка. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,9×0,75 см. См. 2588/186—1. Табл. X, 93.

4. Фазан вправо, с длинным хвостом в виде двух горизонтальных линий. Оперенне туловища показано тонкими вертикальными черточками. Перед головой—астральный знак. От клюва вниз тянется длинная, слегка искривленная линия (змея). Над рисунком арабская надпись («баракят»—благословение), одна строка. Сохранность хорошая, резьба глубокая, печать овальная, выпуклая. 0,9×0,7 см. Табл. X, 94. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA1—10.

5. Арабская надпись («Во имя Аллаха»?), две строки. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,5 см. Табл. X, 95.

6. Арабская надпись, неразборчива, одна строка. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 1,0×1,0 см. Табл. X, 96.

7. Арабская надпись («Во имя Аллаха...»), две строки. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,5 см. Табл. X, 97.

8. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,9×0,6 см. Табл. X, 98.

9. Арабская надпись («Зирбад»?—имя), две строки. В каждой строке две идентичные надписи. Оттиск слева отбит. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 1,0×0,6 см. Табл. X, 99.

10. Арабская надпись, неразборчива, три строки. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,6×0,5 см. Табл. X, 100.

11. Фазан вправо. Оперенне хвоста и крыльев показано в виде горизонтальных черточек. Крылья приподняты. От клюва вниз тянется слегка изогнутая линия (змея). Над рисунком одностроочная арабская надпись. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,9×0,7 см. Табл. X, 101. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA1—10.

12. Птица (фазан) вправо. Пышный длинный хвост передан в виде нескольких параллельных линий, оперенне туловища передано мелкими черточками, голова малейкая. От клюва вниз тянется изогнутая длинная линия (змея). Надпись арабская (сохранность плохая): две строки над рисунком, одна—под рисунком. Общая сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,25×0,8 см. Табл. XI, 102. GS, 2в, Q, D45, 46, 68, 363, I, 45, 363, B, HA1—10.

13. Горлица вправо. Оперенне туловища передано мелкими черточками. Над туловищем одностроочная арабская надпись. Оттиск с левой стороны отбит. Сохранность плохая, резьба не глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,0×0,9 см. Табл. XI, 103.

14. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,6 см. Табл. XI, 104.

15. Арабская надпись, неразборчива, одна строка. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,8×0,8 см. Табл. XI, 105.

16. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,6 см. Табл. XI, 106.

17. Оттиск, изображение и надпись не сохранились. Печать овальная, выпуклая. 1,4×1,0 см.

18. То же, 0,6×0,4 см.

19. Арабская надпись, две строки. Сохранность очень плохая. Печать овальная, плоская, 0,8×0,6 см.

20. Оттиск. Изображение и надпись не сохранились. Печать квадратная. 0,5×0,5 см.

21. Арабская надпись, две строки. Сохранность очень плохая. Печать прямоугольная. 0,7×0,5 см.

XI. Булла из темной глины, полурешенная, с 10 оттисками. На оборотной стороне четко заметны следы лент и ткани. IX в. Размеры: 3,5×4,2 см. Центральный квартал, кв. d—18, яма, 2588/186—1972. Табл. XIX, 3.

1. Арабская надпись («Наим»—счастливый), одна строка. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,9×0,75 см. См. 2588/185—3. Табл. XII, 116.

2. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Над надписью—изображение солнца, под ней—изображение луны. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,9×0,6 см. Табл. XII, 117.

3. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см. Табл. XII, 118.

4. Лев вправо. Рисунок стилизованный. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Голова гордо приподнята, чуть раскрыта пасть. По краю бордюр в виде косых черточек. Печать овальная, выпуклая. 0,9×0,7 см. Табл. XII, 119. GS, 44a, B, ДС6, ДЕ5.

5. Арабская надпись, неразборчива, одна строка, с изображением солнца и луны. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,2×1,0 см. Табл. XII, 120.

6. Арабская надпись, неразборчива, две строки. Под надписью—полумесяц рогами вниз. Сохранность посредственная, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,7×0,7 см. Табл. XII, 121.

7. Птица (ант) вправо. Изображение сохранилось очень плохо, резьба неглубокая. Печать круглая, выпуклая. 0,9×0,9 см.

8. Арабская надпись, одна строка. Сохранность очень плохая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,5 см.

9. То же. 0,8×0,5 см.

10. Оттиск. Сохранность очень плохая.

XI Глиняная полусферическая булла, черная, лошенная, с 9 оттисками. На оборотной стороне булла в нескольких местах продырявлена для ленточки, с помощью которой была прикреплена к какому-то предмету. IX в. Размеры: 4,0×4,0 см. Центральный квартал, d—18, яма, 2588/187—1972. Табл. XVI, 5, 6.

1. Крест с нижним длинным концом. Рисунок передан мелкими кружочками. С правой стороны, по-видимому, фрагменты надписи. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,1×1,0 см. Табл. XI, 107. GS, 102, Q, Д200, 226, 230, B, NA—1, СГ, 197.

2. Утка вправо. Оперение туловища передано мелкими вертикальными черточками. Хвост короткий, голова маленькая, клюв широкий. Над спиной торчат два пера. От клюва вниз тянется короткая, чуть изогнутая линия. По краю бордюр из мелких черточек. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,75×0,5 см. Табл. XI, 108. GS, 31, Q, Д22, 43, 71, 73, 362, I, 43, 73, 362.

3. Арабская надпись, неразборчива, одна строка. Сохранность хорошая, резьба неглубокая. Печать овальная, выпуклая. 0,8×0,5 см. Табл. XI, 109.

4. Арабская надпись (Аллах?), одна строка. С правой стороны маленький крест. По краю бордюр в виде шнура (косые нарезы). Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, чуть выпуклая. 1,4×1,0 см. Табл. XI, 110.

5. Павлин вправо. Оперение пышного хвоста и крыла показано в виде «елочки». Шея высокая. На голове хохолок. Лапки вытянуты вперед, четко выражены когти. По краю бордюр из точек. Сохранность хорошая, резьба глубокая. Печать овальная, выпуклая. 1,2×0,9 см. Табл. XI, 111.

6. Лежащий гопатпах вправо, в тиаре, из-под которой виден узел волос на затылке. Большая голова с остроконечной бородой. Над рисунком фрагмент надписи. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать круглая, плоская. 0,7×0,7 см. Табл. XI, 112. GS, 66a, B, Q, Д184, B, ЕН1.

7. Растение с шестью остроконечными листьями. Короткий стебель кончается тремя

кружочками. По краю бордюра из точек. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать прямоугольная, плоская. 0,7×0,4 см. Табл. XII, 113. GS, 95в, В, LB2.

8. Растение с шестью листьями на коротком толстом стебле. Под стеблем—широ-

кая горизонтальная черта. Сохранность плохая, резьба неглубокая. Печать овальная, плоская. 0,8×0,5 см. Табл. XII, 114, В, LB2.

9. Надпись неразборчива, одна строка. Сохранность очень плохая. Печать овальная, выпуклая. 1,0×0,7 см. Табл. XII, 115.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ИФЖ—Историко-филологический журнал

АО—Археологические открытия

ВДИ—Вестник древней истории

ВИ—Вопросы истории

ГЭ—Государственный Эрмитаж

КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

ЛГУ—Ленинградский государственный университет

МКА—Материальная культура Азербайджана

СА—Советская археология

САГУ—Среднеазиатский государственный университет

ТОВЭ—Труды отдела Востока Эрмитажа

ЭВ—Эпиграфика Востока

ВММ—Bulletin of the Metropolitan Museum

SPA—A Survey of Persian Art

ԴՎԻՆԻ ՎԱՂՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԿՆՔԱԴՐՈՇՄՆԵՐԸ

Դվինը միջնադարյան Հայաստանի խոշորագույն առևտրաարհեստավորական, մշակութային և վարչական կենտրոններից էր: Հիմնադրվելով IV—V դդ., այն դառնում է մարզպանական Հայաստանի կենտրոնը և միանգամից ընդգրկվում ժամանակի տնտեսական, քաղաքական ու մշակութային ոլորտի մեջ: Դվինում մեծ զարգացում ապրեցին տարրեր արհեստները, առևտուրը, շինարարական գործը և այլն: Այդ են վկայում պեղումներից հայտնաբերված բազմաթիվ իրերը և առարկաները, բացված ճարտարապետական հուշարձանները: Դվինի արհեստների և արտադրանքի վերաբերյալ գրավոր վկայություններ են պահպանվել հայ և օտար պատմիչների մոտ:

III—VII դդ. Անդրկովկասը տնտեսական, քաղաքական և մշակութային որոշակի կապերի մեջ էր Սասանյան Իրանի հետ: Հայաստանում այդ կապերը հանդես էին գալիս տարբեր երանգավորումներով, պահպանելով ազգային ավանդույթները:

Իրանի հետ փոխադարձ կապերը նկատելի են հատկապես սասանյան պաշտոնական հագուստի օգտագործման մեջ (տե՛ս Վասակ Սյունեցու և Սմբատ մարզպանի հագուստների նրկարագրությունը Նղիշեի և Սեբեոսի մոտ), մի քանի պաշտոնական սիմվոլներում, զարդարվածությունում, քանդակագործության (Պտղնիի եկեղեցու քանդակները) և զինարվեստի մեջ:

Չնայած Հայաստանը հնուց ի վեր ուներ կնքաքարերի պատրաստման որոշակի ավանդույթներ, այնուամենայնիվ վաղ միջնադարում սասանյան արվեստը իր հետքն է թողել այդ բնագավառում, առավելապես դա նկատելի է պատկերագրության մեջ: Հայաստանում, և մասնավորապես Դվինում, կնքաքարերի գյուտերը բավականին շատ են և դրանց արտադրությունը, հավանաբար, գտնվում էր պետության հսկողության ներքո, քանի որ կնքաքարերով մատանի կրելու իրավունքը վերապահված էր սահմանա-

փակ թվով անձնավորությունների, այդ թվում պաշտոնական անձանց:

Տնտեսական, քաղաքական և հասարակական բնագավառներում սասանյանների ազդեցության մասին են վկայում նաև կավե կնքադրոշմները, որոնք տարրեր գործարքների և փաստաթղթերի հաստատման գրավականներն էին: Դվինում գտնվել է 41 կնքադրոշմ, որոնցից 37-ը սասանյան ժամանակաշրջանի են և թվագրվում են VI—VII դդ.: Երեք կնքադրոշմ արաբական շրջանի են (IX դ.) և հանդիպում են առաջին անգամ: Կնիքների վրա մեծ տեղ են գրավում տարբեր կենդանիների, թռչունների պատկերները, բուսական զարդամոտիվը, նշանները, խաչերը, որոնք, անշուշտ, կապված են պաշտամունքի հետ: Դրանց մի մասը կրում է արձանագրություններ:

Կնքադրոշմները կնիքներով կնքված կավե փոքրիկ կիսագնդեր են կամ տափակ, կլոր զանգվածներ, պատրաստված հատուկ կավից, որոնք ունեն ճկունության բարձր հատկություն և շարանալուց հետո խիստ պնդանում են: Կնքադրոշմներով կնքվել են դոներ, անոթներ, վավերացվել են տարբեր բնույթի փաստաթղթեր՝ երկրի արտաքին ու ներքին հարաբերությունների հետ կապված պետական կարևոր որոշումներ, առևտրական հարաբերությունների, ինչպես նաև անհատական բնույթ կրող արտոնագրեր, անձնական նամակներ, ուղերձեր և այլն:

Կնքադրոշմների գյուտերը միջնադարյան Արևելքի տարբեր հուշարձաններում ցույց են տալիս դրանց տարածման բավականին լայն արեալը՝ Սասանյան Իրանը և նրա ենթակայության տակ գտնվող երկրները:

Աշխարհի տարրեր թանգարաններում պահպանվում են պատահական և պեղումներից հայտնաբերված սասանյան հազարավոր կնքադրոշմներ: Ամենամեծ ժողովածուն (մոտ 500 կնքադրոշմ) գտնվել է 1934 թ. Պարսկաստանում, Շիրազից ոչ հեռու գտնվող Քասր-ի Աբու Նասր

րնակավայրի միջնաբերդի VI—VII դդ. շերտերում: Շուրջ երկու հարյուր կնքադրոշմ է դտնվել Հյուսիսային Պարսկաստանում, Թախտ-ի Սուլեյման տաճարի պեղումների ժամանակ: Կնքադրոշմների մի փոքրիկ ժողովածու հայտնի է Նեհավենդից (Պարսկաստան), հետախուզական պեղումների ժամանակ:

Սովետական Միությունում սասանյան առաջին կնքադրոշմները դտնվել են միջինասիական հուշարձաններում (1933 թ. Սամարղանդ, հրատարակված չեն, Թեհլի-կալա, Ակ-Դեփե, Աշխարադ):

Անդրկովկասում ընդհանրապես սասանյան շրջանի կնքադրոշմներ քիչ են հայտնի, չնայած այն բանին, որ կնիքների գյուտերը բավականին հաճախ են: 1949 թ. տասներկու կնիքով մեկ կնքադրոշմ է դտնվել Մինգեշաուրի V—VIII դդ. շերտերում: Երկու կնքադրոշմ գտնվել է Ուրբնիսիում (Վրաստան), որոնցից մեկը սասանյան է:

Հայ միջնադարյան պատմիչների մոտ բազմաթիվ վկայություններ են պահպանվել երկրի ներքին և արտաքին հարաբերությունների հետ կապված տարրեր փաստաթղթերի վավերացման, նվիրատվական և այլ բնույթի գործարքների կապակցությամբ կնիքների խաղացած դերի մասին:

Կնիքն առաջին հերթին ուժի, իշխանության և իրավունքի խորհրդանիշ է: Կնիքով որոշվել է նրա տիրոջ զբաղեցրած սոցիալական դիրքը և դրադմունքը հասարակության մեջ: Պարսկական և արաբական աղբյուրներում բազմիցս հիշատակություններ կան, որ սասանյան արքունիքում քաղաքացիական, հոգևորական և զինվորական մեծապաշտոն անձնավորություններին նշանակումից առաջ տրվում էին զգեստներ, գլխազարդ, գոտի և կնքաքարով մատանի:

Հայկական աղբյուրներում հիշատակություններ կան պահպանված այն մասին, թե ովքեր են մասնակցել պաշտոնական փաստաթղթերի վավերացմանը: Բոլոր պատմիչները նշում են, որ կնիք կրելու իրավունք ունեին առավելապես բարձրաստիճան անձինք՝ թագավորը, նախարարները և հոգևորականության վերնախավը:

Հայ և օտար միջնադարյան մատենագրության մեջ խիստ ուշագրավ վկայություններ են պահպանվել նաև կնիք-մատանիների ձևերի վերաբերյալ իրավական տեսանկյունից: Պատմիչների մոտ առանձնակի հիշատակված են թագավորական կնիքները: Դրանք բոլորն էլ հանդես են գալիս առաջին հերթին «վարազագիր մատանեա» ձևով: Հավանաբար, վարազի պատկերով մատանիները սասանյան և հայ թագավորների

պաշտոնական կնիքներից մեկն էին: Հիշատակվում են նաև «արքունական», «սովորական» մատանիները, որոնք հավանաբար անձնական կնիքներ էին: Նախարարական տները պետական նշանակություն ունեցող փաստաթղթերի վավերացման ժամանակ օգտագործում էին պաշտոնական կնիքներ: Այս մատանիները կոչվել են «տէրունական»: Անձնական «սովորական» մատանիները օգտագործվել են նախարարության սահմաններում ներքին նշանակության փաստաթղթերի վավերացման ժամանակ: Եվ, վերջապես, այն նախարարները, որոնք մասնակցել են երկրի կառավարմանը և ունեցել են պաշտոններ, նույնպես կրել են իշխանությունը խորհրդանշող կնիքներ: Դրանց թվում կարող էր լինել մարզպանը, հազարապետը, ավելի վաղ՝ մարզպետը, թագադիր ասպետը և այլն:

Նույն երևույթը նկատվում է նաև եկեղեցական հիերարխիայում: Այստեղ ևս մենք ունենք «սովորական», «տիրական», «հայրապետական», «վավերական» մատանիներ, որոնք դասդասվում են իրենց նշանակությամբ:

Կնիքների և, մասնավորապես, կնքադրոշմների վերաբերյալ հետաքրքիր վկայություններ կան պարսկական և արաբական գրավոր հուշարձաններում, որոնց քննարկումը խիստ անհրաժեշտ է վաղ միջնադարում տարրեր փաստաթղթերի վավերացման հարցերը լուսաբանելու համար: Այս տեսանկյունից խիստ արժեքավոր են «Սասանյան դատաստանագրքի» առանձին հոդվածները, որոնք ժամանակակից են քննարկվող երևույթներին: Այսպես, հոդվածներից մեկում ասված է, որ «Ֆինանսական շինովիկների (hamarkar) և մոզպետների (magypat) գործնական (պաշտոնական) կնիքները առաջին անգամ մտցվել են (օգտագործվել) Պերոզի որդի Կավադ արքայի հրամանով, իսկ դատավորների (dātaβar) գործնական կնիքները՝ Կավատի որդի Խոսրով արքայի հրամանով»:

Արաբ պատմիչները բավականին տպավորիչ են արտահայտվում այն մասին, թե սասանյան արքունիքում ինչպես էին քննարկվում պետական նշանակություն ունեցող գործերը և այդ գործում ինչ դեր էր խաղում պետական կնիքը: Ալ-Բալաձորին նշում է, որ արքաներն ունեին հատուկ կնիքներ փոստի, հողերի նվիրատվության, գաղտնի գրասենյակի և այլնի համար:

X դ. արաբ պատմիչ ալ-Ջախշիյարին ներկայացնում է սասանյան դինաստիայի հիմնադիր Արտաշիր I-ի շորս կնիքները, որոնք օգտագործվել են զինվորական հրամանների համար «տոո-

կունութուն» մակագրութեամբ, հարկերի, ֆինանսների և շինարարութեան գծով՝ «Հաստատում» մակագրութեամբ, փոստի՝ «աճապարանք» և դատական գործերի համար՝ «արդարութուն» մակագրութուններով: Այս առումով շատ բնորոշ է ալ-Մասուդիի վկայութունը Վահրամ V-ի մեկ, խոսքով Անուշիրվանի շորս և խոսքով Փարվեզի ինը կնիքների վերաբերյալ: Խոսքով Փարվեզի կնիքների առատութունը բացատրված էր դրանց կատարած տարբեր դերերով: Այսպես, հեծյալի պատկերով կնիքը ուղեկցվում է «աճապարանք» մակագրութեամբ, արծվի պատկերով կնիքներով վավերացվում են նահանգներին ուղղված նամակները, վարազագիր կնիքով կնքվում էին մահվան դատապարտվածների վճիռները և այլն:

Սասանյան կնիքների և կնքադրոշմների վրա հաճախ են «արդարութուն» մակագրութեամբ օրինակներ: Ուսումնասիրողների մեծ մասը հակված են դրանք դիտելու որպես դատական կնիքներ, որոնք կրում էին դատավորները:

Կնքադրոշմների կիրառական նշանակության հետ կապված տարբեր հարցերի ուսումնասիրության համար շատ կարևոր դեր կարող է խաղալ դրանց արտաքին տվյալների մանրամասն նրկարագիրը: Այդ հարցերը բազմաթիվ են. թվագրութուն, կնիքների ձևեր, կնքվող առարկայի արտաքին հատկանիշների վերհանում, դրոշմների տեղական և ոչ տեղական բնույթը և այլն:

Դվինի կավե կնքադրոշմները գերազանցապես կլոր են, 1,5—9,0 սմ տրամագծով, հանդիպում են նաև քառակուսի, ուղղանկյուն և տեղեկնքադրոշմներ, որոնք ունեն մեկական դրոշմ և մեծ մասամբ դրանց ձևերը կապված են հավող առարկայի բնութից և արտաքին տվյալներից: Բոլոր կնքադրոշմներն ունեն սեղմված անցքեր թելերով ամրացնելու համար: Խնդրո առարկա կնքադրոշմների հակառակ երեսներն ունեն հարթ մակերեսներ, որոնց վրա արտատպված են սեղմվող առարկայի նյութի արտաքին նշանները: Պետք է ասել, որ մեր օրինակներից մի քանիսի վրա հստակ դիտվում են կտորի կամ գործվածքի և կաշվի հետքերը:

Կնքադրոշմների արտաքին նշանների քննութունը ուշագրավ է նրանց կիրառական նշանակութունը պարզելու առումով: Բազմաթիվ կնիքներով կնքադրոշմներն իրենց վրա կրում են միայն փոկերի, պարանների և գործվածքների հետքեր: Տվյալ դեպքում դա կարելի է բացատրել նրանով, որ դրանք ամրացվել են ոչ թե փաստաթղթերի, այլ ծավալային տեսակետից ավելի մեծ առարկաների, որոնք լրացուցիչ ամրացված

են եղել փոկերով և պարաններով: Գործվածքի հետքերը դրոշմների վրա ցույց են տալիս, որ դրանցով կնքվել են պարկեր կամ հակեր: Վերջինս տարածված երևույթ էր հատկապես սասանյանների օրոք, հանդիպում էր նաև հետագայում՝ առևտրական գործարքների ժամանակ: Գոգավոր մակերեսով կնքադրոշմները միայն մեկ կամ երկու կնիքով են հանդես գալիս: Կարելի է ենթադրել, որ դրանք ամրացված են եղել կոր մակերես ունեցող առարկաների, տվյալ դեպքում դա կարող էր լինել ոլորված մագաղաթը: Մյուս կնքադրոշմները, որոնք ունեն հարթ մակերեսներ առանց հետքի, ըստ երևույթին թելերով ամրացվել են համապատասխան փաստաթղթերին:

Կնքադրոշմների վրա եղած դրոշմներով հրնարավոր է որոշել կնքաքարերի ձևերը, որոնք շատ կարևոր են թվագրության և տվյալ ժամանակաշրջանում օգտագործվող կնիքների և մատանիների առանձին ձևերի ուսումնասիրության առումով: Դվինում հայտնաբերվել են ընդամենը 41 կնքադրոշմներ, որոնք կնքված են 178 կնիքներով: Այդ կնիքներից 138-ը ուշ սասանյան շրջանի են, իսկ 40-ը՝ վաղ արաբական: Կնիքների վիճակագրական մանրագնին քննութունը ձևերի տեսակետից տալիս է հետևյալ պատկերը.

Սասանյան. ձվաձև ուռուցիկ—39 հատ, ուղղանկյուն—38 հատ, շրջանաձև—34 հատ, ձվաձև հարթ—11 հատ, քառակուսի—4 հատ, շեղանկյուն—2 հատ:

Արաբական. ձվաձև ուռուցիկ—19 հատ, ձվաձև հարթ—8 հատ, շրջանաձև—6 հատ, ուղղանկյուն—5 հատ, քառակուսի—2 հատ:

Ինչպես նկատում ենք, սասանյան և վաղ արաբական կնիքների մեջ գերակշռութուն են կազմում ձվաձև ուղղանկյուն և շրջանաձև կնիքները: Չվաձև կնիքները արաբական շրջանում մյուսների համեմատ գերակշռութուն են կազմում: Հարթ մակերեսներով սասանյան դրոշմները արված են կիսաշրջանաձև քարե կնիքներով, որոնք լայն տարածում ունեին այդ շրջանում, իսկ հետագա դարաշրջաններում իսպառ դուրս են գալիս գործածութունից, փոխարինվելով ավելի բարդ ձևերով: Քառակուսի, շեղանկյուն կնիքները սասանյան շրջանում շատ քիչ են հանդիպում:

Դվինի պեղումներից հայտնաբերված տարբեր կնքադրոշմների վրա հանդիպում են միևնույն կնիքների կրկնութուններ: Այս հետաքրքիր երևույթը բնորոշ է ոչ միայն Դվինին: Վ. Լուկոնինը նշում է, որ տարբեր վայրերից հայտնաբերված սասանյան կնքադրոշմների վրա հաճախ հան-

դիպում են միևնույն կնիքների արտատպութունները, միևնույն անձանց անուններով. կան դեպքեր, երբ նույն դրոշմը կրկնվում է 2—3 անգամ. կնքադրոշմների վրա միևնույն կնիքների կրկնութունը հայտնի է նաև ավելի վաղ նյութերում. նույն պատկերը դիտվում է նաև Քասր-ի Աբու Նասրից և Քախտ-ի Սուլեյմանից գտնված որոշ օրինակների վրա:

Բոլոր ուսումնասիրողները ճիշտ նկատել են, որ այս երևույթը կարևոր նշանակություն ունի կնիքների ժամանակը որոշելու համար: Սակայն պետք է նշել, որ տարրեր ուսումնասիրողներ տարրեր ձևով են բացատրում կնիքների կրկնութունները: Օրինակ, Պ. Հարպերը միևնույն կնիքի կրկնութունը նույն կնքադրոշմի վրա պատճառաբանում է առաջին անգամ սեղմելու հետևանքով պատկերի վատ վերարտադրությունով: Այս երեւույթին բոլորովին այլ մոտեցում է ցուցաբերում Վ. Լուկոնինը: Նա գտնում է, որ այն կնքադրոշմները, որոնց վրա կրկնվում են միևնույն կնիքները, դրանք առևտրական գործարքների հետ են կապված: Կնքադրոշմների վրա երկու և ավելի միևնույն կնիքների առկայությունը ցույց է տալիս, որ գործարքին մասնակցող անձնավորությունների մի մասը, տվյալ դեպքում արհեստավորը կամ առևտրականը այդ հակում կամ պարկում ուներ մի քանի բաժին՝ նյութական և քանակական առումով: Հետաքրքիր է նշել, որ Դվինի ամենամեծ կնքադրոշմի վրա, ուր հանդիպում են այդքան շատ կրկնություններ, դրոշմների մի խումբ վերցված է ասեղներով ծածկված կլոր շրջագծի մեջ, ուր փոքր շրջագծով առանձնանում է նաև մեկ խաչապատկեր կնիք: Ըստ երեւույթին, սա ևս կապված է առևտրական կամ նման բնույթի ինչ-որ գործարքի հետ: Դա միայն կարելի է բացատրել նրանով, որ տվյալ կնիքները կրող անձնավորությունները դուրս են դալիս գործարքից կամ ինչ-որ առավելություններ ունեն, հակառակ դեպքում չէր ընդգծվի նրանց մասնակցության փաստը վավերացման գործում:

Սասանյան կնքադրոշմներին նվիրված ոչ ծավալուն գրականության մեջ կան տարրեր կարծիքներ դրանց կիրառության վերաբերյալ: Ռ. Գյոբլը, քննարկելով Քախտ-ի Սուլեյմանից գտնված կնքադրոշմները, այն միտքն է հայտնում, որ դրանք կախված են եղել փաստաթղթերից, այսինքն՝ կնքադրոշմներով վավերացված են տարբեր նշանակության փաստաթղթեր, որոնց մեծ մասը տեղական շեն: Գյոբլը նշում է, որ փաստաթղթերի կարևորությունը բխում է վավերացմանը մասնակցող անձնավորությունների քա-

նակից: Ռ. Ֆրայը ջատագովն է այն տեսակետի, ըստ որի կնքադրոշմները հիմնականում օգտագործվել են առևտրական գործարքների ժամանակ, այսինքն՝ դրանցով կնքվել են այն ապրանքները, որոնք անցնում էին միջազգային տարանցիկ առևտրով: Այդ շրջանում տարանցիկ առևտուրը կատարվում էր պետական հովանավորության տակ գտնվող «առևտրական ընկերություններին» միջոցով: Այս թեզը հիմնականում պաշտպանում է նաև Պ. Հարպերը: Ռ. Ֆրայը իր տեսակետը շատ հիմնավոր ապացուցում է ինչպես գրավոր վկայություններով, որոնք պահպանվել են սասանյան և հետսասանյան ժամանակաշրջանների առևտրական հարաբերությունների վերաբերյալ, այնպես և բուն կնքադրոշմների արտաքին ֆիզիկական նկարագրով:

Վ. Լուկոնինը ավելի ճիշտ մոտենալով հարցի էությունը, իր բազմաթիվ աշխատանքներում՝ նվիրված սասանյան կնքագիտությանը և Իրանի սոցիալ-տնտեսական հարցերին, այդ փաստաթղթերը, որոնց վրա ամրացված են եղել կնքադրոշմները, համարում է իրավական: Նա իր թեզը հաստատում է գերազանցապես իրավական աղբյուրների տվյալներով, առաջին հերթին՝ սասանյան դատաստանագրքի և ասորական օրենսգրքի, և լայնորեն օգտագործում է նաև կնիքների վրա հանդիպող արձանագրությունները ու պատկերագրությունը: Վ. Լուկոնինի տեսակետը չի բացառում կնքադրոշմների կիրառությունը առևտրական գործարքներում: Ընդհակառակը, նա գտնում է, որ մեծ կնքադրոշմներով կնքվել են առևտրական հակեր, որոնց իրացումից հետո դրանք պահվել են արխիվներում, գործընկերների փայտաիրական իրավունքների անձեռնմխելիությունն ապահովելու նպատակով:

Դվինի արշավախմբի պետ Կ. Ղաֆադարյանն իր մի շարք հոդվածներում անդրադարձել է կնքադրոշմների կիրառության հարցերին և հայտնել տարբեր կարծիքներ: Սակայն հիմնական տեսակետը, որ նա հայտնել է իր վերջին հոդվածներից մեկում, կապվում է Դվինի պետական դիվանի և «Գիրք թղթոց»-ում բերված փաստաթղթերի հետ, որոնք կնքված են եղել երկրի աշխարհիկ և հոգեվոր խոշոր գործիչների ու անձնավորությունների կողմից: Կ. Ղաֆադարյանը շատ ճիշտ կռահել է, որ կնքադրոշմների բազմաթիվ գյուտերը Դվինում խոսում են այն մասին, որ այնտեղ պետք է լիներ մի վայր, կենտրոն կամ արխիվ, ուր կենտրոնացվեր երկրի գրագրությունը:

Այս առումով հիշատակության է արժանի Սեբեոսի վկայությունը Սյունյաց աշխարհի դի-

վանը Դվինից Փայտակարան տեղափոխելու մասին:

Ստ. Մալխասյանը Սեբեոսի վկայության կապակցությամբ շատ դիպուկ նկատում է, որ այստեղ խոսքը գնում է Սյունյաց հարկային դիվանի մասին, քանի որ Փայտակարան քաղաքը մտնում է Ատրպատականի աշխարհամարի մեջ: Սեբեոսի վկայությունը մտածել է տալիս, որ Դվինի կենտրոնական դիվանում պահվել են տարբեր տիպի փաստաթղթեր, որոնց թվում եղել են նաև պարտավորագրեր, մուրհակներ, հարկերի հավաքման և վճարման արտոնագրեր:

Սասանյան Իրանի հարկային քաղաքականության վերաբերյալ հետաքրքիր վկայություններ են պահպանվել աղբյուրներում: Իրանում հարկերի հավաքման պետական իրավունքը տրվում էր մասնավոր անձի, որը պարտավորվում էր վրձարել պահանջվող գումարը: Իրանի այս քաղաքականության վերաբերյալ ցայտուն վկայություն է Շապուհ II արքայի բռնած դիրքը պարսկական հպատակության ներքո գտնվող քրիստոնյաների նկատմամբ: Աղբյուրները նշում են, որ Շապուհ II-ը քրիստոնյաներից պահանջում է վճարել հարկը կրկնակի չափով:

Իրանի այս հարկային քաղաքականությունը կիրառվում էր նաև Հայաստանում: Այդ մասին վկայում է V դ. պատմիչ Նղիշեն, պարսիկների կողմից երկրում անցկացրած աշխարհագրի կապակցությամբ:

Խոսքով I Անուշիրվանի ներքին ուժեղացումը, որոնք վերաբերում էին նաև հարկային քաղաքականությանը, իր մեջ ընդգրկում էին նաև Հայաստանը, առավելապես VI դ. երկրորդ կեսում, երբ Վարդան (կրտսեր) Մամիկոնյանի ապստամբությունից հետո երկիրը փաստորեն որոշ ժամանակ ընկավ սասանյանների գերիշխանության ներքո: Սեբեոսն ուղղակի հիշատակում է հարկային գործով զբաղվող պաշտոնյաների, որոնք նշանակված էին Խոսրովի կողմից: Դրանք կոչվում էին «համարակարներ», զուտ պահլավերեն մի բառ, որը նշանակում է «հաշվարար», «հաշվակալ», այսինքն՝ պետության ելամուտքի զբլխավոր պաշտոնյա: Սեբեոսի վկայությունը «համարակարների» մասին առավել հաստատուն հիմքերի վրա է դրվում, երբ այն համեմատում ենք սասանյան դատաստանագրքի համապատասխան հոդվածների հետ (A—28, 3—5, 93, 4—9 և այլն):

Դվինը Հայաստանի այն քաղաքներից էր, ուր կենտրոնացվում էին հավաքված տուրքերը, հարկերը և հասույթները: Գուցե դրան

պետք է վերագրել այն հիշատակությունը, որը դարձյալ վերաբերում է Վարդանի 571—572 թվականների ապստամբությանը, երբ «զեկեղեցի սրբոյն Գրիգորի, որ շինեալ էր մերձ ի քաղաքան, էին առաբեալ համբարանոցս Պարսիկքն, հարին հուր և այրեցին. վասն որոյ եղև նոցա խոտվութիւն մեծ»: Եվ պատահական չէ, որ Վարդանն ու իր համախոհները «առին զաւար բաղում և գնացին ի ծառայութիւն Յունացա»:

Այս բոլոր իրադարձությունները և աղբյուրները վերաբերում են պատմական նույն շրջանին, որն առնչվում էր ինչ-որ ձևով կնքադրոշմների գյուտերի հետ՝ ժամանակագրական առումով: Ինչու՞ չմտածել, որ Դվինում գտնված կնքադրոշմների մի մասը ուղղակիորեն չեն առնչվում հարկային գործի հետ: Դժվար է դրոշմներով որոշել դրանց պատկանելության հարցը, սակայն դատաստանագրքի այն հոդվածը, որը խոսում է համարակարներին պաշտոնական կնիքներ տալու մասին, ինչ-որ ձևով կարող է կապակցվել կնքադրոշմների որոշ խմբի հետ:

Դվինի սասանյան կնքադրոշմների համեմատությունը Քասր-ի Աբու Նասրի և Թախտ-ի Սուլեյմանի կնքադրոշմների հետ երևան է բերում մի շարք առանձնահատկություններ: Նախ, Դվինի դրոշմների վրա շատ քիչ են արձանագրությունները (138-ից 20-ի վրա): Արձանագրությունների գերակշռող մասը կրոնական կամ աշխարհիկ բնույթի մաղթանքներ են և անուններ, որոնք երբեմն սահմանափակվում են մեկ բառով կամ հատվածով: Այդ արձանագրությունները դժվար ընթեռնելի են և վատ պահպանվածության հետեվանքով դրանց վերծանությունը երկար, քրտնաշան աշխատանք է պահանջում: Դվինի կնքադրոշմների վրա չի հանդիպում և ոչ մի կնիք, որը պատկաներ պարսիկ բարձրաստիճան աշխարհիկ և հոգևոր անձի: Այլ կերպ ասած, կնքադրոշմներին իսպառ բնորոշ չէ պետական կամ տաճարական գերատեսչություններին պատկանելը, որոնք վերահսկում էին ներքին հարաբերությունների տարբեր բնագավառներ:

Դվինի կնքադրոշմների վրա պատկերված կնիքների գերակշիռ մեծամասնությունը անձնական են: Դա առաջին հերթին բացատրվում է նուև կենդանական և բուսական պատկերներով, ինչպես նաև չափերով: Սակայն ընդհանուր խումբից առանձնանում են հինգ կնքադրոշմներ, որոնց վրա կան պաշտոնական կնիքներ: Դրանցից երեքը իրենց վրա կրում են զուտ արձանագրություններ, որոնցից մեկը հայկական գնդի կնիքով է: Մյուս երկու կնիքները նշաններ են արձանագրու-

թյուններով և անառարկելիորեն պատկանել են մոզերի, այսինքն՝ դրանցով կնքված են եղել կրոնական կամ դատական բնույթի փաստաթղթեր:

Սասանյան դատաստանագիրքը չի ժխտում այն փաստը, որ մոզերի և դատավորների (դատական գործը մեծ մասամբ դրված էր հոգևորականների վրա) կնիքները պաշտոնական էին: Հետագայում է, որ Ֆարսի մոզպետի կնիքի վրա փորագրված էր, որ նա հանդես էր գալիս զորով-վածների շահերի պաշտպանութամբ կամ անու-նից: Ա. Փերիխանյանը նկատել է, որ Փավստոս Բուղանդը ներսես կաթողիկոսի բնութագիրը տա-լիս նրան ներկայացրել է որպես «չատագով ա-մենայն զրկելոց»: Փաստն ինքնին հետագրքի է նրանով, որ այն դերը ինչ որ խաղում էին մոզ-պետները Իրանում հոգևոր և դատական գործե-րում, Հայաստանում այն կատարում էին քրիս-տոնյա հոգևորականները: Այստեղից էլ կարելի է համարձակ ասել, որ կնքագրողմաների վրա հան-դիպող խաչանշան կնիքները պատկանել են հոգե-վոր անձանց. և, ամենայն հավանականությամբ, եղել են նույնպես պաշտոնական կնիքներ: Այս առումով հատկանշական է, որ ոչ քրիստոնեական միջավայրում գտնված կնքագրողմաների վրա, ինչպես գա նկատելի է՝ միջինասիական և պարս-կական ժողովածոններում, գրեթե բացակայում են խաչանշան կնիքները, այն դեպքում, երբ նշաններով կնիքները, որոնք մոզպետներին են պատկանում, անխտիր կարգով դրոշմված են մեծ կնքագրողմաների վրա: Այս երևույթը թույլ է տալիս մտածել, որ Դվինում որպես պաշտոնա-կան անձինք տարբեր ակտերի վավերացման ժա-մանակ հանդես էին գալիս տեղի հոգևորական գործիչները կամ այն կնքագրողմաները, որոնք, անշուշտ, օտար ծագում ունեն, գալիս են կամ Ասորիքից կամ Իրանի քրիստոնյա շրջաններից:

Դվինի կնքագրողմաներով, անշուշտ, վավերաց-վել են բազմաթվանդակ փաստաթղթեր, որոնց իսկությունը վերականգնել անհնարին է: Սակայն այդ կնքագրողմաներով, դրանց արտաքին նշան-ներով և հետքերով հնարավորություն է ընձեռ-վում որոշ խմբավորումներ կատարել՝ կապված կիրառության հարցերի հետ: Այս նպատակով ինչպես Դվինում, այնպես և այլ վայրերում հայտ-նի կնքագրողմաների մեջ հնարավորություն է տրվում առանձնացնել այն օրինակները, որոնք սուղվում են առևտրական գործարքների հետ, այսինքն՝ դրանք ապրանքային կնքագրողմաներ են:

Ապրանքային հակերի կնքման վերաբերյալ

շատ հետաքրքիր վկայություններ են պահպան-վել աղբյուրներում: XI դ. պատմիչ Իբն ալ-Բալ-խին նկարագրելով Կազերուն քաղաքում (Ֆարսի նահանգ) հատուկ կտավի պատրաստման եղա-նակը, մասնավորապես նշում է. «Գոյություն ունեին միջնորդներ, որոնք որոշում էին հագուստ-ների գինը, կնքելով հակերը կնիքներով, նախ-քան այլ քաղաքների առևտրականներին հանձ-նելը: Անցյալներում միջնորդները պատրաստում էին այդպիսի հակերը, իսկ առևտրականները գալիս էին ու գնում դրանք և յուրաքանչյուր քա-ղաքում, երբ բերում էին այդ ապրանքները, ուղղակի կարդացվում էր միջնորդի վկայագիրը և հակը վաճառվում էր երբեմն առանց բացելու»:

Առևտրական գործարքներում կնքագրողմ-աների օգտագործման ավանդույթներն այնքան ու-ժեղ են եղել, որ դրանց վերաբերյալ որոշ տեղե-կություններ պահպանվել են նաև արաբական ժողովրդական բանահյուսության մեջ:

Վկայությունները առևտրական նման գոր-ծարքների և ապրանքային կնքագրողմաների վերա-բերյալ շատ սակավաթիվ են: Կնքագրողմաների որոշ խմբերի նշանակությունը պարզելու նպա-տակով շատ կարևոր է քննել Սասանյան Իրանի քաղաքային առևտրի, արհեստների հետ կապված տարբեր հարցեր, առաջին պլանի վրա մղելով արհեստավորական և առևտրական ընկերություն-ների կատարած դերը այդ խնդրում:

Իրանի առևտրի և արհեստի ներքին կազմա-կերպչական հարցերի մասին հետաքրքիր վկայու-թյուններ ունեն Իշոբոխտի իրավական ժողովա-ծուն և ասորական այլ աղբյուրներ, որոնք ման-րամասն քննության է ենթարկել Ն. Պիգուլևսկա-յան:

Այն, որ Սասանյան Իրանում արհեստավոր-ները համախմբված էին առանձին կազմակեր-պություններում, այսպես կոչված՝ ցեխերում, փաստագրված են աղբյուրներում: Արհեստների առանձին ճյուղերը ղեկավարվում են ավագների, գլխավորների կողմից: Պատահական չպետք է համարել, որ հաճախ հանդիպում են «արծաթա-գործների ավագ», «ոսկերիչների գլխավոր», կա-պարի և այլ մետաղների գծով արհեստավորների «ավագ» և այլ արտահայտություններ մի երկ-րում, որտեղ այդքան բարձր զարգացման էին հա-սել մետաղների հետ կապված արհեստները: Բո-լոր արհեստավորական ցեխերը և կորպորացիա-ները ունեին իրենց ներքին կառուցվածքը, իսկ անդամները՝ որոշակի պարտավորություններ: Նրանք բնակեցված էին քաղաքի որոշակի թա-ղամասերում, ըստ արհեստների, որոնց աշխա-

տանքը պետութեան խստիվ հսկողութեան տակ էր. քաղաքներում այն իրականացվում էր կառավարող մարմնի կողմից: Շապուհ II-ի ժամանակ հիշատակվող Փուսիկը «արհեստավորների պետ» էր՝ «կարուգրեղ», հատուկ պաշտոն՝ ստեղծված արքունիքին կից: «Կարուգրեղ» Վարդապարը հիշատակվում է նաև 544 թ. Նեստորականների ժողովի տակ ստորագրողների թվում:

Առևտուրը նույնպես կատարվում էր ընկերությունների միջոցով: Իշոբխատի մոտ մանրամասն տրված է այդ ընկերության կանոնադրությունը: Սասանյան դատաստանագրքի հոդվածներում բազմիցս հիշատակություն կա առևտրական կազմակերպությունների և ներքին կարգ ու կանոնի վերաբերյալ: «Hambayih» ընկերությունն իր բնույթով տարբերվում է համայնքից, բայց սեփականության նկատմամբ ունեցած իր վերաբերմունքով ինչ-որ տեղ մոտենում է: Նրա մեջ մտնում էին փայտտերերը, որոնք եկամտաբեր իրար մեջ բաժանում էին ըստ ներդրումների չափերի:

Իրանի և Հայաստանի տնտեսական ու քաղաքական զարգացումը վաղ միջնադարում ունենալով ընդհանուր գծեր, գնում էր տարբեր ուղղություններով: Այստեղ կարելի է միայն նշել, որ Սասանյան Իրանը կենտրոնացված ուժեղ պետություն էր, պետական կառավարչական հզոր ցանցով: Պետության հիմքերից մեկը կազմում էին խոշոր քաղաքները, աշխույժ առևտրով և զարգացած արհեստներով:

Հայաստանում երկրի անկախությունը փոխարինված էր նախարարների իրավական իշխանությունների ճանաչմամբ: Արհեստները և առևտուրը թուլացել էին, որն արագացնում էր անցումը բնատնտեսությանը:

Գաղափարական երկարատև պայքարը Իրանի և Հայաստանի միջև որոշ շափով վերջինիս զերծ պահեց մշակութային տարբեր բնագավառներում իրանական ազդեցությունից: Այնուհանդերձ այդ ազդեցությունները կան, նկատելի են հատկապես արվեստում և ավագանու կենցաղում: Սասանյան վարչական և տնտեսական գործունեության ազդեցությունը Հայաստանում նույնպես զգալի էր:

Հայաստանը Արևելքի և Արևմուտքի միջև կատարվող տարանցիկ առևտրի կենտրոններից էր: Արտաշատը չէր կորցրել իր դերը այդ առևտրում: Դրա մասին շատ հստակ է գրված Հուստինիանոսի 408/9 թ. կայսերական կոդեքսում: 428 թ. հետո, երբ երկրի քաղաքական կենտրոնը տեղափոխվում է Դվին, հույն և հռոմեացի աշ-

խարհագիրների մոտ ավանդաբար Դվինի փոխարեն դեռ հիշատակվում էր Արտաշատը: Արտաշատը արաբների օրոք հիշվում է որպես Դվինի արվարձան: Բալաձորին այն անվանում է «ներկարարների քաղաք» (al-Qirmiz): Սասանյանների օրոք Հայաստանում և Անդրկովկասում կատարվող առևտրի վերաբերյալ որոշ տվյալներ են պահպանվել: Առևտրականների, ուղիների մասին բավականին հստակ են «Պետինգերյան քարտեզում» նշված ճանապարհները և հանգրվանները:

VI դարի պատմիչ Պրոկոպիոս Կեսարացին գրում է տարբեր երկրներից Դվին ժամանած առևտրականների մասին, որոնք ապրանքների լայն փոխանակություն էին կատարում: Առևտրական ուղիների և հենակետերի վերաբերյալ հետաքրքիր խնդիր է առաջադրված Անանիա Շիրակացու կողմից, որտեղ վերջինս վկայում է, Բակտրիայից Կասպից ծովի հարավային ափերով դեպի Անդրկովկաս եկող առևտրական մի կարևոր ուղու մասին: Հետաքրքիր է, որ այդ ճանապարհի վրա հիշատակված են Գանձակը (նույն Թախտ-ի Սուլեյմանը) և Դվինը՝ կենտրոններ, որտեղից գտնվել են ապրանքային կնքադրոշմներ:

Մեզ համար կարևոր արժեք է ներկայացնում «Գիրք թղթոց»-ում բերվող վկայությունն այն մասին, որ նեստորականները Խուզիստանից (Խուժաստան) գալիս բնակվում են Հայաստանում և զբաղվում առևտրով:

Հայաստանի և մասնավորապես Դվինի արտաքին առևտրի վերաբերյալ բազմաթիվ նյութեր կան հնագիտական պեղումներից: Դրանց թվում կարելի է դասել Միջագետքից և Ասորիքից ներմուծված ապակե անոթները, փոքրասիական ծագում ունեցող կավե սրվակը՝ ս. Անդրեասի պատկերով, Նոր Բայազետի արծաթե թասերի հայտնի գանձը, սասանյան և բյուզանդական դրամները և այլն:

Վաղ միջնադարյան Հայաստանի ներքին առևտրի վերաբերյալ տեղեկությունները անհամեմատ քիչ են: Դրանք հիմնականում տեղ են գտել եկեղեցական կանոններում: Աղբյուրներից երևում է, որ հայկական կենտրոններում, հատկապես Դվինում օտար առևտրականների կողմից ստեղծված էին համայնքներ, որոնք գտնվում էին պետական հսկողության տակ և միաժամանակ ներկայացնում էին իրենց առևտրական հաստատությունները («ընկերություններ»): Պատահական չէր հենց նեստորականների մոտքը Հայաստան առևտրական նպատակներով: Նեստորականները մեծ դեր էին կատարում Իրանի առև-

արում և հովանավորվում էին արքաների կողմից:

Նեստորականների առաջին խմբերը ներթափանցում են Հայաստան V դ. վերջում: VI դ. կեսերին նեստորականների համայնքը այնքան է մեծանում, որ իր համար կառուցում է հատուկ եկեղեցի Գրիգոր Մանաճիհր Ռաժիկի անունով: Մեղ համար կարևոր է այն հանգամանքը, որ նեստորականները Հայաստան են տեղափոխվում խուզիստանից, որը, Սասանյան Իրանի առևտրական և արհեստավորական խոշոր կենտրոններից էր: Վերաբնակեցման գործում նրանց հովանավորում էր պարսից արքունիքը, ըստ երևույթին, որոշակի քաղաքական և տնտեսական նկատառումներով: Մեզ թվում է ուղղակի կապ կա նեստորականների մուտքի և ալ-Համադանու վկայության միջև Դվին քաղաքի պաշտպանության և առևտրի ծավալման հարցում խոսրով I Անուշիրվանի շինարարական գործունեության մասին, երբ նա բնակեցրեց և ամրացրեց այն:

Նեստորականների կատարած լայն առևտրի մասին են վկայում Դվինից և խուզիստանին անմիջապես մոտ գտնվող Քասր-ի-Աբու Նասր բնակավայրից գտնված կնքադրոշմները: Այդ անմիջական կապերը արտահայտված են միևնույն կնիքների առկայությամբ՝ երկու բնակավայրերից հայտնի կնքադրոշմների վրա: Կրկնվող կնիքները շորսն են: Դրանցից մեկը պաշտոնական կնիք է, որը պատկանել է ինչ-որ գրասենյակի, գուցե և առևտրական «ընկերությանը», կրում է արձանագրության մի հատված: Մյուս երեքը անձնական բնույթի կնիքներ են: Դվինի այս կնիքները հանդիպում են միայն ապրանքային կնքադրոշմների վրա, որտեղ պարզորոշ նկատելի են լայն փոկեր և պարկերի հետքեր:

Դվինում դրանք հանդիպում են մեկական օրինակներով, գրեթե նույն պատկերը կրկնվում է նաև Քասր-ի Աբու Նասրում, բացառությամբ մեկի (D—363), որը դրոշմված է հինգ տարբեր կնքադրոշմների վրա: Կնիքների համեմատությամբ կարելի է որոշակի նշել, թե Քասր-ի Աբու Նասրում որոնք են եղել ապրանքային կնքադրոշմները: Որոշ դրոշմներ կրկնվում են նաև Դվինի և Թախտ-ի Սուլեյմանի կնքադրոշմների վրա, որոնք բացառիկ հետաքրքրություն են ներկայացնում: Դրանցից մեկը հանդիպում է միաժամանակ և Քասր-ի Աբու Նասրում:

Կնիքների կրկնությունները տարբեր հուշարձաններում հնարավորություն չեն ընձեռում պարզել դրանց ծագման և տեղայնացման հարցերը: Կարելի է ենթադրել, որ բազմակնիք մեծ

կնքադրոշմները, որոնք գտնվել են Դվինում, ծագում են Քասր-ի Աբու Նասրից և ընդհանրապես, իսկ մեկ կնիքով կնքադրոշմներով վավերացված են եղել անհատական բնույթի նամակներ կամ հավատարմագրեր՝ ուղղված երկու բնակավայրերի առևտրական միջնորդներին:

Իացառված չէ այն հանգամանքը, որ հակերը կնքող կնքադրոշմները վերադարձվել են իրենց արտահանման վայրը և որպես փաստաթուղթ վերջնական հաշիվներ կատարելու համար պահվել են հատուկ տեղում:

Դվինում իրենց առևտրական համայնքներն են ունեցել հավանաբար ասորիները, որոնք մեր թվականության առաջին յոթ հարյուրամյակներում և դրանից առաջ համարվում էին Միջերկրական ծովի և Մերձավոր արևելքի առաջավոր առևտրական ժողովուրդներից: Ասորիների աղերսը Հայաստանի հետ ունի շատ խոր արմատներ՝ սկսած Տիգրան Մեծի ժամանակաշրջանից: Հետագա շրջանում ասորիները բնակություն են հաստատում երկրի արհեստավորական-առևտրական կենտրոններում, որոնց մեջ գլխավոր դերը պատկանում էր Դվինին: Ասորի առևտրականների գոյության փաստը ապացուցվում է նաև կնքադրոշմներով, որոնց վրա հանդիպում են կնիքներ՝ ձևով և պատկերագրությամբ առնչվող ասորական խմբին:

Հայաստանի արտաքին և ներքին առևտրում անշուշտ խոշոր դեր էին կատարում հայ վաճառականները, շնայած ուղղակի վկայություններ դրա մասին բացակայում են: Սակայն այն փաստերը, որ մենք ունենք վաճառականների մասին, համենայն դեպս նշում են նրանց արտոնյալ վիճակը և երկրի տնտեսությունում կատարած դերը:

Առևտրական առանձին դասերի, խմբերի առկայության փաստը Հայաստանում հաստատում են Դվինում գտնված կնքադրոշմները: Բազմակնիք ապրանքային կնքադրոշմներով վավերացված ապրանքներով առևտուր կարող էին իրականացնել միայն առևտրական ընկերությունները և ոչ թե առանձին անհատներ: Դա պարզ է դառնում նաև, երբ ուշադիր հետևում ենք տարբեր կնիքների վրա միևնույն կնիքի մի քանի անգամ հանդիպելուն:

Դվինում գտնվել են արաբական շրջանին վերաբերող երեք կնքադրոշմներ, որոնք առայժմ միակն են և հայտնի չեն Արևելքի և ոչ մի հուշարձանից: Դվինի կնքադրոշմները դրեթե բոլորն ունեն արձանագրություններ, որոնք անուններ են կամ մաղթանքներ: Արձանագրությունների վատ

պահպանվածությունը հնարավորություն չի ըն-
ձեռնում ավելի խոր հետևություններ անել:

Չնայած կնքադրոշմները գտնվել են Դվինի
IX դ. շերտում, այնուհանդերձ կնիքների պատ-
կերագրությունը և արձանագրությունները թույլ
են տալիս ասելու, որ դրանք թվագրվում են VII—
VIII դդ., իսկ կնքադրոշմներից մեկն իր վրա կը-
րում է նաև սասանյան կնիքների արտատպություն-
ներ: Այս երևույթը հետաքրքիր է պարսկա-արա-
բական առևտրական փոխհարաբերությունների
պարզման նպատակով նախնական շրջանում:
Ըստ երևույթին, արարները սկզբնական շրջանում
որոշ արտոնություններ են տվել հայ և պարսիկ
առևտրականներին իրենց գործունեության աս-
պարեզում: Այդ տեսակետից շատ հիշարժան է
Հարիբ իրն Մասլամայի պայմանագիրը Դվինի
բնակչության հետ, որը հիշատակում է Բալաձո-
րին:

Ռ. Ֆրայը նշում է, որ արարները (հատկա-
պես Օմայանների և Աբասյանների ժամանակ)
պահպանեցին սասանյան վարչական ապարատի
որոշ ինստիտուտներ, գործում էր հարկային նույն
սխեմները, շրջանառության մեջ էին սասանյան
դրամները: Ըստ երևույթին առևտրական հարա-
բերությունների մեջ էլ շատ բան պահպանվեց
սասանյաններից, որը հետագայում լայն ծավալ
ստացավ:

Դվինը արաբական և հետարաբական շըբ-
շանում չի կորցնում իր առևտրական նշանակու-
թյունը: Այդ մասին բազմաթիվ վկայություններ
են պահպանել արաբ աշխարհագիր ալ-Իստահ-
րին, ալ-Ցակուբին, ալ-Մուկադասին, Իբն Հաու-
կալը և ուրիշներ:

Դվինի արաբական կնքադրոշմները ապրան-
քային են և կապված առևտրական գործարքների
հետ: Ըստ էության դրանք իրենց արտաքին ձե-
վերում չեն տարբերվում սասանյաններից, միայն
այստեղ կնիքների գերակշիռ մեծամասնությունը
կրում է արձանագրություններ (40-ից 25-ը), զուտ
պատկերներ ունեն միայն հինգ կնիք: Որոշել, թե
դրանցից որոնք են պաշտոնական կնիքներ, դժ-
վար է, բացի խաչանշան մեկ կնիքից:

Դվինում գտնված կնքադրոշմների վրա հան-
դիպող կերպարները, անկախ գտնվելու վայրից,
սերտորեն առնչվում են սասանյան նույնատիպ
հուշարձանների հետ: Իհարկե, այդ կնիքների
մեծ մասը, որոնցով կատարվել են վավերացում-
ները, սասանյան արվեստի արգասիք են: Պա-
տահական չպետք է համարել այն փաստը, որ
կնիքների մի մասը, ըստ երևույթին, պատկանել
է տեղի բարձրաստիճան անձանց և իրենց կոմ-

պոզիցիաներով խիստ մոտենում են սասանյան
միջավայրում ստեղծված կնիքների կոմպոզի-
ցիաներին: Հավանական է, որ առավելապես այդ
կնիքների սիմվոլիկան համընկնում է բուն սա-
սանյան կնիքների սիմվոլիկայի հետ: Դա մի
երևույթ է, որը պետք է պարտադիր լիներ ելնե-
լով ժամանակի ոգուց և կապվում էր պարսկական
ազդեցության տարածման արեալի հետ:

Կնքադրոշմների վրա հանդիպող բոլոր կեն-
դանիները և թռչունները այս կամ այն շահով
կապվում են տոտեմական պաշտամունքի, դի-
ցաբանության և կոսմոգոնիական հասկացու-
թյունների հետ: Նրանց մի մասը համաստեղու-
թյուններ են կամ աստղերի սիմվոլներ և տեղ են
գտել Զոդիակում:

Դվինի կնքադրոշմները ըստ պատկերագրու-
թյան և սյուսնների դասակարգված են հետևյալ
խմբերում:

Մարդկանց պատկերներ. Ժողովածուում շատ
սակավ են հանդիպում մարդկանց պատկերներով
կնիքները: Այս հանգամանքը մի անգամ ևս ցույց
է տալիս, որ Դվինի կնքադրոշմները կնքվել են
տեղական ներկայացուցիչների կողմից և հա-
վանաբար տվյալ փաստաթղթերի կազմման արա-
րողությունը չեն մասնակցել սասանյան արքունի-
քին մոտ կանգնած բարձրաստիճան անձնավորու-
թյուններ կամ նահանգապետներ, որոնց կնիք-
ները կրում էին մարդկանց դիմապատկերներ
անձի, պաշտոնի և այլ ատրիբուտների հավաս-
տող արձանագրության հետ մեկտեղ:

Կենդանիների պատկերներ. Դվինի կնքա-
դրոշմների վրա բազմաթիվ են կենդանիների
պատկերները առանձին և տարբեր վարիացիանե-
րով: Հանդիպում են՝ առյուծ, գայլ, խոյ, քարայծ,
վարազ, աքշ, եղջերու, մուկ:

Առյուծի պատկերով դրոշմներ մեր ժողո-
վածուում հանդիպում են 3 անգամ, երկուսը՝ VI—
VII դդ. նյութերում, իսկ մեկը՝ IX դ. կնքադրոշմի
վրա: Դրոշմներից մեկի վրա պատկերված է ծառի
հովանու ներքո պառկած առյուծ, թավ բաշով,
որի գլուխը հանգչում է առյուծի թաթերի վրա:
Քասր-ի Աբու Նասրի կնքադրոշմների վրա նման
դիրքով առյուծների կնիքները բազմաթիվ են:

Տոտեմական պաշտամունքում իրենց ուրույն
տեղն ունեին գայլ, շուն էակները: Շունը հանդես
է գալիս որպես հավատարմության մարմնավորում,
որը հնուց ի վեր ծառայել է մարդուն: Պատահական
չպետք է համարել, որ հնուց եկող այս պաշտա-
մունքը ավանդաբար անցել է նաև քրիստոնեա-
կան իրականության մեջ և իրենց արտացոլումն
են գտել նաև դեկորատիվ և կիրառական ար-

վեստներում: Դվինի կնքադրոշմների վրա այդ պատկերները հանդիպում են չորս անգամ (ավելի շատ, քան մյուս կենդանիները):

Հաճախ են հանդիպում խոյերի, քարայծերի և եղջերուների պատկերները: Ընդհանուր պատկերագրական ոճով դրանք նման են Քասր-ի Աբու Նասրի նույնատիպ օրինակներին: Դրանք բոլորը անձնական բնույթի կնիքներ են և զուրկ են արձանագրություններից: Խոյերն ունեն ժապավեններ, որոնք հաշողության և արքայական մեծարման աստժու՝ հվարենայի սիմվոլն են: Դվինի կնքադրոշմների մեջ հազվագեղ են վարազի և մրկան պատկերով կնիքները: Կնիքներից մեկի վրա պատկերված է արջի գլուխը աստղային նշանով, որը հազվագյուտ է հանդիպում սասանյան կրիքների վրա: Կարիճի պատկերով կնիքները չորսն են, որոնցից երկուսը՝ թռչունի հետ, մեկը՝ լուսնի, իսկ մեկը՝ առանձին:

Թռչուններ. Դվինի կնքադրոշմների վրա հանդիպող պատկերների մեծամասնությունը թռչուններ են, գերազանցապես աղավնի, արագիլ, աքաղաղ, փասիան, արծիվ-անգղ, սիրամարգ, կարապրազ և այլն: Նրանք հանդես են գալիս ինչպես առանձին, այնպես և այլ կենդանիների հետ (օձերի, կարիճների և եղջերուի): Դրոշմներից 10-ում թռչունները հանդես են գալիս՝ երկնային լուսատուների, մասնավորապես կիսալուսնի հետ: Թռչունների այս խումբը լայն տարածում ունի ուղ սասանյան գլխատիկայում: Պատկերագրական տեսակետից որոշակի նմանություններ կան մասնավորապես Դվինի, Քասր-ի Աբու Նասրի և Թախտ-ի Սուլեյմանի կնքադրոշմների միջև, որը խոսում է դրանց միևնույն միջավայրում ստեղծվելու մասին: Կնքադրոշմների այս սյուժեները սերտորեն առնչվում են պաշտամունքի հետ և, հատկապես, դրանք պարզորոշ երևան են գալիս գրադաշտական կրոնական տեքստերում: Թռչունների այս խումբը գերազանցորեն կապվում է երկնային պաշտամունքի հետ, խորհրդանշելով հոգու անմահության գաղափար:

Հայ իրականության մեջ նույնպես մեծ տեղ է հատկացվել թռչունների պաշտամունքին հնուց մինչև մեր օրերը: Այդ են վկայում հնագիտական բազմաթիվ առարկաները և ազգագրական նյութերը: Վաղ միջնադարյան քանդակներին նվիրված իր հատուկ ուսումնասիրության մեջ Բ. Առաքելյանը մանրակրկիտ քննարկման է ենթարկել թռչունների հետ կապված առասպելական և սիմվոլիկ պատկերացումները:

Բուսական պատկերներ. Ի տարբերություն Քասր-ի Աբու Նասրի կնքադրոշմների, Դվինում

շատ քիչ են բուսական պատկերներով դրոշմները: Դրանց մեջ կարելի է հիշատակել ասորական ծագում ունեցող դրոշմը արմավենու պատկերով, խազողի տերևի նմանությունը դրոշմները և ոճավորված ծառերը՝ ընդամենը 7 հատ: Վաղ սասանյան կնիքների վրա շատ հազվագեղ են հանդիպում բուսական պատկերները: Վ. Լուկոնինը գտնում է, որ դրանք կապված են Անահիտի պաշտամունքի հետ, նրա սիմվոլներն են (տարբեր ծաղիկներ, նույն պտուղը և այլն), որը Իրանում տարածվում է IV դարում: Վաղ միջնադարյան հայկական արվեստում սկզբնական շրջանում բուսական մոտիվները բավականին զուսպ են հանդես գալիս և ավելի ոճավորված են, ինչպես դա նկատելի է Աղցի դամբարանում և Քասաղի բազիլիկայում: VI—VII դդ. բուսական մոտիվը լայն տարածում է ստանում և վերարտադրվում ավելի իրական գծերով:

Ցանտաստիկ էակներ. Այս խմբի մեջ եղած դրոշմները շնայած քիչ են, բայց բաժանվում են երկու մասի: Առաջին տիպի կնիքները, որոնց վրա պատկերված են Գոպատաշահը և թևավոր ձին, անշուշտ սասանյան ծագում ունեն: Երկու մոտիվներն էլ բազմիցս հանդիպում են սասանյան կնիքների և կնքադրոշմների վրա: Գոպատաշահը հաճախ է հանդիպում պարսկական գրավոր հուշարձաններում ու բարձրաքանդակներում: Ցուլմարդու այս կերպարը, որը Առաջավոր Ասիայի ժողովուրդների տոտեմական պատկերացումների արդյունք է, հին պարսկական արվեստի մեջ մտել է դեռևս աքեմենյան ժամանակաշրջանում: Գոպատաշահը հավանաբար կապվում է ջրի պաշտպանության և ոռոգման հետ: Խնդրի մանրամասն քննարկումը կատարել է Կ. Վ. Տրեբերը:

Երկրորդ տիպի կնիքները ստեղծվել են քրիստոնեական միջավայրում: Ընդ որում դրանք երկուսն են՝ ճյուղը ձեռքին ամուրի և զույգ ամուրների պատկերով: Սասանյան կնիքներում այս պատկերները շատ հազվագյուտ են: Քասր-ի Աբու Նասրում կա զույգ ամուրներով դրոշմի մեկ օրինակ: Դրանք իրենց թեմատիկայով շատ են մոտենում ուղ հռոմեական կնիքներին:

Սիմվոլներ, նշաններ, ինքնագրեր. Դվինի կնքադրոշմների մեջ իրենց ուրույն տեղն ունեն քրիստոնեական և գրադաշտական սիմվոլներով դրոշմները: Խաչի պատկերով կնիքները հանդիպում են յոթ անգամ: Կնիքների վրա հանդիպող խաչը չի կարող դիտվել որպես լոկ հասարակ զարդ: Մենք այստեղ տեսնում ենք որոշակի նշան, որը հավաստում է կնիքի տիրոջ քրիստոնյա լինելը: Երբեմն հանդիպում են զրադաշ-

տականության միջավայրում ստեղծված և հետագայում քրիստոնեաների ձեռքը անցած կնիքներ, որոնք լրացուցիչ փորագրել են տվել խաչի նշան:

Խաչերով սասանյան կնիքներ քիչ են հայտնի: Անդրկովկասում դրանք հազվադեպ են: Պետական էրմիտաժի հավաքածուում մեղ հայտնի է առայժմ մեկ օրինակ, որը թվագրվում է IV—V դարերով: Քասր-ի Աբու Նասրում, որտեղ բացառված չէ նեստորականների մասնակցությունը ապրանքային կնքադրոշմների վավերացմանը, նույնպես հայտնի են դրոշմներ, որոնք կարելի է համարել խաչանշան, թեև որոշ ոճական տարբերություններ նկատելի են:

Կնիքների վրա հանդիպող նշանների վերաբերյալ ուսումնասիրողների կողմից բազմաթիվ կարծիքներ են հայտնվել: Նշանների առեղծվածը լուծելու ձգտումն ինքնըստիներջան հասկանալի է, քանի որ դրանք մեծ քանակությամբ պատկերված են կնիքների, դրամների,

խեցեղեն անոթների և մասնավորապես արծաթե սպասքի վրա: Սակայն ինչքան էլ կարծիքները շատ են, բայց մինչև օրս վերջնական լուծման չեն հանգել:

Դվինի կնքադրոշմների մեջ նշանները հանդիպում են երեք անգամ, որոնցից երկուսը՝ առանձին: Որպես պարտադիր կանոն, բոլոր նշաններով կնիքներն ունեն արձանագրություն: Բաղմակնիք կնքադրոշմների վրա նշանով դրոշմներ չեն հանդիպում: Անհատական, առանձին կնիքները կարող էին պատկանել մոզերին, որոնք, ինչպես հայտնի է, վարել են դատական և այլ տիպի գործեր և հավանաբար կնքել են համապատասխան փաստաթղթեր:

Դվինի ժողովածուում հայտնի են նաև 3 ինքնագրեր, որոնցից մեկը 45 դրոշմով կնքադրոշմի վրա: Հավանական է, որ դրանք լինեն կնիքների տերերի անունների տառերը, որոնք իրիստ ոճավորված են:

THE EARLY MEDIEVAL SEALINGS FROM DVIN

A. A. KALANTARIAN

Dvin was one of the largest commercial, industrial, cultural and administrative centres of medieval Armenia. Founded in the 4th-5th centuries, Dvin became the centre of Marzpanian Armenia and was immediately drawn into the economic, political and cultural sphere of the epoch.

The numerous artifacts, architectural monuments and written sources found during the excavations testify to the great development from early medieval times in different handicrafts, trade and building in Dvin: The sealings (bullae) from Dvin are extremely interesting and permit to judge the economic, political and social life of Dvin.

The sealings (bullae), globular pieces of special clay with impressions of seals on them were used to stamp documents of various types or to seal different depositories or bales.

Forty-one such sealings have been found at Dvin on which were impressed up to 45 seals. On 37 of them we find impressions of Iranian Sasanian and other seals, which date from the 6th-7th centuries. Of utmost interest represent three sealings on which are found impressions of seals with Arabic inscriptions from the 9th century. Such sealings as far as it is known have been found for the first time.

Thousands of Sasanian sealings which were found by chance, or during excavations are kept in different museums of the world (the British Museum, Louvre, Hermitage, Teheran Museum, and so on). The largest collections of sealings have been found in Iran, in Qasr-i Abu Nasr and Takht-i Suleiman, etc. In the Soviet Union many sealings have been fo-

und in Central Asia (Samarkand, Teshik-Kala and Ak-Depe). In the Transcaucasus, the single specimens of Sasanian sealings are known to be from Urbnisi and Mingechaur.

K. Ghafadarian was the first to pay particular attention to the collection of sealings from Dvin, and different suppositions were made by him which later were summarized in his article—„The Remains of the State Archives in Dvin“, (Historical and Philological Journal, № 2, 1974).

In studying the applied handicrafts of Armenia, Babken Arakelian has given interesting information about the seals of the Sasanian period. („The Reliefs of Armenia in the 4th-7th centuries“, Yerevan, 1949).

The seal was a symbol of the power and judicial rights. The social status of the owner and his occupation in society may be determined by the seal. The historians of the Middle Ages—Lazar Pharpetsi, Stepanos Orbellian, Movses Kaghancatvatsi, Sebeos and others in their works point to that fact. In historic sources, seal-rings were represented as „palace“, „common“, and „ordinary“ seals.

In the church hierarchy there were also „ordinary“, „master“, „patriarchal“, „confirmation“ seal-rings.

There is much interesting information about seals and sealings in Persian and Arabian literary monuments, and in judicial documents („Sasanian Code of Law“, „Ishobokhtian Syrian Law Book“, Al-Beladsori, Al-Masudi, Al-Jaghdiyari, Omar-Kayam, and others).

In the study of sealings and seals, the question of chronology occupies a special pla-

ce. But, in the specifications of the seals, especially those which are engraved on precious stones, they are kept for centuries and this makes difficult to define more exactly their chronology. While the sealings are found in certain layers of the earth and may be precisely dated.

The greater part of the sealings was found in Dvin citadel and belongs to the 6th—7th century. The remains of small rooms destroyed by a great fire to all appearances, by the first Arabian invasion in 640 AD, are seen. Here, besides the archaeological objects, remains of cotton, garlic, hemp, grain and oats were found.

In the central block of the city in the layers of the 9th century Arabic sealings with inscriptions were found.

To study the different questions of applied purpose of sealings an important part may play the detailed characteristics of their external features: the chronology, the shape of seals, determination of external signs of objects to be sealed, local and non-local characters of seals etc.

The clay sealings from Dvin have mainly round forms, with a diameter of 1,5—9,0 cm., sometimes square, triangular, of indeterminate form having a single impression, the form of which is conditioned by the character and external features of the object on which a seal is stamped. All the sealings have thin holes for fastening the threads.

The reverse of sealings in discussion have an even surface, on which have been impressed the external signs of object to be sealed. It may be noted that on certain samples is well seen the remains of cloth or leather.

The possibilities which offer us the materials and the analysis of external signs of the sealings from Dvin, make possible to divide the sealings from Dvin into three groups:

1. Sealings on which there are found remains of belts, rope and cloth. They were attached to bales, bags having commercial significance. This group includes sealings with many impressions and singular sealings with one or two impressions.

2. „Bullae“ which have a concave surface. This group includes bulls having only one or

two impressions. They were attached on documents rolled up.

3. Bulls of indefinite form having an even surface sealed and attached to documents by string. This group is represented by bulls having one to four impressions.

The majority of the sealings are of a brown colour, some of them are black and one is reddish. To all appearances the difference in colour depended on the documents and goods arrived from different places. The bulls with one seal may be attached by strings and kept in appropriate places. Of special interest are two sealings, which have signs (neshan) and are official seals. These bulls are flat of a darker colour and covered with an additional glitter mass, and that is why the images of seals here and there are badly preserved.

The impressions on sealings permit to determine the form of gems, which is very important to determine the chronology and to study the separate forms of the seals and sealings. In all, 41 sealings stamped with 179 seals have been found at Dvin. 139 of these are believed to date from the late Sasanian period, and 40 of them from the early Arabian period. The latter ones are impressed on three Arabian sealings.

Careful statistic study of seals, as to their forms and shapes gives us the following picture:

Sasanian sealings—40 of them are egg-shaped and protuberant; 38 are rectangular; 34 are round; 11 are egg-shaped and flat; 4 are square, and two of them are oblique-angled.

Arabian sealings—19 of them are egg-shaped and protuberant; 8 are egg-shaped and flat; 6 are oval, 5 rectangular, and two of these sealings are square.

The greater part of Sasanian and early Arabian seals are egg-shaped, rectangular and oval. The egg-shaped seals of the Arabian period form a greater part, which attest a more developed phase of using the protuberant gems on seal-rings.

On various sealings found during the excavations at Dvin, we meet the same seals. All those who have studied the sealings have correctly pointed out that this fact is of great importance to determine the date of sealings. P.

Harper, explained the repetition of the impressions on the same sealing by a bad reproduction of the image, when the first impression was made. V. Lukonin considers that those sealings on which are repeated the same impressions are bound up with trade, that a group of persons, who participated in the trade in this case, the handicraftsmen and the merchants, possessed a part of bags or bales, in material and quantity respects. If we study the reverses of the sealings of this type with the remains found on them, we may notice that there are the remains of the cloth or belts, which has nothing to do with the documents.

In the literature on Sasanian sealings there are diverse contrary opinions as to their use. R. Göbl studying the sealings found at Takhti Suleiman, expressed the opinion that they were hung on documents, that is, the sealings were used to seal documents of different significance, the majority of them were not of local origin. Göbl points out that the importance of the documents were conditioned by the number of persons, who participated in confirmation of documents.

R. N. Frye also and then P. O. Harper recognizing that the sealings were used to approve the documents, consider that the sealings were used in trades, that is, they were used to seal the goods which participated in transit international trade.

V. Lukonin, in his numerous investigations devoted to Sasanian glyptics and to the economic and social questions on Iran, considers those sealings, which are attached to the documents as juridical.

V. Lukonin confirms his theory chiefly by data from juridical sources in the first place from the Sasanian Code of Law; and Syrian Lawyer and widely uses the inscriptions and pictures found on the seals. V. Lukonin's point of view does not exclude the usage of sealings in trade. On the contrary, he is of the opinion that the large sealings were attached to commercial packages and after their realization the sealings were kept in archives as specific trading documents which guaranteed the inviolability of rights of shareholders.

K. Ghafarian in one of his recent articles, expounded his principal thesis on sealings

proving that they are connected with the documents of state „Divan“ of Dvin, contained in the „Girk Tghtoths“ which were attached by seals of important, secular persons and ecclesiastics of the country.

K. Ghafarian considers that the numerous finding of sealings in Dvin prove the fact that at Dvin a centre or archive was to have been where the correspondence was concentrated.

In this connection, it is worthy to note the evidence of Sebeos as to the transfer of the Sunik Divan from Dvin to Pattakaran. „Before this (revolt of 570—571 A.D.), Vahan, the owner of Sunik land revolted and separated from the Armenians, and begged the Persian king Khosrov to transfer the Sunik archives of Sunik land from Dvin to Pattakaran and placed the city within the boundaries of Atrapatakan (Shahrmar“).

The evidence of Sebeos allows us to assume that in central Divan of Dvin were kept different types of documents, and among these were obligations, promissory notes, the privileges for collecting and paying taxes.

The internal reforms of Khosrov, which were also related with taxation policy, included Armenia, especially during the second half of the 6th century. When after the revolt of Vardan Mamikonian (Karmir) the country was for a time under the domination of the Sasanians. Sebeos mentions officials who were occupied with taxation and nominated by Khosrov. They were called „Hamarakar“—a Pahlavi term which means „counter“, that is the head official of the state on expenditures and incomes. The historian notes that the Armenian army „took also the royal treasury collected from taxes of that country kept at the treasure's and house Hamarakar and then was started on a journey towards the fortified country of Gelum“.

The evidence of Sebeos of „Hamarakars“ becomes for certain when we address to suitable clause of Sasanian code of Law. In one of these clauses it says that „the Hamarakars are competent also in charge and collection of taxes“.

Most probably, Dvin was one of the centres of Armenia where collection of taxes was concentrated.

All these events and sources belong to one historic period chronologically connected with finding of sealing. We can assume that some of the sealings which were found in Dvin were directly connected with taxation.

Comparison of Sasanian sealings from Dvin with those of Qasr-i Abu Nasr and Takht-i Suleiman, reveals a number of features. First of all on the sealings from Dvin we rarely see inscriptions (on 20 from a total of 138).

On the sealings from Dvin, we do not see seals belonging to Persian high-ranking officials and ecclesiastics. In other words, those sealings did not belong to any state department persons or temple priest, who supervised the various domains of internal relations. Most of the impressions stamped on the sealings from Dvin belong to the category of personal seals.

This is determined in the first place by the pictures of plant and animal or by the lack of inscriptions, and also by the size of seals. But, we can distinguish five sealings from the total group of sealings on which official seals we have. Three of them have only inscriptions and are the seals of office. Two impressions are defective and the inscriptions are not completely preserved, but nevertheless they are very interesting. V. Lukonin suggested the preliminary lecture of the inscription on one of these sealings:

center: 'lmny

edge: [l] mny gwndy ZY ktk,ZY... (or ZY ktkhw [t'yh?]. that is)

center: Armenia

edge: House of the Armenian army („gund“)
(evidently not the title *kadag xwaday*).

The defect on the inscription does not permit to decipher it completely.

Taking into consideration the precise date of this sealing (on the sealing there are three impressions also, and on one only there is an inscription which cannot be read because of its badly preservation), it will be useful probably the historic studies of Armenian sources. For the present we can only say that this seal was the seal of the central Sasanian office of Armenia, and that this office was linked to the military department (perhaps the office of the Sasanian Military Garrison?).

The other two seals have signs „neshan“ with inscriptions and undoubtedly belonged to the magians, that is, they were used to seal religious and judicial documents.

And the impressions we see on the sealings with the images of the cross belonged to ecclesiastics and in all probability they were official seals. In this connection it may be noted that on the sealings found in non-Christian regions, as we see in Central Asian and Persian collections, there is almost an absence of seals with the signs of the cross, while the seals with „neshan“, belonged to the magians, were impressed obligatory on large sealings.

This fact allows us to suppose that in Dvin the local ecclesiastics were official persons when different kinds of deeds had to be confirmed or, these sealings, which were of no doubt of foreign origin, were brought from the Christian regions of Syria or Iran.

To determine the significance of certain groups of sealings it is of utmost importance to study various questions of lower trade of handicrafts of Iran, paying special attention to the role of handicraft and trade associations.

The fact, that in Sasanian Iran, the handicraftsmen were grouped in different organizations, in so-called shops is confirmed by written sources. The different branches of the handicrafts were headed by foremen, by leading handicraftsmen. All the handicraft shops had their internal structure, and the members had certain obligations. They lived in certain quarters of the city, according to their handicrafts, and their work was under the strict surveillance of the state.

In trade the organizations were also engaged. Ishobokhti expounded in detail the statuses on such organizations. In the articles on the Sasanian Code of Law, there is much information about the commercial organizations and their internal orders. The organization „ham-baylh“, by its character, differed from the community, but by its attitude towards property it approached to it. The share-holders were included in that organization, and they divided the incomes according to the volume of their investment.

This fact mentioned above is seen on trade

sealings, when on one seal many impressions are met.

This is connected with the ordinary trade, when the share-holder, in discussion, member of the organization, confirms by the number of impressions of his seal the number of shares which belong to him, and according to this after the selling of goods the income must be divided.

In this sense, the sealings reflect brightly the rights of the members of organizations and some questions as to their structure.

The long ideological struggle between Armenia and Iran to some extent, promoted the preservation of the independence of different fields of culture in Armenia,

Nevertheless, the influence of Iran is evident—it is noticeable particularly in the arts, and in the mode of life of the aristocracy. Sasanian administrative and economical influence on Armenia was very evident, because Armenia was in a dependent position.

Armenia was one of the centres of transit trade between the East and West. This fact is marked in the Code of Justinian, 408—409 A. D. As to the trade between Armenia and the Transcaucasus during the period of the Sasanians, we find numerous data. The commercial routes, are shown rather clear on the „Tabula Peutingeriana“.

Procopios, a historian of the 6th century writes that in Dvin there were many densely populated neighbouring villages which were inhabited by people arrived with trade purpose. The tradesmen brought with them goods from India, neighbouring Iberia, from all the countries which were under the domination of Persia and also from Roman country; it is here that they made trade with each other.

Anania Shirakatsi suggested a very interesting fact in regards to the commercial routes and strong points. Shirakatsi mentioned a commercial route which extended from Baktria, along the southern shores of the Caspian Sea to the Transcaucasus. It is very interesting to note that on that route are mentioned Gandzak (that is Takht-i Suleiman) and Dvin, the centres, where sealings for trade purposes were found.

Of great value for us is the evidence we

find in the „Girk Tghtoths“ („Book of Message“), where is mentioned that the supporters of Nestor moved from Khuzistan (Khujastan), to Armenia and were occupied with trading. These events took place in the forties of the 6th century when the king of Persia was Khosrov I.

Numerous materials on the foreign trade of Armenia, particularly Dvin, were found during the excavations. Among the materials are glass vessels imported from Mesopotamia and Syria; and clay bottles on which the images of Saint Andrei whose origin is Asia Minor, and the well-known board of silver bowls from Nor-Bayazed; and the Sasanian and Byzantine coins etc.

The active trade done by the supporters of Nestor is testified by the sealings, found in Dvin and Qasr-i Abu Nasr, near Khuzistan. These direct links are expressed by the same impressions on the sealings which were found in Dvin and in Qasr-i Abu Nasr. There are four seals which are repeated. One of them an official seal belonged to an office, perhaps a commercial „association“ and had a fragment of an inscription. The other three are personal seals. These seals from Dvin we find only on the trade sealings on which are seen the remains and traces of wide belts and bags.

In Dvin we see them only in single specimens and also in Qasr-i Abu Nasr with the exception of one (D—363), which is impressed on five different sealings. A comparison of seals allows us to ascertain what sealings from Qasr-i Abu Nasr were used in commerce. A detailed analysis of the sealings from Dvin and materials from Takht-i Suleiman shows the resemblance between various impressions. It is interesting that some of them are repeated on the sealings from Dvin and Qasr-i Abu Nasr.

The repetition of seals on different monuments, however, does not allow us to make clear some questions of their origin and localisation. It may be supposed, that the big sealings stamped with many seals found in Dvin, had been prepared in Qasr-i Abu Nasr and vice-versa, and the bulls with one seal were used to seal personal letters or warrants and address to the trade middlemen of two cities. Probably in Dvin the Syrians had their trading communities, which up till and during the first

seven centuries of our era, were considered as advanced trade people of the Mediterranean Sea and the Near East.

The presence of Syrian merchants in Dvin is proved also by sealings. On one of the sealings (2197/313), which was used in commerce, two seals are stamped Syrian origin of which makes no doubt. One of the seals is made with the sign of the cross (No 2), with separate letters on it, which do not belong to the Pahlavi alphabet, but remind us of Syrian letters. The other one (No 9) is not a Sasanian seal. We see on it a palm-tree with an arrow-shaped sign. As to its form and image, the seal belongs to the Syrian group. Undoubtedly, in the foreign and home trade of Armenia, the Armenian merchants played a leading part though we have no direct evidence. But, the evidences we dispose in regards to the merchants show their privileged position and their role in the economy of the country. In all cases, there was a competition in commerce, and hence they had been obliged to form groups associations which in Dvin was under the surveillance of the town administrative bodies.

The fact of the presence of merchants in Armenia is confirmed by the sealings found in Dvin. The goods which were stamped with trade sealings with a great number of seals were used for the trade only by trade associations, but not by a single merchant. That becomes more intelligible when we follow attentively the impressions of the same seals on different sealings or the many impressions of a seal on one sealing.

The pictures which are met on the seals of sealings found in Dvin, independently of the place where they were found, is closely connected with similar Sasanian monuments. It is no mere chance that a part of the seals, belonged to all appearance to local high-ranking persons, and by their composition they are very similar to the composition of seals created in the Sasanian surroundings. It is very likely that the symbolics of these seals coincides with the symbolics of Sasanian seals.

The analysis of the pictures and the classification of seal themes of sealings from Dvin

are done on the basis of the works of P. Harper.

There are seven seals with the images of men and one of them—2197/314—has been impressed on a sealing three times. The man standing in the centre is holding on the right an animal whose elongated body is very clearly underlined. The image of the horseman on the sealing with one seal is very interesting and dynamic. The horseman is holding a sword (or spear) in his hand and has a triangular hat on his head. At the bottom of the seal, immediately below the horse, a stylized chamois is represented.

On the sealings from Dvin numerous images of animals are met. There are images of lion, chamois, wolf, sheep, wild boar, bear, deer and mouse.

These impressions with the images of lions are met in our collection three times. Two of them are in the artifacts of the 6th—7th centuries, and one of them sealing of the 9th century. One of impressions probably from functional point of view belongs to another group of sealings. On it is represented a sitting lion with a dense mane, with its head on its front paws. In totemic worship, the wolf and the dog have their particular place. It is no mere chance that, this worship going back to antiquity penetrated into Christian reality and was expressed in the decorative and applied art. On the sealings from Dvin these images are met four times.

On the sealings from Dvin, we often see the impressions on which sheep, chamois and deer are represented. The general style of the images is smaller than the identical samples from Qasr-i Abu Nasr. They are all personal seals and have no inscriptions.

We meet seals with the image of wild boar, bear and mouse. On one of the seals a full-faced bear is represented with an astral sign which is rarely seen on Sasanian seals.

There are four impressions which represent a scorpion, on two of them the scorpion is represented with a bird, on one with the moon, and on the other it is alone.

The majority of the images on impressions of sealings from Dvin represents birds chiefly pigeon, stork, pheasant, eagle-griffon, peacock,

swan, and duck etc. They are represented alone and with other animals (snakes, scorpions and deer). On ten impressions, the birds are represented with heavenly bodies, particularly with the half-moon. This group of birds was widely used in the late Sasanian glyptics. From the point of view of the representation technique, there is some resemblance between the sealings from Dvin, Qasr-i Abu Nasr and Takht-i Suleiman, which prove that they were made in the same place.

These themes on sealings are closely linked with the worship and particularly they clearly appear in the religious texts of Zoroastrianism. This group of birds is connected mainly with the heavenly worship symbolizing the idea of immortality of soul. With the idea of fertility is connected the image of the stork and of the bird of paradise—the peacock.

In contrast to the sealings from Qasr-i Abu Nasr, there are very few seals with the images of plants in Dvin among them (there are seven in all) it may be mentioned the seal of Syrian origin on which a palm tree is represented, seals with images of leaves like vines, and stylized trees, are seen. On the early Sasanian seals the images of plants are seldom seen.

At the beginning, the plant motif in the early medieval art of Armenia was very rare but stylized as it may be seen on the Achts mausoleum, on the basilica in Kasakh, and on a number of other monuments. In the 6th and 7th centuries, the plant motif was widely used and began to appear in more realistic form. That is especially seen in the temple at Zvartnots which, as is known formed a whole epoch in the history of Armenian architecture and ornamentation.

Though the seals of this group are no numerous, nevertheless, we divide them into two parts. The first type of seals on which are represented Gopatshah and the winged horse, evidently is of Sasanian origin. The seal with the image of Gopatschah is seen on one seal of the 9th century from Dvin:

The seals of the second type were made in Christian surroundings. Two of them have images of Cupid, with a branch in his hand, and the other a pair of Cupids. On Sasanian seals, such images are very rare. As to their

themes, they are very similar to the late Roman seals.

Among the sealings from Dvin, seals with Christian and Zoroastrian symbols occupy a peculiar place. The cross which is seen on the seals cannot be considered only as a sample ornament.

The basic symbol of a strange faith (in this case the cross) could not have been used on the seals as an empty decoration. We suppose that it is a certain sign which proves that the owner of the seal was of Christian faith.

Sometimes, we meet seals made in Zoroastrian surroundings and later passed into the hands of Christians and which carved supplementary on them the sign of the cross.

The seals with the images of the cross of the sealings from Dvin are met seven times. The seals with various signs of the cross on one sealing is met only one time. One of these seals with a sign of the cross is dated from the 9th century. One of the seals with the image of a cross has a short, probably a Syrian inscription. This seal of foreign origin belonged to a Christian, but non-Armenian, or to a representative of a local Syrian community. Nevertheless, we can assume that some of the seals with the images of the cross which were used for stamping impressions on the sealings were made in the workshops of Dvin.

Sasanian seals with crosses are little known. They are met rarely in the Transcaucasus, and in the collection of the State Hermitage we know for the present only one sample which is dated to the 4th—5th centuries.

The investigators have expressed many opinions as to the significance of the neshan which appear on the seals.

The desire to unravel the secret of the neshan is understandable because those signs in a great number were represented on the seals, on coins, on ceramic, and silver vessels. But, till now, there is not a final decision of that question.

On the sealings from Dvin we see neshan (signs) three times. Two of them are on individual seals, and one of them has an impression made on a sealing with four seals. As a rule, all the seals with neshan have inscriptions.

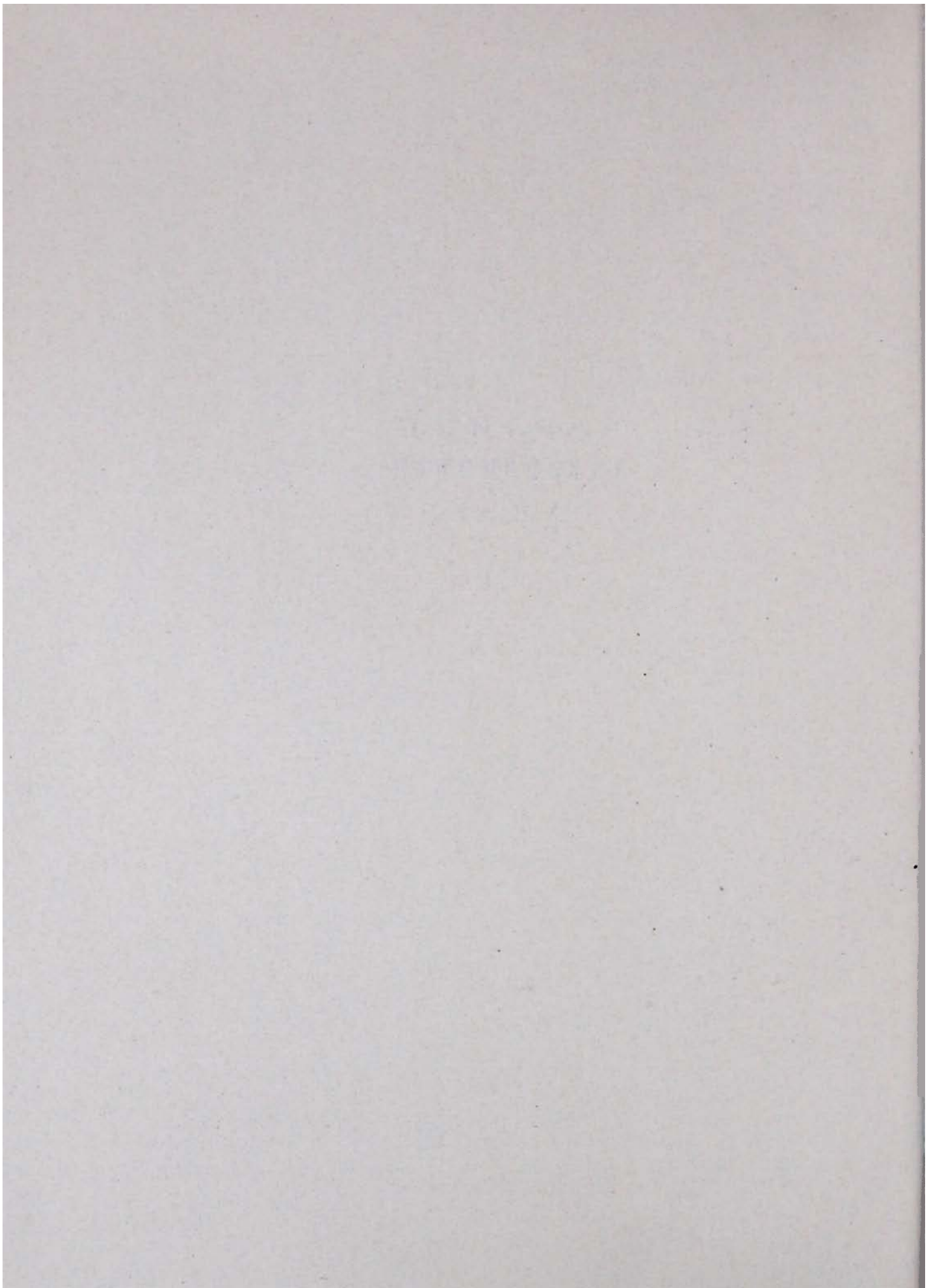
On sealings with many seals, impressions with neshan have not been seen.

In the Dvin collection there are three monograms, one of which has 45 seals on one sealing. It is very likely that the letters of names of the owner of those seals are well stylized.

It is of utmost interest the artifact found in Armenia, a fragment of a ceramic vessel found during the excavations made in Aigevan village (Ararat region) in 1973 (under the leadership of the academician B. B. Plotrovski), on which was stamped neshan very similar by its form to neshan met on the seals. This fragment was found in the upper layer and is definitely dated to the 5th—7th centuries. The fragment of the ceramic vessel with the

Impression of the neshan allows us to suppose the existence in that region of an institute connected with the Sasanian worship. In 1975, in that same place, was found a head of a sheep done in white sandstone. Considering the peculiarities of the working of that artifact, we think that it is a capital. Two-headed capitals during the Achaemenian period were widely in use in the Transcaucasus and in Iran as well. In the later periods, especially in the Sasanian era, the presence of that kind of capital is unknown to us. The head of a sheep from Aigevan confirms the fact that here we have to do with a building, of worship, the remains of which have not been preserved, it seems to be destroyed during the first years of the adoption of Christianity.

ТАБЛИЦЫ
ԱՂՅՈՒՍԱԿՆԵՐ
TABLES

1

3

4

6

7

9

10

2

12

13

14

17

15

16

18

19

20

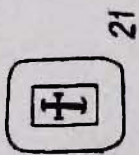

8

11

11

21

III

22

23

24

25

32

33

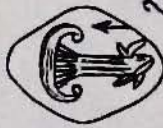

34

IV

27

28

35

36

37

26

25

30

31

38

40

39

49

52

42

55

45

58

48

50

51

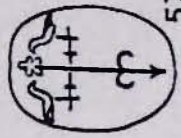
53

54

56

57

59

60

41

43

44

46

47

61

62

63

64

65

66

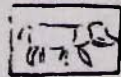
67

68

69

70

71

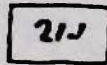
72

73

74

75

76

77

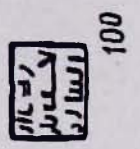
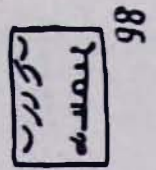
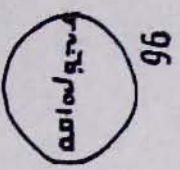
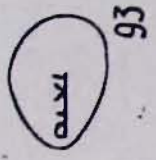
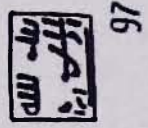
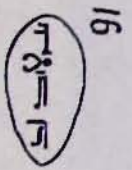
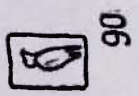
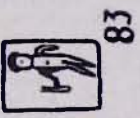
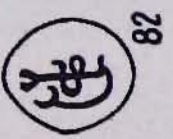
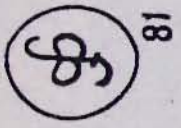
78

79

80

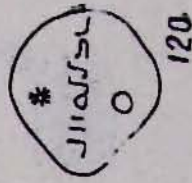
XII

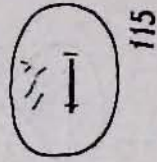
114

117

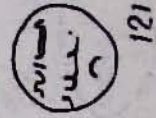
120

115

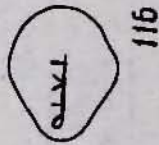
118

121

113

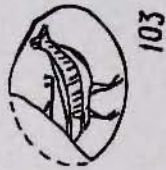

116

119

XI

103

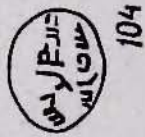
106

109

112

104

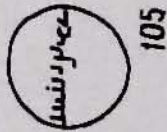
107

110

102

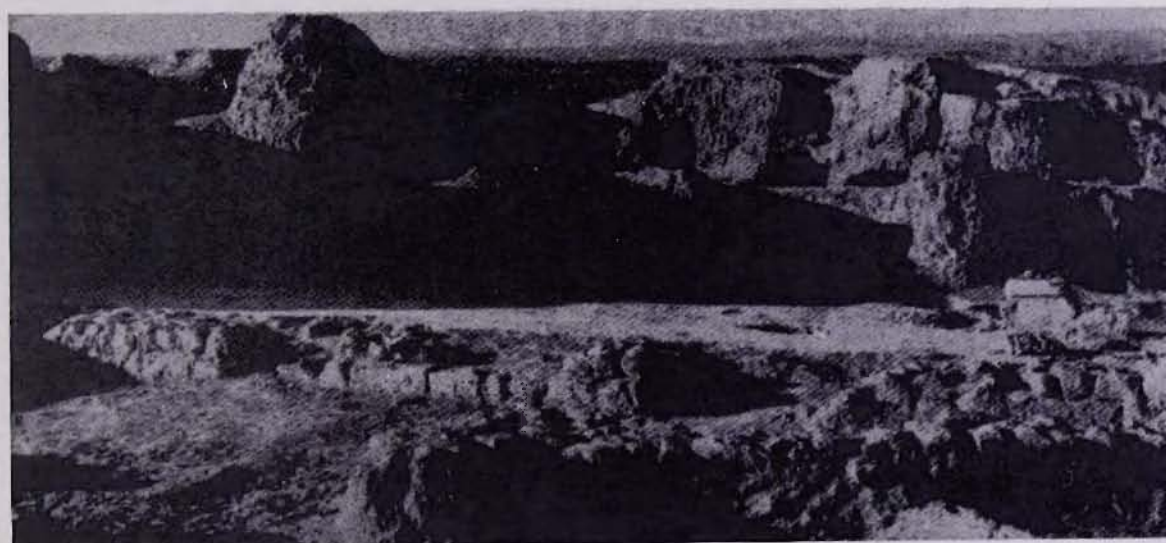
105

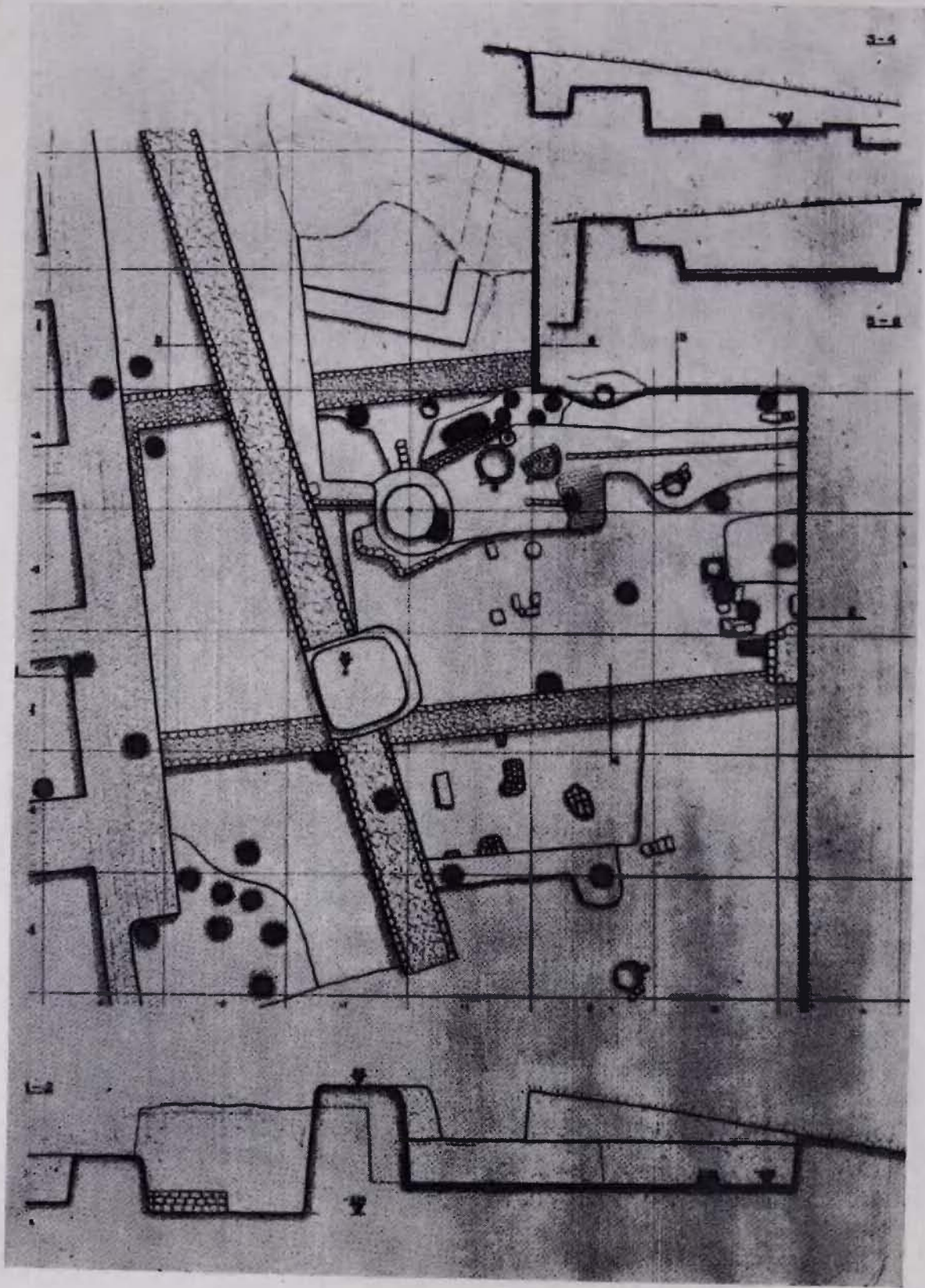

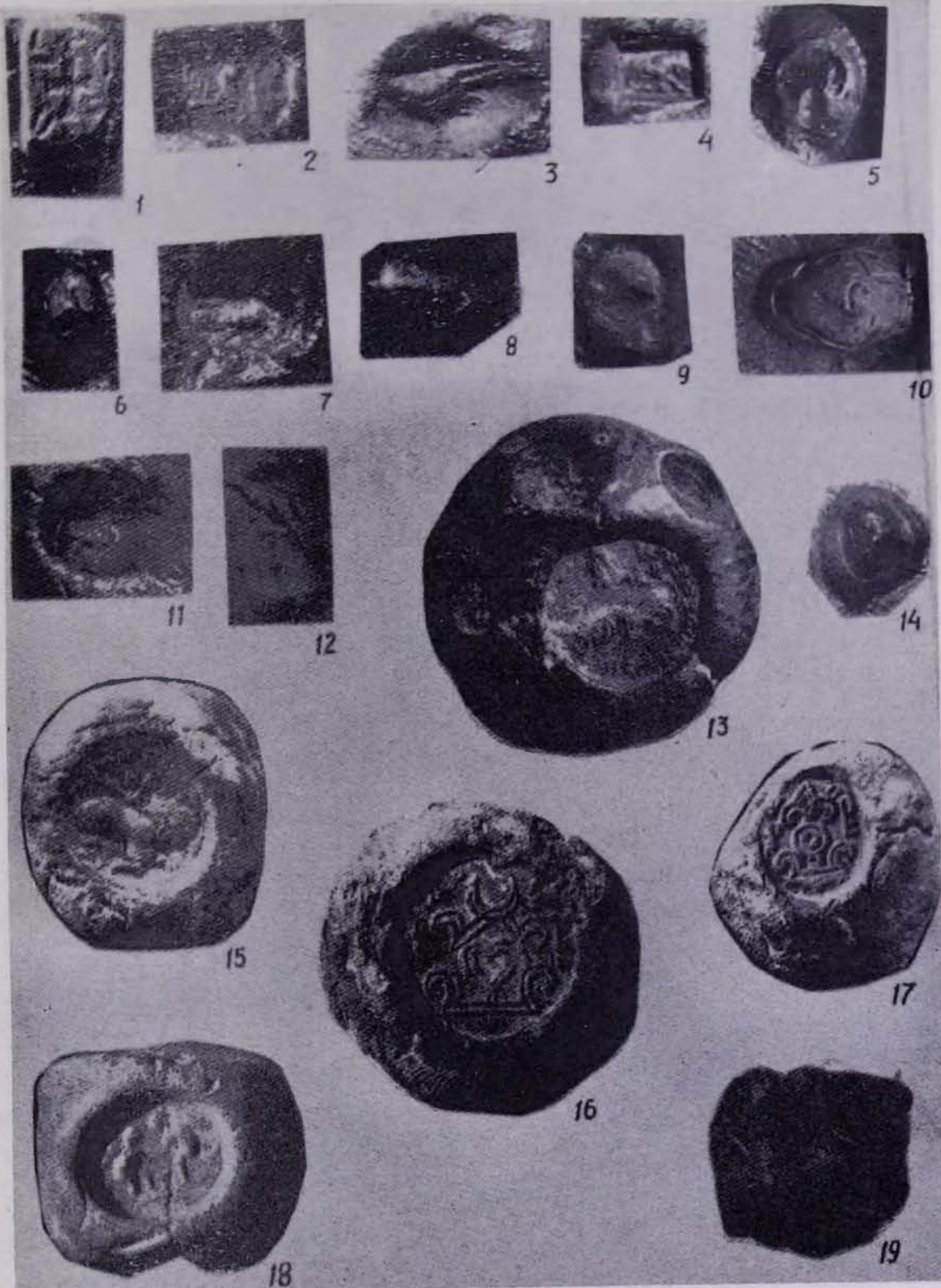
108

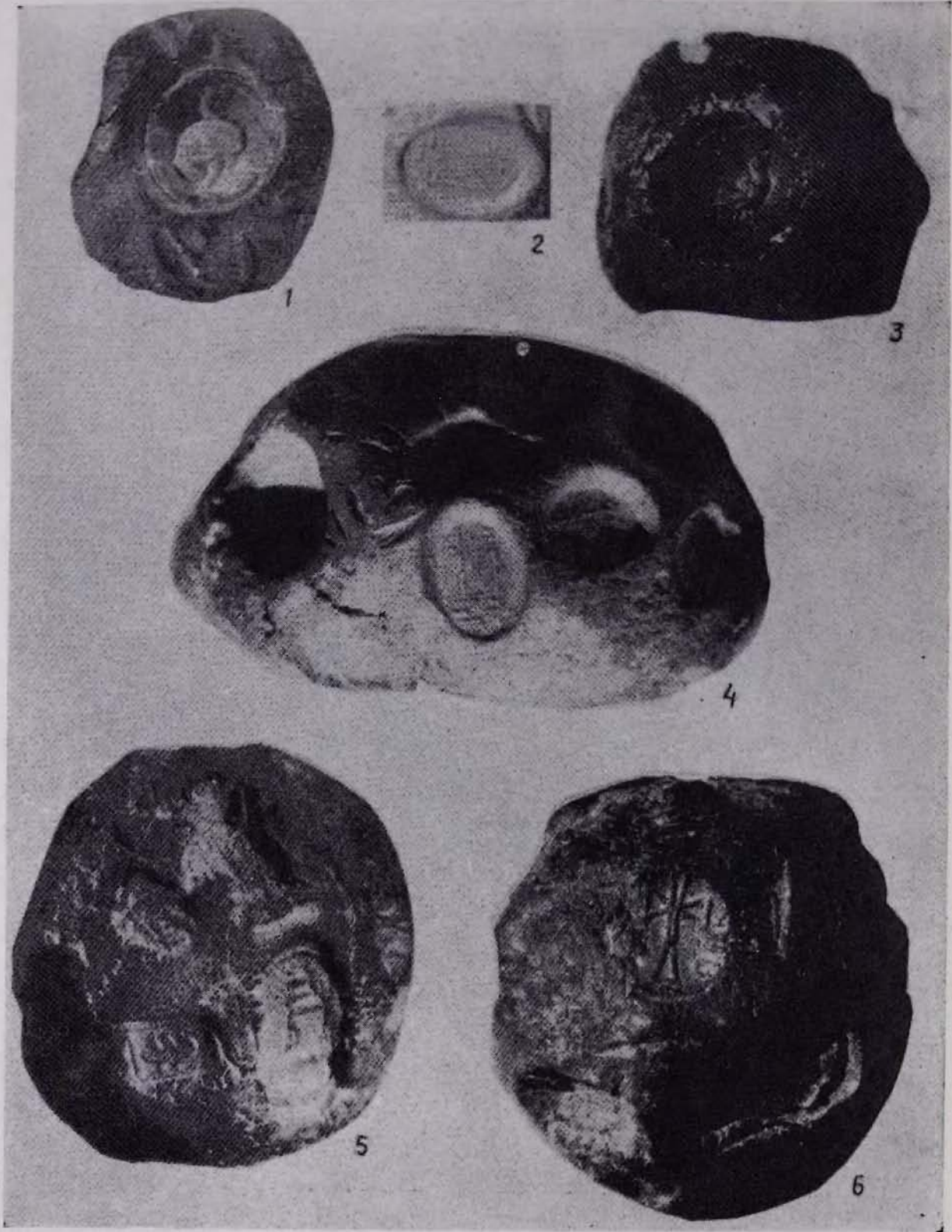

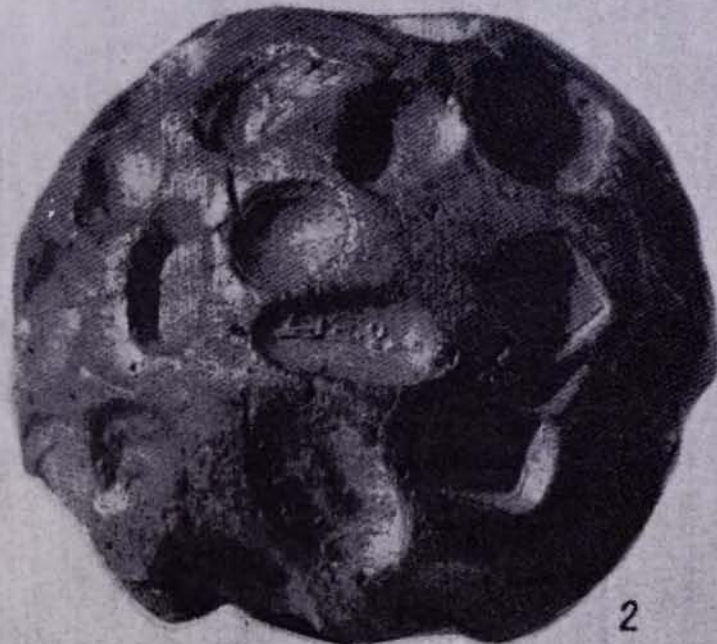
111

IIIAX

1

2

3

4

5

6

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава I. Датировка булл</i>	13
<i>Глава II. Описание булл</i>	16
<i>Глава III. Применение булл и некоторые социально-экономические вопросы</i>	20
<i>Глава IV. Символика и изображения</i>	32
Каталог	39
Список сокращений	49
Կլիբի վաղմիջնադարյան կնիքադրոշմերը	Ճ0
The Early Medieval Sealings from Dvin	61
Таблицы	69

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ

13

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК V

КАЛАНТАРЯН АРАМ АШОТОВИЧ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУЛЛЫ ДВИНА

Редактор издательства Р. А. БАГДАСАРЯН
Художники Н. А. ХАНЗАДЯН, К. К. КАФАДАРЯН
Худ. редактор Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Техн. редактор А. М. МАНУЧАРЯН
Корректоры Л. И. КОВАЛЬ, Э. А. СОХИКЯН

ИБ № 562

Сдано в набор 31.03.1981 г. Подписано к печати 14.04.1982 г.
ВФ 03750. Формат 60×90¹/₈. Бумага № 1. Шрифт «Литературный»,
высокая печать. Печ. л. 4,25+14 рис. Усл. печ. 10,45, Учетно-изд. л. 8,36.
Тираж 1000. Зак. 292. Изд. № 5576. Цена 1 р. 35 к.
Издательство АН Арм. ССР, 375019, Ереван, ул. Барекамутяп, 24 г.
Типография Издательства АН Арм. ССР, 378310, г. Эчмиадзин,

